

Деметрий Ласкаль

Каталепсия

*Роман о культе тела, и телесных
культах, и зле ко злу, и зле от зла,
и падении человеческом*

Издательские решения
По лицензии Ridero
2020

УДК 82-3
ББК 84-4
П19

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Паскаль Деметрий

П19 Катаlepsия : Роман о культе тела, и телесных культах, и зле ко злу, и зле от зла, и падении человеческого / Деметрий Паскаль. — [б. м.] : Издательские решения, 2020. — 482 с.
ISBN 978-5-4485-7721-5

Первое нестихотворное произведение Деметрия Паскаля из класса «практикумов по высшей социологии». Роман о пороке, меланхолии и маниакально-депрессивном психозе как обратной стороне зарождающегося гения.

**УДК 82-3
ББК 84-4**

18+

В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-4485-7721-5

© Деметрий Паскаль, 2020

И встретишь ты, когда не ждёшь
И обретёшь не там, где ищешь.

Обращение к читателю

Что ж, если ты, читатель, умудрился в своём стремлении познавать, или стать лучше, или совершать чисто действия, поддерживающие иллюзию саморазвития, — если ты умудрился из бездны информационного мусора извлечь настоящее произведение, то тебе повезло и тебе следовало бы заранее начать радоваться, однако никакая радость не обходится без горечи, как и на этот раз, ибо если ты наткнулся на моё произведение, на плод труда совсем не знакомого автора, то, должно быть, сперва ты проделал вполне интересный или весьма скучный, но, всё же, слишком длительный путь через (не многочисленные, но труднодоступные) произведения моих предшественников или целые горы совершенно разных и часто недостойных твоего внимания книг; теперь я хочу довести тебя, мой читатель, не только до осознания, очень вероятно, впустую потраченного времени, но и до осознания того, что если ты дошёл до моей книги, сложной, запрещённой и многими отвергаемой, то меня уже нет, то ты многое упустил, потерял, утратил, хотя узнаешь об этом только после прочтения: а если более-менее спокойное неведение нравится тебе больше, то просто не читай эту книгу, ведь вряд ли ты вообще имел от чтения удовольствие, да и много посредственных книг существует, если ты и думать не любишь. Может быть, я уже успел наскучить, за что прошу прощения; наверное, ты думаешь, чем же сей роман сможет удивить тебя, так много повидавшего, как кажется, но не думай, что все книги похожи, или что вся современная литература претерпевает декаданс, или что все достойные темы исчерпаны, или что ты достаточно много знаешь, чтобы стать удивлённым: я опровергну твоё мнение, переверну мировоззрение и систему восприятия, если такое возможно, ибо не каждый способен исправиться и не каждый этого достоин.

~~Прежде чем наткнуться на вступления в роман, чита-~~

тель должен, обязан узнать важные факты из жизни автора, ибо никакая книга не получится хорошей, если автор не внесёт в неё собственную жизнь, и никакая книга не будет понята верно, если не знать, на основе чего она писалась. Какое бы хорошее мнение ни сложилось об авторе или его таланте, необходимо отметить, что писал её труд — человек больной и по болезни — человек чувственный, который воспринимал жизнь гораздо красочнее реальности, что в подавляющем большинстве случаев было карой, а не даром. Этот человек родился в средней семье дегенератов, отчего не стал наркоманом, но и здоровым человеком не вырос; с самого детства он был мизантропом и интровертом, к концу детства у него обнаружились мелкие физические патологии, в подростковом возрасте — вместе с гормональной революцией проснулись садизм, зоофилия, гомосексуальность и прочие извращения; затем последние утихли, но после небольшого перерыва превратились в лёгкую шизофрению, а чуть позже — в биполярное расстройство, при влиянии которого и писалась «Каталепсия»; позднее автор стал настоящим психопатом.

Далее — запутанный и нестандартный роман о ненормальной жизни больного человека, который прекрасно осознаёт свою болезнь, но не может покинуть мир, в котором родился, членом которого родился, поскольку есть вещи посильнее его. Такие люди могут быть достойными уважения, сожаления, понимания, терпения к ним, ибо в своих болезнях не виноваты и зачастую чувствуют и переживают в несколько раз больше эмоций, нежели средние люди; однако, все они — дегенераты и встречаются часто среди нас, угрожают вмешаться в жизнь любого или вовсе дойти до преступления, поэтому пусть общество делает выбор, как относиться к ним: быть гуманным или мёртвым. Роман убеждает, что дегенераты на самом деле таковы, какими они описывались

и во что обычные люди не верят с первого раза.

Я считаю этот роман настоящим шедевром, однако пусть это останется моим субъективным мнением. Секрет романа заключается в том, что я, автор, являюсь весьма чувственным и впечатлительным человеком, что позволяет мне улавливать другим недоступное. Это хорошие качества для творчества, но своих носителей они, к сожалению, убивают.

В основе романа лежит настоящая жизнь настоящих людей; в нём нет умысла и нет вымысла, в нём нет фантазии и приукрашивания, как нет и сглаживания: роман всецело списан с жизни со всеми её радостями и мерзостями; в противном случае роман бы не имел смысла, ибо повторял бы уже какой-то из существующих и не стоил бы затраченного на себя времени. Автор не придерживается фантастических и остросюжетных жанров и выступает против них; целью художественной литературы автор считает человека и человеческие проблемы, имевшие место в реальной жизни. Жизнь сама предоставит вам сюжет, причём такой, который даже самая извращённая фантазия не сделает; для примера возьмём историю брака родителей одного из персонажей книги: они познакомились в пределах своего университета и сблизились, женщина зателела с первого в своей жизни секса и решила сохранить ребёнка при всех настояниях родственников на аборт, появление ребёнка стало причиной для брака и фактически испортило матери всё будущее, не дав ей без большого труда получить нормальное образование и найти работу по своим желаниям и возможностям; при этих обстоятельствах отец-виновник оставался свободным грешником, а мать терпела его окаянства в желании сохранить семью и из чувства безысходности; в последующие пять лет мать перенесла около пяти абортов, поскольку новых детей отец не же-

лал; через время один из плодов, всё-таки, не был абортирован и появился на свет, но физически больным, с дефектами скелета и обречённым периодически болеть чем угодно по причине патологически слабого иммунитета; после этого семья существовала около двенадцати лет, пока на каком-то рок-фестивале отец не выебал молодую девчонку (бывшую старше первой дочки на 5—6 лет), которая от него забеременела; заставивший жену сделать пять аборт муж не настоял на аборте у этой белобрысой ведьмы и бросил свою семью, чтобы на ней (ведьме) жениться; при этом — он выселил родных дочек и верную жену из квартиры, а также мошенническим способом получил освобождение от уплаты алиментов. На момент развода родителей старшей дочке было около 16-ти, и произошедшее она по понятным причинам перенесла сугубо тяжело, ибо в самый нужный период лишилась отца; красавица и умница, она немного ёбнулась на голову и с тех пор избегала парней с сильными личностными качествами; через два-три года она оформилась такой же ведьмой, как и та шмара, которая увела из семьи её отца; будучи ведьмой, она сама стала приносить страдания тем, кто влюблялся в неё и желал ей помочь. А если смотреть на подробности этого, то попадёшь в такую путаницу, что и сам чёрт ногу сломит. И главная проблема состоит в том, что такие люди живут среди нас и будут жить, потому что никто не запрещает им размножаться.

09.10.2016

...она становилась своего рода божеством-символом нерушимого Сладострастия, бессмертной Истерии, проклятой Красоты, избранной катаlepsией, которая свела ей плоть, сделала жесткими мускулы; безразличным, равнодушным, бесчувственным Чудовищем, отравляющим, как ан-

*тичная Елена, все, что приближается, все, что
ее видит, все, к чему прикасается
Жорис Тюиманс «Наоборот»*

Представьте, что всю жизнь вы были одиноки; вы были молоды, полны энергии, готовы на подвиги и на самые прекрасные чувства, но вам не с кем было этим поделиться — и энергию выплеснуть во что-то стороннее оказывалось невозможным, посему вы неминуемо томились от сдерживаемых чувств, утрачивали надежду на благое, мало-помалу портились духовно, остывали и черствели; через год другой нажитые апатия и жестокость порождали храбрость в общении, поэтому вы даже не заметили, как в течение ещё нескольких лет раз десять вступали в некогда вожделенные отношения с самыми разными девушками, но непрестанно разочаровывались во всех и продолжали утрачивать способности к высоким чувствам, но боле склонялись к чистой похоти, хотя похоть не бывает чистой; прошло ещё столько-то времени, вы отвлеклись от самого себя, ушли в обыденность, на совершали ошибок и — по собственным ощущениям — повзрослели, изменились, причём дважды или трижды, уже не похожи на своё прошлое и вообще мало что сохраняете от былых времён; вы снова верите в любовь и хотите именно любить. Но вы неизбежно сталкиваетесь с известными трудностями, не наступаете, конечно, на старые грабли, но начинаете вспоминать о них и черствеете вновь; и тут вдруг совершенно случайно вы знакомитесь с девушкой своей мечты, вполне симпатичной внешне и содержащей внутри себя весь набор противоречивых качеств, вами желаемых, но никогда не укладывавшихся у вас в голове вместе; естественно, вы сталкиваетесь с трудностями, надеваете маски, играете роли перед ней, дабы внушить приязнь к себе, а уж потом показать

своё настоящее лицо, не страшное вовсе, но не такое безупречное, чтобы можно было показывать его сразу; проходит несколько встреч, вы продвигаетесь вперёд, но весьма ничтожно, поэтому риск допустить ошибку и негативные последствия от неё всегда держатся на высоком уровне. Случается трудный день — повседневность никуда не денешь, — но после всех дел вы встречаетесь с этой девушкой почти что на её территории, подходите к пустой детской площадке, где случилось ваше первое объятие, а там для утоления голода выпиваете, допустим, молоко, на сей раз много молока, потому что упаковка от него больше не закроется, а выбрасывать всё-таки жалко; затем вы с нею (с девушкой) гуляете — и всё кажется чудесным, идёт по плану, но через полчаса молоко даёт о себе знать тем, что за какие-то две-три минуты желание посрать появляется внезапно и достигает своего пика, слишком быстро начинает вызывать конвульсии и боли в животе, отчего вы понимаете сразу, что при всём терпении обосрётесь через пять минут в лучшем случае, а положение безысходное — центр города, общественный парк, вокруг ходят люди, а вообще-то на улице зима, поэтому всё в парке просматривается и не прикроют вас ни кусты, ни деревья, а от девушки то же не отвяжешься просто так, чтобы не пришлось выпутывать потом, да и домой к ней (если попросишься) идти минут сорок, а к себе — ехать час, а приступы болей в животе усиливаются и подгоняют принять решение, сделать выбор без выбора — и такой бывает жизнь... в аналогичном положении оказался и Ваня, но не в прямом смысле, хотелось бы думать...

У многих атлетов, даже если они добиваются чего-то наглядного в будущем, при начале известного стиля жизни всегда возникает такая проблема: первые год или два тренировок они тратят на хуйню, но не на тренировки, потому что тшятся отточить тело, которого ещё

не имеют, ибо *оттачивать*, работать на рельеф при неимении тела — куда проще, нежели *наращивать*, хотя сие — лишь побочное, а канва ошибки кроется как в незнании основ биологии в сочетании с житейскими предрассудками на этот счёт, так и неумении учиться на чужих просчётах пополам с большими амбициями, из коих исходит желание получить за несколько месяцев то, что должно нарабатываться тройкой лет, при сём не затрачивая, помимо времени, и усилий должных; к тому же, эти так называемые «подснежники», приходящие после зимних праздников в надежде накачаться к лету, думают, что хороших тренировок будет достаточно для роста мышц, а спать всё равно можно и по пять часов в день, а кушать что-то полезное совсем не обязательно, да и тренировок хороших они не проводят; тем не менее, некоторые из таких, за два года не получив никаких результатов, всё же тренируются дальше и чему-нибудь учатся, а спустя ещё два года уже пожинают плоды, но редко вельми способны довольствоваться ими — и не возжелать пущих. Тренировки продолжают-ся, однако, когда глупостям настанёт конец, суть тренировки, в общем, не изменяется: она становится культом; она превращается в смысл существования, становится регулярной, повторяется из недели в неделю, сопровождаясь вседневным режимом, большими ограничениями в пище, в развлечениях и т. д.; тренировка овладевает человеком, посему он и живёт от одной тренировки до другой, повторяет одно и то же в надежде, что нечто изменится, что изменится отношение окружающих к этому человеку, что появится слава, уважение, что в личной жизни всё наладится, хотя он, напротив, лишает себя личной жизни и не предпринимает ничего для свершения истинных целей, потому что в них он себе не признаётся; этот человек только кушает как двое, спит долго, тренируется регулярно, а в оставшееся вре-

мя работает, дабы иметь средства на такую жизнь; добиваясь ещё большего, он начинает медленно умирать, разделяя саморазрушение с манией величия; это похоже на безумие.

Часть первая. Культ Икара

Икар (Icaros) — это персонаж из древнегреческого мифа, который надел на себя искусственные крылья из настоящих перьев, скреплённых воском, и полетел по направлению к солнцу; солнце обжигало его всё сильнее, но Икар двигался к своей цели, не останавливаясь, не сменяя курса, потому что ЖЕЛАЛ коснуться солнца; его целеустремлённость привела к тому, что воск расплавился, крылья развалились, поэтому Икар упал в море и утонул, погиб, но не проиграл, потому что не изменил самому себе и стремился к цели до последнего. Так же делают и самые сильные духом атлеты, имея цель такую значимую, что стремление к ней идёт во вред организму и привязывает спортсмена к его спорту навсегда, или к могиле; обычно такие спортсмены не доживают до мировой известности, но в противном случае они становятся величайшими.

Боязнь за «шкуру», за завтрашний день — вот основной тезис, из которого отправляется современный русский человек, и это смутное ожидание вечно грозящей опасности уничтожает в нем не только позыв к деятельности, но и к самой жизни.

М. Е. Салтыков-Щедрин

I

Середина августа. Утро выдалось жарким и очень солнечным, что для Абхазии нормально, в общем-то, но в данный день Ване невозможно наслаждаться последним утром в этой стране, последним утром на безлюдном каменистом пляже, где вода чиста, как кристалл, а ветер нежен и приятен, словно девушка, о каких давным-давно писались килограммы книг, но какие в жизни больше не встречаются; и Ваня не проснётся до захода солнца и не прогуляется по сему чудесному посёлку, где новые дома чередуются со сгнившими и где разваленная ещё в 90-х школа песчаным футбольным полем отделяется от средневекового замка, сохранившегося куда лучше, — ибо Ваня отравился за день-два до этого, просыпался пять раз за ночь, чтобы проблеваться иль просрать, отчего к утру проснулся еле-еле и в глубоком истощении, но и не выздоровевшим, тем не менее. Его всё равно тошнит, поэтому никакого завтрака не случится, что не так плохо, ибо следует собрать вещи побыстрее, дабы успеть на автобус до границы. Этот день окажется для него пыткой. Этот день действительно придётся пережить.

На автобус он успел. Тот едет. Едет вполне быстро, но не настолько, чтобы нельзя было насмотреться на красоты этих плодородных мест и чистейшего моря, виднеющегося, впрочем, из окна с другой стороны; и не настолько быстро едет этот автобус, чтобы за двадцать минут в нём не стало душно и чтобы не трясся он на ямах и кочках, вызывая укачивание и тошноту и у многих, а у Вани — только усиливая уже имеющееся; но Ваня держится и чувствует, кажется, облегчение, но ему только кажется. Затем таможня; в десять утра уже

печёт солнце — да печёт посильнее дневного, потому что утром влажность ещё остаётся высокой; вдобавок, приходится нести тяжёлую сумку — и нести быстро, так как людей много назади, подгоняют; а впереди Ваню будет ждать очередь в десятки человек — и на очень ограниченном пространстве, пусть и не в здании и не под солнцем, но при отравлении разницы не заметишь: всё — геенна; благо, что позывы к поносу прошли вместе с потом, а тошнота и риск проблеваться не так страшны, как обосраться. Всё же, после таможни придётся пройти километр до остановки, зато довольно скоро подъедет совершенно новый автобус в Сочи, с большими прозрачными окнами и, к тому же, почти пустой, так что даже посидеть — получится; получится и полюбоваться интересным этим городом из окна, пока инфекция не даст о себе знать в очередной раз. И неизвестно, как бы хорошо и безынтересно прошёл этот день, если бы через десять минут автобус не забился (какая-то девочка упала в обморок...), а через ещё десять не встал бы в гигантскую пробку в районе Адлера, из-за которой пять километров не заканчивались бы час или полтора часа, ввиду чего в автобусе стало б душно и жарко немерено, пропорционально чему росла бы тошнота; но это произошло, к несчастью, потому попытка продолжилась, зато, окончившись, породила ещё пущее удовольствие и облегчение, хотя полностью она не окончилась и после. Так Ваня прибыл в Сочи.

Сдал вещи на вокзале; до поезда ещё часа 4: можно прогуляться. И он совершил прогулку по одной из главных улиц, затем свернул на красивую аллею — или это была набережная возле местной реки? — а деревья вдоль каменной дороги почему-то были жёлты, словно в середине осени, но большее не было замечено и оценено, поскольку жара не отступала и влияла на восприятие разительно; аллея кончила, через мост Ваня пришёл в парк

космонавтов, где нашёл исключительно искусственную природу, а людей практически не встретил ввиду жары — и аттракционы по той же причине не работали в большинстве своём, но стояли накрытыми и нагретыми; так прошло до двух часов. Опосля Ваня пошёл назад путём покороче и даже нашёл время заглянуть в столовую какой-то русской сети, а в ней было чисто, просторно, безлюдно — и пюре оказалось вкусным и дешёвым, а съесть что-то более питательное Ваня не рискнул. Затем вокзал; поезд; путь домой.

Я человек больной... Я злой человек. Непривлекательный я человек. Я думаю, что у меня болит печень. Впрочем, я ни шиша не смыслю в моей болезни и не знаю наверно, что у меня болит. Я не лечусь и никогда не лечился, хотя медицину и докторов уважаю. К тому же я еще и суеверен до крайности; ну, хоть настолько, чтоб уважать медицину. (Я достаточно образован, чтоб не быть суеверным, но я суеверен). Нет-с, я не хочу лечиться со злости. Вот этого, наверно, не изволите понимать. Ну-с, а я понимаю. Я, разумеется, не сумею вам объяснить, кому именно я насолю в этом случае моей злостью; я отлично хорошо знаю, что и докторам я никак не смогу «нагадить» тем, что у них не лечусь; я лучше всякого знаю, что всем этим я единственно только себе поврежу и никому больше. Но все-таки, если я не лечусь, так это со злости. Печенка болит, так вот пускай же ее еще крепче болит!

Фёдор Достоевский *«Записки из подполья»*

II

Стучат колёса. Вечереет. Красивые леса чередуются с тоннелями внутри гор. Свет то появляется в окне, освещая весь вагон, то исчезает, давая знать о наваждении ночи. Вскоре необитаемые места сменяются портовыми городами, маленькими городами, посёлками городского типа. А Ваня ведёт путь к новой жизни.

Его тошнит слегка, но уже далеко не так сильно, как было утром; он спокойно сидит на месте уже третий час и совершенно не думает о том, вылечился ли полностью, как поступать дальше, сколько придётся провести в постели, не ступая на тренировки, не переедая ради результата, но живя в ограничениях: ведь ограничений не будет. Только прошла видимая часть болезни, а Ваня уже перестал учитывать всю болезнь, забыл о ней и начал беспокоиться лишь о том, что ничего не ел уже четыре-пять часов, а сие — как он считал — плохо сказывается на метаболизме, точнее на анаболизме, потому что ведёт к катаболизму, уничтожает мышечную ткань и, возможно, приводит к утолщению жировой, хотя последнее совсем его не беспокоило. Забавно, что из-за последних пяти часов голода он беспокоился куда более, нежели из-за того, что последние два дня он не питался точно, но даже выблёвывал ценные вещества собственного организма; посему Ваня непрерывно думал, каким образом доберётся от вокзала до дома так, чтобы его не укачало, что присуще ему, но ещё и усугубляется отравлением; а ещё он думал, что же будет есть дома, ибо после таких длительных перерывов следует наесться, пусть перед самым сном: ближайшие дни спешить Ване некуда, а от блажей своих не уйдёшь.

Почему он так делал? Зачем явным образом вредил

себе, имея цель — сделаться здоровее? Зачем Ваня ел через силу, имея ощутимые проблемы с пищеварительной системой? Зачем он ел и ел, лишь лишний раз нагружая организм тем, что всё равно не должно усвоиться? А дело-то в том, что не хотел потерять массу, не хотел из-за жалкого отравления вернуться в плане физического развития на несколько месяцев назад, когда он весил на килограмма три меньше и был слабее, кажется, в целые разы. В итоге Ваня ел, сколько поставил цель съесть.

По приезде домой ему стало значительно лучше; появился лёгкий аппетит, ставший ещё одним поводом нажраться; болезнь практически оставила его, поэтому следующие дня три Ваня жил совершенно спокойно, хотя, правда, справлял малую нужду лишь раз-два в сутки и испражнялся густыми массаами: болезнь не ушла. Спустя короткий срок она возобновилась почти в полную силу, что для нашего героя стало веским поводом позвонить в службу скорой помощи с просьбой госпитализации. Следующую неделю он провёл в инфекционной больнице, ежедневно сдавал анализы, жил по режиму, питался вполне вкусной пищей, но с низким содержанием белка, но при этом ещё и не рассчитанной на его вес; поэтому Ваня испытывал лёгких голод, днями лежал в кровати (выходить было некуда), даже начал читать «Крёстного отца» Пьюзо, но не испытал атмосферы знаменитого фильма да разочаровался в книге, потому что она с фильмом была связана ничтожно; была бы вместо этой книги иная, Ваня бы — вероятность есть — начал читать и новые книги, изменился бы, начал бы расходовать свои способности на нечто более существенное, но книга иной не была. После выписки из больницы обнаружилось, что Ваня похудел на несколько килограмм; к этому добавилась слабость; но это его не останавливало.

III

Здоровый, одним утром он проснулся около семи; сразу после пробуждения Ваня делал себе так называемый «гейнер» из дешёвых продуктов, что были дома; в спортивном плане этот напиток не являлся традиционным гейнером, потому что состоял весь только из порошка цикория, воды и большого количества чистого сахара, хотя иногда вместо воды брался зелёный чай; белка, как видно, в нём не было и пяти процентов, поэтому то был не гейнер, но жидкость, очень сладкая, но в то же время горькая; Ваня перебарщивал с пропорциями порошков и жидкости, думая, что больше означает лучше; Ваня думал, что такое пойло поможет клеткам его организма наполниться энергией после длительного сна, но оно вызывало лишь тошноту, а иногда провоцировало рвоту; за несколько месяцев такого питья по утрам Ваня набрал около восьми килограмм чистого жира; а иногда в пол-литровую кружку он кидал таблетку витамина B12, B6, B2, комбинацию калия и магния или даже чистый аспаркам, который не сделан для того, чтобы растворяться в кружке; всё дело в том, что на качественные гейнеры Ваня не имел денег, но находить дешёвый сахар, чай, цикорий в FixPrice, аспаркам в любой аптеке за 15 рублей было просто; так он пытался стать ближе к профессиональным спортсменам, которые помимо обычной еды несколько раз в день прибегают к своим складам спортивного питания; так он рос в своих глазах — и рос физически, но такой стиль жизни был похож на каторгу.

После «гейнера» утром Ваня ел какую-нибудь здоровую пищу; обыкновенно это была каша с мясом; мясо дорогое, поэтому часто каша просто смешивалась с сыром, что было довольно вкусно, не уже не так пи-

тательно, ведь много сыра тоже не наложишь; самым оптимальным вариантом была гречка с яйцами, но дешевизна сего затмевалась обычно двумя гигантскими недостатками по одному от каждого продукта: гречка была отвратной сама по себе, хотя можно было бы купить и очень качественную, но та стоила в два с лишним раза дороже дешёвой; дешёвая же была смешана с пылью, иногда в ней попадались камни и очень часто — неочищенные крупы; за несколько недель гречка разительно надоедала, но по качеству и усваиваемости превосходила всякие другие источники углеводов; яйца же оказывались самыми дешёвыми и самыми качественными белками, но из-за содержания всяких жиров стремительно «садили» печень, если употреблялись больше двух-трёх каждый день. Но Ваню ничего не останавливало, поэтому он мог употреблять описанное блюдо все восемь раз в день, по двенадцать яиц за сутки, пока через две недели не начнётся воспаление печени и последующая интоксикация, выражались что болями в правом подреберье, ежедневной тошнотой, которая к рвоте не приводит и не становится слабее после искусственно вызванной рвоты; и только когда наступали эти муки, Ваня начинал делать лёгкие ограничения в питании, однако всё равно ел много. Если дома появлялось мясо, например, то оно неизбежно съедалось в течение двух-трёх дней, поэтому основным блюдом для Вани утром, ближе к дню, днём, в полдник, вечером, после заката, перед сном и т. д. — была каша с яйцами; это он ел очень долгое время, поэтому часто в атлетический зал приходил с тошнотой. Многое играло и то, что Ваня обжирался непосредственно перед тренировками, за полчаса до того, как начнёт разминаться.

IV

Два или три раза в неделю Ваня тренировался в зале; это был атлетический зал в подвале под библиотекой, небольшой, но качественный, один из первых в округе, уже в начале 90-х тут стоявший; он посещал этот зал по причине близости от дома и дешевизны, ибо мало кто выбирал «Геркулес» несколькими другим фитнес-залам поблизости, а потому и стоил абонемент мало (чтобы клиенты были), и сами клиенты в основном были людьми умными, сильными и целеустремлёнными; они были умными хотя бы потому, что шли в АТЛЕТИЧЕСКИЙ зал, где по определению располагаются только «свободные веса», то есть гири, гантели, штанги и всякие конструкции для работы с ними; «изолированные веса», то есть тренажёры особого типа, там тоже были, но всего на трое-четверо человек в сумме, поэтому неприятные люди в «Геркулес» не ходили, ибо дело в том, что РАДИ УВЕЛЕЧЕНИЯ СИЛЫ, ВЫНОСЛИВОСТИ ИЛИ РАЗМЕРА МЫШЦ НЕОБХОДИМА ДОЛГАЯ И ТЯЖЁЛАЯ РАБОТА СО СВОБОДНЫМИ ВЕСАМИ, НО ДЛЯ ЭТОГО НУЖНА НЕМАЛАЯ СИЛА ВОЛИ, ПОЭТОМУ СЛАБЫЕ ДУХОМ И ТЕЛОМ ЛЮДИ ВЫБИРАЮТ БОЛЕЕ ПРОСТЫЕ ТРЕНАЖЁРЫ В НАДЕЖДЕ, ЧТО, НИЧЕГО НЕ ДЕЛАЯ, ДОСТИГНУТ РЕЗУЛЬТАТОВ; вот зачем следовало посещать атлетический зал. Впрочем, и там не всё было чисто, ведь и главный тренер должен был зарабатывать прилично, отчего всем новичкам он предлагал свои дополнительные услуги, а оные всегда выражались в персональных тренировках по программе, которая заведомо не работает, не растит массу мышц, но сушит тех, кого сушить уж некуда; так и именно так за каждое десятилетие накапливалось человек пятна-

дцать, которые несколько лет могли ходить в тренажёрный зал, но при этом не росли сами и не растили рабочие нагрузки, но впустую тратили деньги; однажды был случай, когда Ваня сделал подход в приседаниях со штангой около 150 кг на плечах при собственном весе в 70 кг (об этом последует позже), а рядом стоял явный дрыщ и готовился делать жим штанги под углом в 45*, то есть упражнение, которое выполняют профессионалы через несколько лет приносящих плоды тренировок; и Ваня сказал ему, что страдает он хуйнёй и не добьётся ничего такими упражнениями, потому что делать их рано, пока не набрал опыта и сил в «золотой тройке»: жиме лёжа, приседаниях и становой тяге; но этот дрыщ пренебрёг советом человека, только что показавшего свои результаты на деле, этот дрыщ всё-таки сделал то, что на его бумажке написано как пятое упражнение в шестой день тренировок; а в итоге не добился ничего, — как и следовало ожидать, — поэтому перестал посещать тот зал через несколько месяцев. Сия ситуация происходит часто: некомпетентные в спорте люди начинают думать, что знают всё, поэтому делают то, что сами себе надумали, либо то, что посоветовал им самый большой человек в зале, хотя один размер ещё не значит столько, чтобы можно было сравнивать одного спортсмена с другим; ходят слухи среди тренеров, что в фитнес-залах клиентура куда хуже, что приходят туда люди с несколькими высшими образованиями, вполне обеспеченные чтобы купить дорогой абонемент, но обеспеченные не настолько аль настолько самонадеянные, что не берут себе профессиональных тренеров, но дрочатся как вздумается, поэтому ничего не добиваются долгое время, но деньги тратят; если же люди решили взять себе персонального тренера, так это в львиной доли случаев обусловлено тем, что эти люди тоже многого начитались и чрезмерно большое значение отдают своей интуиции, посему персо-

нальный тренер им нужен больше для смеха, споров, чувства собственной значимости или превосходства: они отказываются выполнять те или иные упражнения из их кажущейся бесполезности или по другим причинам, а в конечном итоге всё равно ожидают результатов и жалуются на неэффективность тренировок. Хотя не всегда это правда, то есть не всегда в зал приходят люди с целью чего-то добиться, но они просто приходят из какого-то непонятного чувства внутри, из зависти к другим, из навязанного себе чувства долга, из жажды быть как все или же выделяться (зависит от окружения), комплекса неполноценности и тому подобных причин, но обыкновенно за всем стоит немного нечистая совесть, которая очищается через три-пять тренировок, когда клиент убеждает себя, что он выполнил свой долг, пришёл, постарался, сделал всё возможное, как будто именно это, — но не результат, — говорит о прогрессе; конечно, редко кто признаётся себе в этом, поэтому люди придумывают своим желаниям рациональные причины, что им так свойственно; поэтому обычно тренеры слышат о желании стать сильнее, моложе, стройнее, здоровее и так далее, пытаются помочь человеку в достижении сего, да сам человек на самом деле не этого желает. И Ваня был одним из таких: он чувствовал себя ущемлённым, слабым, хилым ничтожеством, поэтому хотел измениться, так и не решив окончательно, размер мышц ему нужен или же сила, ведь первое содержать дорого, а второе глазом не оценишь.

V

Но всё сказанное не имело практически никакого отношения к Ване; можно добавить даже всегда популярные истории про «подснежников», то есть таких ебланов, которые в конце зимы приходят в зал в надежде значительно вырасти к лету, как будто можно за три месяца набрать десять килограмм, при этом ничего не зная ни о питании, ни о технике тренировок, ни о воле, — но это лишь смешные случаи и тенденции, которые умелым процесс тренировок делают уютнее и приятнее, но пользы не приносят и к основным целям не относятся. Как сказано уже, Ваня занимался из глубокого комплекса неполноценности, что и побудило его заниматься усердно, надо заметить, но при этом — и безрассудно, чему посвящена грядущая глава; сей комплекс всегда обитал в глубинах его психики, но спал крепким сном, пока классе в шестом не случился повод ему — повод проснуться: Ваню просто унизил человек, который по всем физическим характеристикам превосходил его, то есть был выше, тяжелее, быстрее, сильнее и так далее; унижение осталось только между ними двумя, но обидчик, должно полагать, не придавал сему какого-то значения, ибо в его природе было — унижать, посему унижения с его стороны происходили часто и быстро превратились в норму; но Ваню они задели. В тот же вечер Ваня нашёл дома большую гантель, которую можно было разбирать, поставил вес в какие-то шесть килограмм и стал заниматься; он делал подъём на бицепс по 15—20 повторений на каждую руку, а менял руки лишь тогда, когда работавшая уже уставала и не могла продолжать; Ване понравилось такое чувство в мышцах, когда они наполняются или даже переполня-

ются кровью, создавая ощущение контроля и большой силы; Ваня стал делать это упражнение каждый день, не считая ни дни, ни результаты, ибо ему просто нравилось это делать, а цель его располагалась глубоко и не была никак связана с результатами видимым образом; через один или два месяца масса гантели возросла до десяти килограмм, а мышцы рук — все мышцы рук — заметно увеличились и приняли очертания, которые были более заметны в отражении от стекла выключенного телевизора, кое слегка искажало реальность и гиперболизировало именно руки и плечевой пояс; именно благодаря такой иллюзии Ваня поверил в собственные силы и продолжил заниматься. Вскоре многие стали замечать, как вырастают его руки; для шестого класса это было больше прикольно, нежели удивительно, поэтому ожидаемой реакции ни у кого не последовало, но отношение к Ване изменилось к лучшему; а если же этот Данил (обидчик) начинал лезть снова, так Ваня хватал его за большой палец руки, то есть делал болевой приём, и Данил сдавался сразу; так и вышло, что не тренировки помогли ему избавиться от проблемы, но голова, однако спорт начал его затягивать и что-то обещал... Через полгода явно выразился «застой», то есть состояние, при котором мышцы перестали прогрессировать и никак не реагируют на упражнение, которое ранее вызывало в них рост; «застой» обычно легко искореняется другими упражнениями на эти же мышцы, — или упражнениями на ассоциированные группы мышц, или некоторыми тонкими способами, но ничего из этого Ваня не знал, поэтому долгое время повторял совершенно одну и ту же тренировку, не прогрессируя, не развиваясь, не получая удовольствие; но снова случайность побудила его разнообразить занятия, и так Ваня начал отжиматься от пола и работать с пружинным эспандером (на мышцы спины); так по-

шёл заметный прогресс. Конечно, и даже после этого наступали длительные застои; разумеется, Ваня не разбирался в технике упражнений, поэтому не всегда делал их продуктивно; но даже полностью бесполезные тренировки закаляли его организм — и укрепляли волю, что, многие согласятся, было бы куда полезнее пережить в его возрасте, нежели узнать только в поздней молодости или не узнать вообще; и это было куда лучше, чем слепое следование моде, чем курение ради самоутверждения, чем жевание травы с говном (насвай) на уроках, что было модно как раз в то время; и вместо того, чтобы осваивать новые виртуальные вселенные, как делали самые «просвещённые» парни, Вани, не спеша, тренировался два-три раза в день, хотя это уже было вредно; Ваня рос. Знаете, тренировки с такой чистотой стали для него способом снять стресс, отвлечься от несбывающихся фантазий, подавить такие импульсы, которым социальные нормы говорят: «Не время вырваться наружу!»; тренируясь, Ваня расходовал свободное время и обретал определённое мнение насчёт себя, хорошее мнение, которое никто, кроме жизни, не смог бы опровергнуть ввиду того, что только Ваня знал, что он делает, что он занимается, что он развивается и будет это делать в последующем.

Именно так он провёл два года; затем обнаружилось, что Ваня слегка подрос в длину, набрал около семи килограмм, но при этом ещё — и для него удивительно — начал подтягиваться около двенадцати раз, в полтора раза превышая норматив для своего возраста, хотя ещё год назад он не смог бы подтянуться трижды; после этого началось некоторое уважение к нему среди одноклассников — за неожиданную силу, а среди учителей, кто знали, — за упорство и желание становиться лучше как таковое, ибо и среди подростков, и в общей популяции — единицы имели цель стать лучше в абсо-

лютом плане, но не в глазах каких-то субкультур, что объективно всегда означает — деградацию. Так прошло ещё около года; за это время Ваня, можно сказать, утратил зачатки индивидуальности и полностью отождествил себя со своими тренировками; через какое-то время к упражнениям добавились отжимания на брусьях, но в сравнении с последующим абсолютно всё оказывалось мелочью. Жизнь изменилась в тот день, когда кто-то совершил перестановку в их школьном спортивном зале, где во всю длину одной из стен стояли старые советские тренажёры, уже давно сломанные в большинстве своём и частью проржавевшие так, как могло ржаветь лишь советское железо, покрываясь оксидной пылью; дело в том, что из этой многоцентровой массы металлолома, кой десятилетиями никак не удосуживались убрать, кой стоял и всегда угрожал бегущим детям, что могли врезаться в него и получить серьёзные травмы, — из десятка тренажёров ещё два-три могли использоваться для тренировок; и кто-то на выходных переставил скамью для жима отдельно от всех железных конструкций, да ещё и «гриф» поставил рядом; Данил же, силач и красавец, каким он себя представлял, сразу заметил это и решил испытать свои силы в жиме лёжа; «гриф» положили на стойки, в железных джунглях нашли «блины» и почти все блины хала стянули к известному месту; на штангу поставили по 15 кг с каждой стороны, посему, учитывая гриф, штанга стала весить приблизительно 45 кг; каждый стал пробовать в ней свои силы: кто-то поднял дважды, кто-то — раз пять, а Ваня, долго не соглашавшийся ввиду стеснительности, поднял все 15, чем уже не удивил; тогда же слабаки потеряли интерес к штанге, а Ваня начал новую эпоху. С тех пор он усердно занимался жимом лёжа, но занимался даже слишком усердно, отчего через несколько месяцев травмировал сухожилие одной

из мышц трицепса; после травмы он не мог «жать» чуть ли не две недели, поэтому переключился на брусья, но заниматься стал уже с отягощениями; Ваня быстро научился идти в «лесенку» до тринадцати раз — и обратно; потом он надевал утяжелители на ноги и играл в лесенку до десяти или одиннадцати; а потом он и сам не заметил, как три килограмма на ногах переросли в двадцать — на пояс.

Двадцать килограмм — это уже так много, что далеко не каждый портфель и рюкзак сможет выдержать такие нагрузки, когда эта масса при выполнении упражнения с ускорением шастает то вверх, то вниз, становясь то легче, то куда тяжелее; потому после одного порванного портфеля со вторым пришлось отжиматься медленнее, аккуратнее, но срок жизни ему сие не продлило, то есть у него оторвались ручки; пришлось вешать сумку не на пояс, но на ноги, что действительно помогло; затем Ваня нашёл вполне крепкий рюкзак и благодаря ему смог дойти в рабочих весах до сорока килограмм; а сорок килограмм — это вес, уже не просто большой, а такой ещё, кой нужно найти; к счастью, Ваня был так погружён в азарт, что брал двадцать килограмм от себя и двадцать — от приятеля, что жил совсем рукой подать от того места, где брусья позволяли использовать отягощения. Однажды зимой, через день или два после Нового Года, ранним утром, когда страна спала пьяная, когда не работали магазины и на улицах всё вымерло, — Ваня, обеспокоенный тем, что из-за каникул и холода он не тренировался нормально уже неделю с небольшим, решил пойти на брусья; он достал все веса, надел три слоя одежд, без затруднений дошёл до места, но по глупости своей допустил непростительную ошибку, не размявшись должным образом; он мог вполне списать ошибку на холод, на нехватку времени, на забывчивость, но всё это не имело такого особенного зна-

чения и не имело место в действительность, надо признаться; и единственная причина была в том, что Ваня был ленив и оживлён; да, он был так оживлён, что ради роста мышц уже годы тренировался чуть ли не каждый день, не ел сладкого, не ел вредного, питался по режиму, тренировался даже в праздники, но при этом Ваня так обленился, что поверх сего никогда не делал обычную десятиминутную разминку; и на этот раз такое противоречие привело к тому, что Ваня в нескольких подходах отжался по 10 раз с весом на ногах в 40 кг, но с каждым подходом ощущалась какая-то патологическая усталость, аномальное жжение в мышцах, давление в голове и тому подобное; но он сделал то, зачем пришёл; появился повод для гордости в ближайшие дни. Однако, утром в груди обнаружилась боль, коя усиливалась при некоторых действиях руками; позже выяснилось, что это была травма сухожилий грудных мышц на кости; и здесь не совсем подходит слово «была», понеже эта травма никогда так и не прошла.

К счастью, травмы не давали о себе знать на жиме лёжа. Чуть позже Ваня начал заниматься и становой тягой, то есть подъёмом штанги от пола до пояса; это упражнение он делал изначально неправильно, с «горбом», как говорят, поэтому в любой день мог получить серьёзную травму позвоночника, но так и не получил за всё время тренировок в школе; зато становая тяга научила его бороться как никогда, потому что из всех упражнений она затрагивает больше всего мышечной массы, отчего является самой тяжёлой; а кривая техника всё усугубляла, поэтому во всю оставшуюся жизнь Ваня не переносил ничего тяжелее становой с горбом средней школе; после этого упражнения почти всегда наступали слабость и апатия в связи с негативным воздействием на нервную систему; один раз у Вани даже лопнули сосуды в глазах, почему из глаз потекла кровь; и этим он хвастался до тех

пор, пока ничем иным хвастаться было невозможно. На одних каникулах школа была закрыта — ясное дело, — поэтому Ваня и решил сделать становую тягу в «Геркулесе»; так он с этим залом и познакомился; тогда на нём была зелёная майка, рабочий вес достигал 120 кг, но талия была узкой так, что ни один защитный пояс не обхватывал с натягом; с тех пор он никогда не надевал пояса; ну, и до этого не надевал.

Что касается приседаний, так они стали уже последним упражнением из всех, которые он делал в школе; проблема была в том, что не было рядом оборудования, которое могло бы сыграть роль «рамы»; пришлось долго думать, прежде чем догадаться повесить два дешёвых турника на гимнастическую стенку так, чтобы можно было снимать с них штангу; так начались его приседания, но и здесь техника не была правильной, отчего позже пришлось год тренировок начать заново; была и другая проблема: Ваня не располагал таким набором дисков, чтобы плавно повышать веса на штанге, а из-за этого резко приходилось переходить от 60 кг до 75 кг и от 110 кг до 140 кг, что также было безрассудно и бесполезно. Последней проблемой стало то, что не всегда учитель был в настроении и позволял ему развиваться, но не тупо бегать по кругу; а иногда самые выёбистые пацаны, которые каждую неделю бухают, вдруг решались подкачаться на турничке, который Ваня ставил вместо одной из стоек; в один из дней, когда планировался «присед», Ваня уже совершил всю подготовку, взял штангу на плечи, провёл подход, но назад её поставить не смог, потому что во время подхода недоразвитый Олежка поднял правую стойку и начал на ней подтягиваться, то есть Ване некуда было ставить тяжёлый груз; в оправдание Олежка посоветовал поднимать штангу с пола (хотя это — уже другое базовое упражнение, для которого выделяются иные дни); примерно с того времени Ваня начал переходить

на тренировки в атлетическом зале; вскоре эти тренировки обрели такую серьёзность, что в школе к бывшему инвентарю Ваня и не прикасался; а учитель, когда-то сам ему мешавший, стал удивляться, почему Ваня больше не занимается, как будто отсутствие занятий в школе означало отсутствие занятий вообще. Учитель правда так думал.

VI

Вернёмся в тот самый обычный день, когда Ваня был совершенно свободен, будучи свободен, отправился на тренировку, сперва объевшись. Он далеко не всегда ходил туда один, но часто договаривался с одним из четырёх приятелей; чаще всего он ходил с другим Ваней, потому что Олег был безответственный, мог проспать, забыть, забить, Егор часто не был доступен для связи и не имел лишних денег на зал, а Саня если ходил, то редко и только за компанию, ибо не имел цели развиваться физически; Иван (другой Ваня, с которым наш Ваня ходил чаще всего) очень сильно напоминал Обломова внешне, особенно своим телосложением и рябой кожей; Иван (почти всегда его называли так) ходит в зал по очень смутным причинам, то ли желая похудеть, то ли желая набрать массу, то ли имея цель увеличить жим лёжа, но во всяком случае вне тренировок он не делал ничего для достижения ни одной из этих целей, то есть не спал больше шести часов в день, не ел подобающе, отчего за несколько лет так и не зашёл ни в одной из возможных целей дальше того уровня, которого достигают все новички в первый месяц; поэтому за год-полтора Иван вообще не изменился внешне и жиме лёжа его рабочий вес никогда не превышал 75 кг, а иногда и опускался вниз из-за долгих перерывов, отравлений, голодовок, недосыпов и т. д.; тем не менее, Иван ходил с Ваней каждую неделю, пусть не извлекал из этого пользы, но Ваня компании всегда был рад.

И в самый обычный день Ваня за полчаса до собственного выхода давал знать Ивану, но всё равно потом ждал последнего лишние минут двадцать-тридцать; затем они жли в зал, не торопясь, спускались в подвал,

платили, переодевались; Ваня переодевался быстрее, раньше выходил и успевал занять нужный тренажёр, стянуть к нему около шести блинов (кто-то называет их дисками) или даже начать так называемую «разминку»; слово взято в ироническом значении, потому что настоящей разминки типа бега и разогрева всех мышц — никогда не было, но всегда разминка в одном из трёх упражнений начиналась этим же упражнением, но с весами в каких-то 50 кг или более (если станова тяга): две серьёзные травмы ничему его не научили. Именно из-за такого безрассудства Ваня за год тренировок в зале слегка травмировал колени, плечевые суставы, тазобедренный сустав и даже предплечье, но оно того стоило, как ему казалось. После двух-трёх подходов «разминки» переходили к рабочим весам, очень тяжёлым потому, что слишком редко они брались на больше чем 8 раз; то есть это говорит о том, что добавление к штанге ещё килограмм 20-ти может сделать её неподъёмной. И было очень тяжело — тренироваться, но опыт научил Ваню концентрироваться, хотеть, направлять волю в движение, но когда не помогали фразы внутреннего голоса «Ты должен!», «Покажи силу!», «Сила!», «Воля!», тогда Ваня применял иной приказ, о котором никому не говорил и даже от самого себя который пытался скрыть, ибо было им — «Убей себя!» Да, в Ване в самые напряжённые моменты говорило чистое саморазрушение; оно-то и позволяло делать то, чего никакие силачи не смогли бы сделать, так как неведома многим эта сила глубочайшего внутреннего беса, кой один из немногих действительно составляет грань человека и имеет полный контроль над его телом; именно саморазрушение подчас руководило Ване, побуждая приседать с риском сломать колени, тянуть с риском получить инсульт или сорвать спину и жать при весьма вероятной возможности того, что рука всё-таки не сможет разогнуться полностью и штанга полетит вниз, прямо

на шею. Это — обратная сторона силы.

Через час-полтора тренировка заканчивалась; почти всегда она вела к лёгкой радости, если Ваня действительно выкладывался на ней и мог доказать себе, что стал сильнее; иногда бывало и разочарование, но во всяком случае эти чувства были почти нейтральными и имели силу только два-три дня; затем наступало уныние, которое преодолевалось единственно новой тренировкой.

После тренировки обязательно нужно было поесть. Иван любил съесть банан, но для Вани этого было мало; сперва Ваня покупал в аптеке фруктовые батончики, но по причине размера съесть их приходилось по три-четыре после каждой тренировки, что за месяц изживало все сбережения; после месяца довольствия приходилось ограничиваться «гейнером», то есть полторушкой, в которой крепкий чай смешался с сахаром, водой и цикорием; никто бы не поверил, что после тяжёлой тренировки человек в течение пятнадцати минут смог бы выпить полтора литра сладко-горькой отравы, но Ваня так делал всегда; не обходилось без сильнейшей тошноты, помутнения сознания, слабости в ногах, но до дома Ваня всегда находил: его уводило двойственная радость.

VII

С приходом домой тошнота почти вдосталь проходила, поэтому можно было совершить дальнейшие ритуалы в питании, которые по задумке должны были благотворно отразиться на росте мышц; главным из ритуалов всегда был небольшой пир по шесть-восемь раз в день; иногда доводилось есть и по двенадцать раз, но в таком случае размеры порций уже были вполне средними для обычного человека; есть приходилось пищу с высоким содержанием белков и углеводов, то есть кашу с яйцами в большинстве случаев, но за целые месяцы могло не произойти такого приёма пищи, когда Ваня шёл есть по причине голода: Ваня не успевал голодать, ибо ел немало каждые два-три часа, отчего после третьего раза за день уже объедался; именно поэтому у него были проблемы с желудком и кишечником; именно поэтому он испражнялся трижды за два дня, часто травился некачественной рыбой, получал интоксикацию от большого количества яиц, раз за разом переносил поносы после съедения сонма орехов, которые у него усваивались плохо; но ничего не учило его и не останавливало, поэтому Ваня продолжал есть орехи, налегать на яйца и не выбрасывал рыбу, потому что она стоила денег, она питательна и ещё не разлагается видимо. Пусть Ваня знал о значительной пользе растительных жиров и острой пищи, кои положительно влияют на гормональный фон, на уровень, концентрацию анаболических гормонов, между прочим, и обеспечивающих рост мышц, но столь важную информацию он просто-напросто часто забывал, поэтому умышленно поднимал тестостерон только по случаю, по случайности, если вспоминал; и по обыкновению сие и приводило к такой ситуации, что Ваня жрал как свинья, но не очень-

то рос в мышцах, но не чувствовал должных изменений: и переедание до тошноты и даже до рвотных конвульсий по утрам, для спасения от которых приходилось дышать глубоко воздухом из форточки, ведь рвота — означает потерю того, что ты съел, потерю времени и обесценивание предшествовавших мук, — всё это по большей части только увеличивало уровень жировой прослойки, но к росту мышц не приводило; точно так же Ваня наш забывал делать «вакуум», самое лучше упражнение по сжиганию жира в области живота, забывал делать «вакуум» при поездках в общественном транспорте, при сидении на занятиях и в прочие времена, когда можно было б его сделать, чтобы хотя бы не терять время впустую; но Ваня тоже забывал о сёме, поэтому и мышцы живота не были развиты у него, подтянуты, что однажды не остановило получить травму спины. На самом деле, далеко не всё так плохо и тяжело, ибо та же самая тошнота по утрам в основе своей обуславливалась тем, что было съедено перед сном и за какое время до сна, почему иногда её и не было; да и вообще, в первые два дня после тяжёлой тренировки обжираться было — одно наслаждение, обаче¹ вся еда действительно требовалась на нужды организма по восстановлению мышечной ткани — трудности возникали уже на третий день с последующими.

Огромное и даже колоссальное значение Ваня придавал спортивному питанию, то есть — сразу скажу — как-то переоценивал спортивное питание, считая оно чуть ли не выше обыкновенной пищи, хотя в действительности совсем не так всё это. Первым, что довелось попробовать ему, оказался протеин, то есть белок в порошковом виде с добавлением некоторых витаминов

¹ ведь

и минералов типа калия, магния, меди и т. д.; уже лет пятнадцать в кругах непросвещённых людей бытует мнение, что от протеина писюн не стоит, но эта ложь на практике не находит подтверждения; действительно, у многих атлетов возникают проблемы с потенцией, но всегда сие связано с неправильным приёмом стероидов или с каким-то перееданием, которое уменьшает концентрацию тестостерона в крови, а спортивное питание оказывает на это такое же влияние, как и обычная еда, ведь и оно по своей сути является обычной едой, но более качественной и не приносящей отходов при переваривании; единственными недостатками спортивного питания являются красители и ароматизаторы, из-за которых оно получает цвет, вкус и запах чего-то, но говорят, что без этих ароматизаторов употреблять спортивное питание немыслимо, ибо его настоящий вкус приводит к рвоте; в остальном же оно весьма полезно и в особых случаях окажется даже лучше нормального приёма пищи, но всё же грубой ошибкой будет жизнь на спортивном питании, потому что долгая жизнь человека невозможна без **АНТИОКСИДАНТОВ**, а далеко не все антиоксиданты выявлены и могут быть синтезированы современной наукой, поэтому — очевидно — в спортивном питании их нет; что же касается импотенции, то у большинства она как раз и ассоциируется с красивым здоровым телом атлета, но это устаревшее мнение, которое пришло к нам из 90-х, когда писюн в самом деле у многих не стоял, но по причине бывших тогда в ходу стероидов; потом эти слухи начали распускаться профессионалами, чтобы меньше человек приходило в зал (особенно весной), чтобы было меньше конкурентов и дабы скорее вымерли те, кто для этого рождён; а последние лет десять уже старые слухи повторяются из уст в уста у всякого быдла, подавленных геес, дрыщей ещё тех, анимешников,

меломанов, тусовщиков и прочих отбросов, которые сами никакого отношения к залам не имеют, не имеют достойного тела, но обсирают тех, кто не пьёт, не курит, не тусит, не разлагается мозгом, но имеет волю развиваться физически; возможно, этим я ничего не доказал, но сказанная информация давно известна; и дела каждого — поверить слухам или людям, которые непосредственно проверяли те слухи на себе; знаете, бывает ещё мнение, что качки — тупые, но обычно настоящие чемпионы имеют даже докторские степени в каких-то науках, занимаются бизнесом, знаю множество иностранных языков и так далее; однако, Ваня сам встречал и тупых качков, но дело здесь в том, что они относились к быдлу (быдло же слухи и распускает), но имели хорошие генетические данные, чтобы быть большими и без тренировок или разрастаться до гигантских размеров при малейшем употреблении стероидов; как правило, их тупость как раз не останавливает брать метандростенолон (данабол) и прочие опасные препараты, от которых писюн тоже стоять не будет; то есть все стереотипы про качков относятся лишь к небольшой группе всех спортсменов, но далеко не ко всем. Я говорил о протеине; с первым протеином Вани была целая история: килограмм качественного порошка в пакете сперва купил Магомед за 1200 или 1500 рублей, но — надо уведомить — никому из героев тогда не было и шестнадцати, поэтому Магомед успел использовать две-три порции, а потом мать всё узнала и запретила пить «эти стероиды»; дабы не потерять всё, Магомед продал почти целый пакет Артуру за 500 рублей, но Артур и съесть не успел, как и ему мамка запретила; узнав об этом, Ваня думал несколько недель, пока 31-го декабря не решился выкупить протеин у Артура, но Артур отдал тот бесплатно, в качестве подарка к празднику; конечно, пришлось ждать этого

подарка на улице около часа, в холод, когда руки вне перчаток замерзают за несколько минут, но оно того стоило; правда, весь этот протеин Ваня съел в ближайшие две недели, не тренируясь при этом ввиду каникул и праздников, но всё же это было каким-нибудь опытом; этот шоколадный протеин даже несколько раз спасал его, когда глупый Ваня вместо сна говорил по телефону со всякими девушками в надежде, что с ними что-то получится, а потом понимал, что разговаривал шесть или семь часов и — о Боже! — всё это время не ел, не пил (а как же масса?); тогда протеин и помогал. После того пакета Ваня долго не употреблял спортивное питание, но однажды возымел деньги и купил аденозинтрифосфорную кислоту (креатин), потом ещё раз купил её же, затем брал такие БАДы, как глюкозамин с хондроитином (для суставов), витаминно-минеральные комплексы и ВСАА (набор из трёх самых важных аминокислот), но только этим список и ограничился; Ваня даже начал углубляться в диетологию, узнал, что белки бывают совершенно разными, потому что состоят из разных наборов аминокислот, а те в свою очередь могут быть как заменимыми (синтезируются организмом при необходимости), так и незаменимыми (не могут синтезироваться, поэтому при необходимости берутся из распада мышечной ткани), отчего и вредно вегетарианство, потому что эти слабоумные не получают из еды всех нужных аминокислот, отчего теряют мышечную ткань, худеют и думают, что такое похудание означает пользу; Ваня знал и множество других принципов, весьма интересных и важных, но на практике редко каким следовал, поэтому ничего они не изменили в его жизни. Он иногда покупал спортивное питание без необходимости, употреблял его как должное раз в несколько дней, ел в несколько раз реже и меньше, чем рекомендовалось на упаковке, то

есть никак от одного не зависел, но, всё же, не раз и глубоко расстраивался, когда порабощённые предрассудками родители находили это спортивное питание и выбрасывали его, хотя как бы и до этого знали о наличии одного и позволяли, вроде бы, оным обладать; а потом всегда удивлялись, когда к трём баночкам добавится четвёртая или когда одна единственная банка, уже известная им, вдруг покажется с другого ракурса ядовито-зелёной плёнкой и непонятными на ней надписями на английском или немецком языках; и всегда обижало Ваню именно то, что выбрасывали вещи, которыми он пользовался редко, которыми он даже не успел воспользоваться ещё, которые не несли вреда и длительное время стояли нетронутыми, а потом вдруг отнимались; определённое, в его негодовании донельзя многое было порождено чувством непонимания родителями, глубочайшего непонимания, ведь — ужас какой! — однажды Ваня даже потребовал аргументов, почему ему нельзя есть это, а вместо аргументов отец усадил его за компьютер, ввёл в поисковую строку слово «стероиды» (стероиды, Карл!), а Google вместо видео про стероиды, которые и так не были спортивным питанием, начал выводить самые мерзкие плоды пропаганды — синтол. Синтол — это такое масло, которое можно вкалывать в мышцы, чтобы те зрительно увеличились; при этом синтол не увеличивает ни силу мышц, ни выносливость, ни другие характеристики, но только увеличивает размер, являясь для мужчин в каком-то смысле аналогом силиконовых имплантатов для женщин; при этом синтол пережимает сосуды в мышцах и часто приводит к гангренам, а ещё он может быть некачественным или вводиться неправильно, грязными шприцами, в вены и т. д., из-за чего почти у всех «синтольщики» в первые два года использования начинается сильное загноение, приводящее к опе-

рациям, иногда — к ампутациям; но, должно признать, употребляют его только крайние дебилы, которые не имеют никакой силы воли, но так сильно хотят выглядеть накаченными, что вводят себе это масло в руки и грудные мышцы, причём всегда в чрезмерных количествах, отчего происходят настоящие уродства, но такие дауны не относятся к спортсменам вообще, не относятся к употребляющим стероиды, но в глазах толпы отождествляются со всеми, когда толпе это выгодно; ещё один предрассудок.

VIII

все эти качки — больные люди с комплексом неполноценности и латентной гомосексуальностью; они влюблены в себя и в свои задницы, но не хотят признаваться себе в том, что их тянет к мальчикам, а пытаются казаться альфа-самцами.

Сунь Хуй Вчай

дома, если Ваня не ел, так всегда думал о своих результатах, а точнее, постоянно в них сомневался; любые достоинства тренировок он даже не замечал, зато самые малейшие недостатки утрировал до такой степени, что оные успевали за несколько дней порядочно снизить настроение; Ваня всегда думал, что он становится немного слабее, что не растёт физически или даже становится меньше (хотя вес и размеры немного колеблются в течение дня), что на прошлой или позапрошлой тренировке он показал не такие результаты, которые ожидал, и отреагировал на них ввиду разных обстоятельств слишком субъективно и недостойно, ибо не развитие они показывали, но даже падение; безусловно, иногда сие было правдой, однако не столь часто, чтобы после пяти тренировок из шести реагировать так негативно; быть может, вся проблема была в том, что в свои занятия он вкладывал целую жизнь, всё свободное время, все деньги, причём не получая удовольствия, то есть мучая себя многократно сильнее, чем если бы просто играл, учился, гулял или ел пресное; да, проблема могла быть в том, что тренировался-то Ваня не для себя, но для своей самооценки, для славы, может быть, а никто из окружающих не оценивал результаты Вани по достоинству, постольку

и он сам перестал видеть какие-либо результаты, перестал верить в себя и даже отрицал прогресс, когда тот был, а был тот часто. Но Ваня продолжал тренироваться даже с пущими силами, так как подобное самобичевание и самоунижение вообще сами по себе усиливали в нём влияние апоптоза, или беса саморазрушения, поэтому и тренировки всё чаще проходили в желании «навредить себе», но всё-таки какое-то созидательное чувство внутри в нужные моменты оберегало от реального разрушения, переводило энергию ненависти в волю, в работу, в результаты. Со временем результаты становились всё виднее, но и самоунижение претерпевало развитие, поэтому вскоре Ваня стал называть себя «дрыщом», что через несколько лет уже точно было парадоксальным для окружающих, ибо «как же такой большой и сильный человек, которому нет равных в круге окружения многих, может считать себя дрыщом?!»; правда, Ваня уже и сам не знал, верит ли он тому, что говорит, хочет ли верить, имеет ли в виду обратное; велика вероятность, что как раз и называл себя дрыщом при людях, чтобы те удивлялись и говорили ему: «Нет, ты не дрыщ. Какой же ты дрыщ? Ты на себя посмотри!»; и вполне возможно, что некоторые из людей уже поняли эту тенденцию, посему умышленно говорили то, что от них Ваня алкал услышать; но даже нужные слова уже не могли остановить этого ненормального продолжать свои глупые тренировки, как и анорексичку не останавливает худеть даже отовсюду слышимое утверждение, что она уже очень худая; какую-то роль играло здесь чувство наличия собственного мнения, которое отлично от мнения окружающих и которому нужно следовать до самого конца; но так скажали бы психологи; а здесь попахивает рационализацией, за которой и скрывается саморазрушение, бессознательное и необъяснимое.

То, что Ваня хотел бы услышать, правдоподобнее все-

го ему говорили собраты по железнному спорту, парни из других «качалок», которые на оных не так зациклены были, отчего и не добивались настолько высоких результатов, каких добился Ваня; они уважали Ваню за его силу воли и физическую силу, но редко встречались с ним, потому что глупый Ваня не был хорошим собеседником, не умел утончённо шутить, не следовал за интересами времени, потому что просто-напросто жил в своей клетке и мог говорить только о том, как следует питаться, сколько он присел вчера, как начинались его занятия спортом, до чего же быстро он добился результатов, в чём он превосходит собеседников в плане силы и тому подобное; никакие фильмы он не смотрел, не имел кричащего мнения насчёт разврата и других грехов, насчёт игр и аниме, потому что весь мир оценивал со своей точки зрения — через силу воли, поэтому легко разделял людей на слабых и сильных, на падших и стойких, на тварей дрожащих и... да, хотя бы «Преступление и наказание» он прочёл и полюбил, потому что в главном герое увидел копию себя самого; в общем, Ваню немного избегали, брали только при заранее больших компаниях, не говорили с ним ни о чём, помимо спорта, а в своём спорте он действительно был знающим и хорошим советником, да советы его почему-то никогда не слушали, хотя пред лицом же был живой пример того, как продуктивно сии советы работают. А как хорош был пример? Весьма, ибо уже в 16 лет Ваня при росте 170 см весил около 85-ти килограмм, при этом на раз жал лёжа 140 кг, приседал — 180 кг, тянул — 210 кг, то есть, если не ошибаюсь, почти выполнял норматив мастера спорта для взрослого мужчины, который не употребляет стероиды и не тренируется в экипировке; и в этом ему не было равных нигде в округе точно, а своём зале — тем более; да, многим взрослым должно было быть завидно, когда низенький, но плотный мальчуган тянул, к примеру, в два с лишним

раза больше них; поэтому Ваня почти во всякий поход в зал испытывал на себе косые взгляды публики; но здесь будет произнесена вещь, которую он много месяцев таил в себе и никогда на счёт которой не делал комментариев, поскольку от правды испортилась бы его репутация, а ложь раздражала совесть: Ваня долгое время серьёзно искажал технику упражнений, то есть делал упражнения неправильно, что почти всегда означало лишние нагрузки и высокую травмоопасность, но в случае с приседаниями со штангой на плечах выражалось в «недоседе», то есть в том, что человек приседает не так глубоко, как положено, как делают на соревнованиях и как представляют это в голове, когда говорится о приседаниях без каких-либо уточнений; а суть недоседа в том, что можно брать на десятки процентов большие веса при тех же силах в ногах, поэтому Ваню однажды и завлекла эта ловушка, которая побудила его гнаться за цифрами и с каждым разом невольно уменьшать амплитуду; именно таким образом он однажды при весе в 70 кг «присел» 180*5, без свидетелей, о чём после пошла молва по всем знакомым, из-за чего у Вани и стали появляться приятели, которые его уважали; чтобы не терять всего этого, Ваня молча поддерживал хорошие слухи о себе, но всё-таки искренне пытался сделать их правдой, поэтому начал тренироваться куда усерднее и опаснее для себя самого, начал гнаться за результатами, что и привело его к трагедии.

IX

Первая из трагедий случилась в субботу, в конце весны, когда Ваня решил отлично потренироваться то ли перед большим перерывом ввиду экзаменов, то ли по другой причине, знать которую не важно совсем; важно то лишь, что эту субботу, пасмурную и прохладную, они пошли в зал с Иваном; должно полагать, в этот день они сперва приседали, а затем жали, ибо проблема случилась на жиме, но сам по себе или после становой тяги жим не шёл никогда, так как сие оказывалось либо недостаточно тяжким в сравнении с денежными тратами, либо слишком убийственным для нервной системы; допустим, в этот день они делали многоповторный присед, когда берётся относительно небольшой вес (100—130 кг), с которым приходится в три-четыре подхода присесть по 20 раз, что из всех упражнений оказывается самым тяжёлым, ибо уже после двенадцатого раза количество углекислого газа в крови возрастает так, что человек начинает задыхаться, а после двадцатого происходит полноценное удушье, не проходящее пять или семь минут; такая тренировка ног очень тяжела и для психики, ведь после первого удушья, которое в короткие сроки и на две трети не пройдёт, приходится повторять подход ещё несколько раз, усиливая эффект; но в этом была своя изюминка, своя сила и сила саморазрушения, которые в совокупности доставляли радость, хотя, быть может, радость появлялась от биохимических процессов в теле во время тренировки; в общем, такой беспредел устраивался раз в месяца два, и всегда он вызывал тошноту, помутнение сознания, головокружение. Именно помутнение сознания и могло вполне стать причиной того, что уже на последних подходах жима, когда вся работа уже сделана и осталось просто

«добить», Ваня, увидев пришедших не самых близких знакомых с улицы, решил «понтануться» и пожать обратным хватом 100*5 на большой скорости; и именно это привело к тому, что на третьем или четвёртом повторении Ваня несколько потерял контроль над весом и, дабы штанга не упала на шею, отвёл её в сторону ног, но, опять же, перестарался и в попытке контроль вернуть... порвал грудную мышцу; вероятно, порвал — это сказано преувеличено, но точно имел место надрыв груди, из-за которого первый час мышца вообще не функционировала; через какое-то время боль утихла — и можно было двигать правой рукой, но при любой попытке жать руку парализовывало. Так ему пришлось отказаться от жима штанги вообще, от одного из трёх базовых упражнений, что, безусловно, было очень тяжело и больно для такого человека, который посвятил своему спорту несколько лет и всю жизнь посвящать собрался; но при этом он совершенно серьёзно решил навсегда отказаться от жима, хотя его травма была не самой ужасной и обещала зажить за несколько месяцев, но Ваня уже понимал, что — получится ли сказать? — теперь нагрузки в правой грудной мышце распределяются иным образом и ассиметрично левой, отчего нормально выполнять жим уже никогда не получится; здесь могли участвовать и страх, и лень, и нечто более глубокое, но в сём не разобраться и определённо здесь стоит избавление себя от ответственности за любое принятое решение, бегство от ответственности, которое слегка сглаживалась тем преувеличенным слухам, что произошёл разрыв мышцы, из-за которого жать нельзя вообще.

***

Одна травма потянула за собой следующие, потому что отказ от жима, естественно, привёл к тому, что становая тяга и приседания со штангой на плечах стали делаться не чаще, наверное, но с пущим упорством, что при безрассудности Вани означало какую-то серьёзную травму в ближайшее время; он уже не затрагивал плечевой пояс, где многое было повреждено и полного восстановления не сулило; он уже и внизу мучился с тазобедренным суставом и коленями, кои слишком часто хрустеть начали, что и неприятно и немного страшно; но следующую травму получил он не в этих слабых местах. Дело было той же весной; у Вани опять намечался вынужденный перерыв, отчего он поставил себе цель проработать ноги так, чтобы следующие три дня они болели и восстанавливались; именно поэтому он, уже не имея напарника, решил взять небольшой для него вес в 130 кг и присесть с ним по десять раз подходов шесть, но с таким нюансом, что ноги буду стоять не широко, как привыкли, но на уровне плеч, что увеличивает нагрузку на квадрицепсы; упражнение было не совсем привычное, поэтому делал его Ваня неправильно: то ли приседал слишком глубоко, то ли по привычке наклонялся со штангой вперёд, хотя этого в тот день делать было нельзя; в итоге он «сорвал спину», то есть значительно сместил позвонки на уровне поясницы; поэтому спина, разумеется болела, но боль усиливалась в разы при малейшем наклоне вперёд; всё усугубилось и тем, что из-за адреналина или других веществ Ваня лёгкую травму не почувствовал и сделал ещё два подхода, сделав себе хуже. После тренировки он, расстроенный, пошёл домой с мыслью, как же ускорить своё восстановление; через час лучше не стало, и через три часа лучше не стало; он с большим трудом переоделся, а сложнее всего было снимать носки, потому что позвоночник при этом как бы растягивался около того

места, где произошло смещение; до последнего момента Ваня надеялся, что после сна станет лучше разительно, как это бывало почти всегда, но и после сна не стало лучше; вообще не стало лучше; боль имела место при всех положениях тела — скрыться от неё было невозможно. Не мог Ваня и отказаться от тех планов, перед которыми и специально перед которыми провёл «особую» тренировку, посему пришлось тащить тяжёлую сумку, создававшую дисбаланс и нагрузку на спину, а затем — как назло — впервые в жизни он либо почти опоздал на автобус, либо день был особенный, но в итоге он не сел там, где традиционно садился, но сел рядом с водителем, на одном из таких мест, где пол и поверхность сиденья располагаются почти на одном уровне, из-за чего человек «складывается» и что в случае с Ваней увеличивало боль от растяжения позвоночника; вдобавок, из-за положения сумки скоро отекли ноги, поэтому всё вместе на целые полтора часа так действительно проверило его силу воли, как никакие три тренировки, взятые вместе.

Боль не отступала три дня, но затем понемногу стала проходить; с отступлением оной Ваня как-то перестал обращать внимание на неё, поэтому через неделю лишь обнаружил, что боли больше нет, что он спокойно двигается, если только не оказать на позвоночник особую нагрузку; однако, поясница так и не восстановилась полностью и каждые несколько дней давала знать о себе, а приседать со штангой на плечах не давала. Так и ещё одно базовое упражнение кануло в небытие.

***

Последний случай произошёл в самом начале лета, когда неизбывная жара не давала думать на пятых-шестых уроках, заставляла потеть по пути домой и наводила духоту так, что вообще никто уже не ходил на физ-ру, когда она ещё шла; заниматься спортом было тяжело и вечерами, поэтому все, кто не были по-настоящему заинтересованы в своём теле, вообще не занимались спортом, никак не занимались, что, признаться, им не навредило и казалось несправедливым для Вани; сам Ваня тренировал даже в такую жару, от оной имея некий фетиш не сдаваться, показать волю, разрушить себя, но не отступить. Однажды несколько обстоятельств сошлись вместе: было пекло в три часа дня, летнее пекло уже пробралось во все щели, а «Геркулес» не был оборудован кондиционерами, как дорогие залы; конечно, там везде стояли вентиляторы, которые гнали воздух, но температура одного при этом не снижалась — и духота в подвальном помещении никуда не уходила; а ещё у Вани была становая тяга, тяжёлая становая тяга по схеме 5*5 с рабочим весом больше 180 кг; не вдаваясь в подробности, — он и сам бы их не вспомнил, — скажу вкратце, что на третьем или на четвёртом подходе Ваня позабыл технику безопасности и при очень большом напряжении сил, когда штанга показалась на 10 кг тяжелее (чем на предыдущем повторении), он посмотрел на неё, то есть наклонил голову вниз, из-за чего огромное давление в последней сконцентрировалось там, где пережался сосуд, отчего сосуд... лопнул. Ощущениями это выразилось в резкой боли около мозжечка, которая через двадцать секунд почти прошла, но следом за ней началась сильная тошнота; так тренировка закончилась, и Ваня шёл под солнцем по пустой аллее домой, пытаясь бить, чтобы дать мышцам энергию, но при этом не вырвать. Боль в том месте отныне всегда возникала при экстремально больших нагрузках; это означало ко-

нец становой тяге, конец силовому троеборью, конец старой жизни.

Х

Он долго думал, что же делать; он начал уделять время турнику и брусьям, с которых начинал когда-то, но проблемой оставалось то, что за последнее время Ваня занимался с акцентом на ноги, нарастил себе огромные бёдра, действительно преуспевал в становой тяге и приседаниях, поэтому и бывшие результаты хотел бы потерять в как можно меньшей части, раз уж потерять их суждено; поэтому он стал приседать со штангой на плечах, а это упражнение ещё более тяжко, чем обычные приседания, потому что значительно затрагивают мышцы спины и сверху нагружают позвоночник; Ваня для начала на рабочий вес взял 70 кг, через две тренировки дошёл до 90 кг, через ещё тренировок пять присел 120*6, присел еле-еле, с огромным давлением вокруг, в жару, чувствуя, что есть в этом упражнении прогресс, но стоит добавить на штангу ещё килограмм 20, чтобы сломать колени, а у это уже — инвалидность и лишение возможности передвигаться на полгода, то есть такая травма уже в любом случае выйдет за границы тренировок в подвале, затронет и оставшуюся личную жизнь, затронет его молодость, юность, рождающиеся мечты и желания, подавит многие способности — или просто — кто признается в этом себе? — коренным образом изменит привычный ритм его жизни, а такого люди избегают. В результате не слишком долгих раздумий Ваня принял решение уйти из спорта и оставить мечты стать одним из сильнейших людей на земле; он поборол беса внутри себя и не сделал ряд шагов, в которых фатальным мог стать любой из первых; он перестал посещать тренировки и не ел больше огромные порции гречки с мясом каждые два-три часа, что было неимо-

верно сложно, надо думать, ибо лишь этим Ваня последние лета и жил. Конечно, совсем из спорта Ваня тотчас не ушёл, но возымел смутные надежды на достижения в бодибилдинге, поэтому на первых парах начал «сушиться», то есть изживать жир из своего организма. Как и положено, сушиться он не умел, не знал как, поэтому с первых же дней перестал есть всякую сладкую и подслащённую пищу, перестал пить компоты и многое другое перестал делать вмиг, но не постепенно, поэтому в первые же дни начал страдать от головокружений, слабости, но это уже совсем другая история. В те же дни он начал серьёзно загорать, начал вести половую жизнь, пить много жидкости, отчего и самочувствие у него улучшилось. К концу лета Ваня сбросил около семи килограмм, из которых не меньше пяти — был жир; за следующий год он похудел с 86 до 74, а ещё за год достиг своего естественного веса — 70 кг, при этом оставшись в неплохой физической форме и по некоторым показателям почти не потеряв сил. Этот период характеризуется для Вани культом воли, кой уже не нёс большого вреда организму, хотя начал искажать психику, быть может. Ваня бросил старые мечты; многое забылось с того времени, многие ощущения от тренировок как-то растворились с другими ощущениями, но опыт и знания остались. Он превратился в одиночку, начал новую жизнь, а с почти всеми друзьями порвал связи, ибо отныне они занимались тем, чем он — не занимается; наверное, они и не были друзьями для него; многие из них забросили спорт, ушли в армию или отправившись на зону; возможно, с ними тоже начались превращения, они тоже пересмотрели взгляды на жизнь, но этого знать не дано; во всяком случае, для них Ваня навсегда останется тем, кем он сам быть хотел и кем он сам себя называл; но сам Ваня едва ли уже встретит бывших друзей, посему вряд ли ещё раз услышит

от них: «Icaros.»

Счастлив любовник проститутки,
И цел и весел — жизнь легка;
Себе же изломал я руки,
Лишь обнимая облака.

Все ради звезд необычайных,
Ярчей, чем небо, бирюза,
О солнце помнит глаз печальных
И солнцем выжженных — слеза.

Была напрасная услада
За грань миров взлетать светло,
Под властью огневого взгляда
Мое вдруг сломано крыло!..
Шарль Бодлер (из «Жалоб одного Икара»)

Часть вторая. Культ воли

Что бы человек не предпринимал, он не добьётся результатов без силы воли, без стремления, без действия; у многих эта необходимость наличия воли превращается в культ её; тогда начинается дорога не понятно куда.

Характер — это самый важный фактор. Знания, чтение книг, опыт и практика приносят больше вреда, чем пользы, если они не основываются на сильном характере

Иозеф Желбелъ

Победить в компьютерной игре легко, иначе не было бы столько геймеров, победить в интернетках тоже не сложно, а вот победить в жизни, стать круче тех людей, на которых ты равняешься, — вот что действительно интересно

И. Ивашкин

XI

Ваня надеялся, что сам спорт он не покинет никогда, но просто изменит род деятельности совершенно незначительно, однако он уже начал терять связь с бодибилдингом в те моменты, когда изменил способ мышления и перестал быть заикленным на спорте, перестал серьёзно тренироваться регулярно, ведь и не мог по причине травм тренироваться серьёзно, перестал есть много углеводов и не стал бояться голода на несколько часов, ибо в случае голода большое количество воды и кофеина помогали «посушиться», сбросить лишний вес, которого у Вани было немало. Единственное, что осталось неизменным, — это давнишний культ воли, желание бороться с самим собой, испытывать нагрузки и привыкать к ним, использовать и без того повышенные возможности своего организма ещё в большей мере, чем их используют средние люди, ибо в мышцах всегда заключена вполне огромная сила, но лишь границы психики не дают использовать её полностью; так тренировки Вани приобрели более аэробный характер, что по-своему было тяжело, особенно тем жарким летом, но оказывалось даже полезным для его организма, потому что укреплялось сердце и пропадала жировая ткань, а, как известно, с каждым килограммом жира исчезают 20 километров капилляров, тем самым нагрузки на сердце уменьшая; но Вани уже не по душе были тренировки такого типа, длившиеся больше часа из практически не останавливающийся нагрузок, которые заставляли его потеть так, что с рук капало на пол, а ещё задыхаться порой; именно поэтому новая жизнь Вани в спорте продлилась лишь месяц с лишним, а потом он решил отдохнуть, сделать большой перерыв и больше внимания уделить, собственно, пра-

вильному питанию, которое само по себе позволило бы сжигать жир оптимально. Так Ваня уменьшил количество каши, зато гораздо чаще стал есть салаты всякие и овощи вообще, а ещё стал пить воды по шесть литров в день и чаю — по литру, и кефир — по литра два (культ Икара ушёл не полностью); но главное — он заменил ненавистные яйца настоящим мясом, грудками или даже филе, которые тогда — до кризиса и санкций — стоили относительно недорого; те дни он вспомнил бы как самые радостные и свободные, но продлились оные опять не так уж долго, потому что подобное питание обходилось слишком дорого, если подумать, поэтому прекратилось вскоре; так в питании Ваня почти возвратился к прежнему, успев сбросить лишь несколько килограмм; он всё ещё имел стойкую привычку хотя бы раз в три дня подвергать себя ощутимым нагрузкам, но уже не отождествлял себя с подобными занятиями; нет, Ваня не стал слабее и не сдался, но, как обожают люди это делать, направил свою энергию на иные дела, причём на несколько сразу, отчего и перестал значительно увлекаться чем-то одним.

***

Во-первых, Ваня оценил себя по достоинству и увидел своё превосходство над подавляющим большинством окружающих его; в связи с этим он перестал навязывать себе уныние и зажил спокойно; однако, очень скоро его любовь к себе переросла в нарциссизм, из-за которого Ваня стал буквально вождель себя и навязывать себя некоторым близким девушкам; быть может, он бы и привлёк внимание абсолютно всех девушек, если бы слегка иначе вёл себя, но знать об этом было не дано. Признаться, Ваня просто дико хотел секса, потому что и возраст подошёл, и время года было подходящим, и половые гормоны пробудились в нём, потому что Ваня стал больше пить, стал чаще есть острое и растительное, ел больше белков, но самое главное, в чём никто не готов был признаться себе, — в Ване начали проявляться гомосексуальные наклонности; ну, в нашем мире, в наше время гомосексуалист — это не какое-то притесняемое исключение, но это — норма, ибо, среднем, больше 70% человек страдают гомосексуальностью, но почти всегда это — латентная (скрытая) гомосексуальность, которая обитает в глубинах психики и при любой попытке выйти наружу — подавляется, обеспечивая тем самым усугубление психических отклонений, связанных с ней; обыкновенно она подавляется и скрывается из-за житейский предрассудков и глупой морали, ибо геям быть постыдно, ибо это расстроит родителей и возожжёт окружение против тебя, — и так думают все, совершенно не ведая, что все, у кого чья-то гомосексуальность породит ненависть и отвращение, сами являются точно такими же геями и лесбиянками, но пытаются скрыть это от других и, в первую очередь, от самих себя, порождая ненависть к своей сущности и высказывая эту ненависть на тех, кто всё-таки решил себе признаться, кто всё-таки отказался от предрассудков и механизмов психологической защиты, чтобы стать самим собой; именно от таких латентных геев про-

исходят несчастные браки, преступления, но об этом гласит дегенералогия, которая запрещена во всех странах, где такие геи находятся у власти, то есть во всех странах; но ничего из описанного Ваня совсем не знал, но столкнулся со своими гомосексуальными наклонностями и просто, наверное, принял их, пожалуй, думая, что несколько наклонностей ещё не означали гомосексуальность (ошибочное мнение), поэтому и беспокоиться об этом не стоит, потому он и начал усиленно искать себе девушку. Ещё молодой, Ваня боялся секса, настоящих отношений и новой жизни, поэтому лишь начал делать мелкие шажки в известном направлении, просто забавляясь или даже именно так уверяя себя, что он что-то делает, что он занимается поисками, чего и алчет подсознание, тем самым он мог избавляться от ответственности перед своей совестью или перед, например, чувством собственного достоинства, чувством собственного могущества, которое он ежедневно тестировал последние годы; но реальный шаг предпринять пришлось.

Это случилось в том же месяце, когда Ваня забросил силовое троеборье; за последние года три Ваня не раз пытался наваждение чувств и пытался что-то с этим сделать или сделать хотя бы видимость действий для себя самого; обычно это и заканчивалось ничем: переписка со скрытой лесбиянкой, узнавание мерзких событий из её прошлого или настоящего, затем ссоры, лёгкие обиды, игнорирование с её стороны, опять ссоры, а после тихое или эмоциональное расставание; иногда он был рад расставанию, а иногда мучился какое-то время; иногда всё общение ограничивалось перепиской, но бывали разговоры по телефону в течение всей ночи, а несколько раз случались и встречи, которые, признаваясь, сильно разочаровывали его; но никогда, даже если было что-то длительное, не происходило серьёзного общения и действительных планов на будущее, исходящее

из этого общения, ибо, как правило, с его стороны происходил странных и ещё не оформившийся интерес, а девушка с большой вероятностью оказывалась двуличной, поэтому и могла несколько месяцев относительно приемлемо вести общение только из вежливости, как говорят девушки, которая на самом деле могла бы называться искусственным интересом грязной сущности, как бы державшей не одного парня на расстоянии, но державшей всё-таки, чтобы на крайний случай иметь несколько «запасных вариантов»; а на то, что парни тоже являются людьми, причём более чувствительными и доверчивыми, таким девушкам было похуй; иногда даже забавляли случаи, когда очень хороший парень с чистыми намерениями сразу узнавал у девушки, девственница ли она, дабы отбрасывать сразу падших, а какая-то девушка сказала, что она девственница, причём такая целомудренная, что до свадьбы ничего менять не собирается, а через каких-то два года отношений, уже совсем накануне свадьбы выясняется, что она лгала с первых минут... Вот почему сегодня к девушкам встречается такое отношение, как к шкурам, особенно оно было присуще Ване, у которого из девушек двенадцати всего такими шкурами не были лишь две или три. И после этих двенадцати он примерно ничего не уяснил, поэтому с наступлением новой бури в штанах слишком многое забывал абие¹ и шёл на поиски новой девушки, раз с разом свято веря, что найдёт; и вот, уже в известное и описанное время, Ваня предпринял новую попытку; сия попытка, кажется, должна была б окончиться, как и остальные, — или даже ещё быстрее, но совершенная случайность сделала так, что в анонимном чате, которыми уже редко кто пользо-

¹ тотчас

вался, Ваня наткнулся на девушки, очень близкую ему с какой-то стороны, имевшую общие интересы в музыке, в семейных вопросах и тому подобном, да ещё и жившей при этом не только в его городе, но в том же округе, в полчасе езды на общественном транспорте; он познакомился с Наташей, пообщался с ней всего дней пять, а потом они решили встретиться в близком обоим городском питомнике. Ваня даже одолжил велосипед у друга, чтобы не идти пешком по жаре полчаса, а быстро доехать, хотя дороги точной он не знал, поэтому пришлось петлять и опаздывать; сама встреча произошла серо и лучше бы вообще не происходила: как только Ваня увидел Наташу издали, так понял, что она немного полнее в жизни, чем на своих фотографиях, или даже значительно полнее, посему он растерялся, разочаровался отчасти, но по большей части — встал в ступор, потому почти все два часа встречи они молча просидели на скамейке в тени деревьев, наблюдая на деревьях впереди, такие высокие, густые и уже старые; можно было описывать природу дальше, что было не к месту; достаточно сказать, что Ваня холодно относился к такой природе, но её запомнил куда лучше, чем саму Наташу и то, что та говорила; уже под конец двух часов Наташа собралась уходить, но Ваня решил заговорить о чём-нибудь, поэтому начались темы о том, как он бросил спорт и как тяжело было ему тренироваться, а Наташа начала рассказывать странные вещи об одном из своих увлечений — о рисовании (как покажет практика, почти все девушки со склонностью к рисованию оказываются психически дефективными); к концу встречи глупый Ваня зачем-то решил закрепить их с Наташей искусственные и разваливавшиеся отношения поцелуем, но и это сделал зря, так как ни он целоваться не умел ещё, ни она старания не проявила, оставив после себя в памяти только какой-то запах рыбы или что-то близкое, который потом не раз Ваня ощущал

во время поцелуев с девушками. Даже не обняв её, Ваня, почему-то радостный весьма, поехал домой; ехал он достаточно быстро, хотя спешить было некуда, но всё же успел насладиться прекрасными видами зелёного поля под подходящим к закату солнцем и видами своего района, почти везде бывшего в тени; окружённый оранжевым цветом разных оттенков, он проехал мимо многих мест, с которым было связано давнее детство или ранняя юность, мог что-то вспомнить, однако, по всей видимости, думал о совершенно противном, хотя точно это — уже никто не узнает; в какой-то момент он так «залип», что даже врезался в ограждение и вместе с велосипедом сделал неполное сальто, испачкал майку в траве, но отвлёкся и пришёл в себя. Примечательна лишь та мелочь, что Ваню никоим образом не мучила совесть, как будто её и не было, как будто он сам верил в полное право своё при формальных отношениях с Наташей раз в несколько дней заниматься сексом с Кристиной, если можно назвать это так; не совсем ясно тогда, зачем же он пытался построить отношения с Наташей, если был латентным геем и уже удовлетворял свою похоть с кем-то, то есть как получал удовольствие, так и нёс пользу своему организму, оберегая тот от воспалений и нарушения гормональной активности; но в том ведь и суть, что Ваня не понимал себя достаточно и не мог действовать в полной мере рационально, как и многие геи, скрытые они или открытые. Через неделю или две он дочитал сборник Азимова и полностью покончил с Наташей, но с Кристиной общался по-прежнему, потому что они называли друг друга друзьями.

Кристина была вполне хорошей девушкой с почти техническим складом ума, то есть с более-менее нормальными мозгами; хорошая она была характером, стоит уточнить, но не внешне, ибо тогда она была бы почти идеальной — и называлась бы таковой; жалко, конечно,

что достоинства человека, если они присутствуют, можно описать в двух словах, как и достоинства книги, песни и тому подобного, зато всякие недостатки и червоточины иногда способны занимать целые страницы текста, дополняться примерами, рассматриваться в своих комбинациях и т. д.; можно попытаться и о недостатках сказать коротко, но тогда описание будет далеко не полным; можно вообще умолчать о негативных чертах того или иного человека, но сие никак не поможет изжить эти черты и не изменит отношения человека к ним, ведь в реальной жизни человек многое замечает и не замечать не может; если сказать коротко, то Кристина была немного рябой (нарушение пигментации кожи) и не сильно полной, но её полнота усугублялась отсутствием, например, большой груди или даже средней груди, наличие которой помогает абсолютному большинству девушек сглаживать другие свои недостатки в глазах парней, хотя в нужных случаях девушки не знают об этом и усердно стремятся изуродовать себя там, куда никто, помимо них, и не посмотрит, но это замечание; и нужно было сказать эту информацию насчёт Кристины, так как для самого Вани первая имела большое значение, то есть немного отталкивала его, отчего, быть может, Ваня не рассматривал Кристину как потенциальную девушку и искал другую, а Кристиной только немного пользовался на время, утрами играл дружбу, гулял с ней, общался, чтобы вечером она завела его к себе домой, а там... да я уже так много подробностей обозначил, что нет никакого смысла оставлять в тайне то, что Кристина ему дровичла в течение двух часов, то есть довольно долго, но всегда достигался оргазм, поэтому такие процедуры выходили очень полезными для половой системы Вани; и это был единственный случай в его жизни, когда он сам не хотел отношений, держал в friendzone и пользовался этим, а девушка, которую он держал, сама не проявляла никаких

особых чувств и надежд, знала временность такой дружбы и почему-то была согласна; даже в таком виде friendzone обоим доставляла приблизительно желаемое, чего никогда не происходило, когда Ваня добивался девушками, а та влюблялась в него «как в друга». К концу июня-месяца по внешним причинам общение с Кристиной прервалось до конца лета; на прощание она успела подروحить ему раза три подряд, о чём плохих воспоминаний не сохранилось; Ваня не чувствовал, что использует её, растлевают или что-то в этом роде, поэтому совесть его оставалась чиста; к концу лета его сознание полностью переменялось, отчего большинство прежних потребностей потеряли для Вани актуальность; Ваня стал одиночкой, а необходимость всякого общения с Кристиной исчезла; нельзя даже сказать, как именно они прекратили отношения, но случилось это спокойно и никакой йоты осадка не оставило; потом они ещё с десятков раз виделись случайно, прошедшее действительно не казалось им важным, поэтому и в голову не приходило.

XII

Вторым, на что Ваня стал расходовать свою энергию, стали солнечные ванны с целью загореть; он бесконечно желал загореть, потому что уверовал, что с бронзовой кожей уже имеющееся тело его выглядело бы разы лучше, а ещё самочувствие улучшилось бы в связи с повышением концентрации витамина D и половых гормонов; так Ваня стал загорать ежедневно, по несколько часов за раз, ибо ничего другого уже не делал и не хотел делать; именно загар стал ему культом, хотя, безусловно, некоторые физические нагрузки всё ещё продолжались раз в несколько дней, но самое главное заключалось в том, что Ваня питался действительно идеально для своих целей, поэтому каждый шаг в улучшении тела действительно отдавался улучшением в теле. Сперва он не мог лежать во время солнечных ванн, ведь это означало совершенное безделье, что лично для Вани было недопустимым, поэтому первый месяц Ваня ходил под солнцем, в основном подготавливая организм к серьёзным нагрузкам и загорая в плечах; во времена ходьбы Ваня думал, мечтал, да, он вернулся в далёкое детство и поддавался бесплодным мечтаниям на фактически те же темы рыцарства, героизма, бандитизма и так далее; к сожалению, вскоре возраст начал забирать своё, отчего искущённый Ваня стал чаще думать о сексе; в то время ничто серьёзное не принуждало его подавлять желания онанизмом, а осуществить свои жажды он ни с кем не мог: никого поблизости не было; примерно по этим причинам лёгкие мысли о сексе переросли в фантазии о групповом сексе, о лесбиянках, а затем — хотя не сразу — о геях; но до полного содома Ваня никак не доходил мыслью, потому что собствен-

ный нарциссизм делал своё дело и в крайних случаях всегда врывался в фантазии, исключая в оных всех людей, помимо Вани, и перенаправляя фантазии на такой лад, в такой вид, когда они уже могли бы осуществиться в жизни, в те же дни. С тех пор он начал мастурбировать на собственное отражение в зеркале; первое время этому даже предшествовала тренировка ног, чтобы бёдра и ягодичы налились кровью, распухли и приобрели некую пикантность; после такой тренировки одной маленькой мысли о своём члене было достаточно, чтобы он встал почти максимально и выпирал из трусов; тогда Ваня садился перед зеркалом, десятилетие назад случайно поставленным так, что нормальному человеку оно отражало его тело от колен по солнечное сплетение; и выходило, что если сесть перед зеркалом без трусов, то лучше всего оно отражало половой член с той стороны, которой не видит глаз при обычной мастурбации; так Ваня любовался своим достоинством и ласкал его до оргазма; это случалось несколько раз, но потом прекратилось в связи с тем, что Ваня захотел попробовать анальное удовольствие, но ничего не получил, быть может, по той причине, что несколько лет обжорства как-то повлияли на прямую кишку, отчего та то ли потеряла чувствительность, то ли искривилась или что-то в этом роде, почему продолговатые предметы проходили в неё с трудом и никаких ощущений не производили. Через какое-то время желание просто ослабло, поэтому Ваня стал мастурбировать пореже и уже не думая о таких извращениях; возможно вполне, что это было связано с его культом воли, по причине которого Ваня стал загорать по восемь часов в день, с десяти утра до шести вечера, то есть без двух часов вообще всё время, когда возможным было загорать; на самом деле это было очень тяжело, потому что кожа нагревалась до градусов сорока двух, Ваня постоянно и очень

обильно потел из-за жары, потел в том числе и головой, что было ещё и мерзко; конечно, он делал перерывы на еду и питье, но их можно не считать. Примерно тогда же глупый Ваня по забытой уже причине поддался предрассудку и посчитал, что своим онанизмом, особенно с гомосексуальными фантазиями, он... грешит; да, Ваня уже несколько лет, получается, серьёзно грешил и жил спокойно, но однажды ему стало СТЫДНО и он решил прервать это, решил не поддаваться своим влечениям, не быть больше самим собой в некотором плане, как будто это искупит грехи прошлого и вообще изменит его сущность, изживёт латентную гомосексуальность, словно её можно изжить из субъекта; и Ваня действительно верил в сей придуманный бред, поэтому, с своей-то силой воли, полностью отказался от мастурбации, как думал, навсегда, однако через три дня впервые появилось сильное желание, затем три дня оно появлялось ежедневно, затем на неделю утихло, но потом стало появляться вновь, уже не такое сильное и с лёгким дискомфортом в области простаты, а ещё через неделю максимум его принципы выродились в ежедневные адские боли внизу живота, которые благо если длились меньше часа, но могли длиться и два, и три, наступая в середине дня или уже почти ночью; так Ваня понял, что со своими принципами может нажить себе рак простаты и умереть раньше того, чтоб сделать нечто значимое в своей жизни; получается, через месяц с лишним он стал мастурбировать вновь, но уже раз в три-четыре дня, то есть довольно редко; он уже и не обнаруживал патологической жажды к сексу, а при появлении оной в связи с жизненными ситуациями — забегу вперёд — и в случае неудовлетворения в ближайшие два часа те боли возвращались. Однако, этот горький опыт, можно сказать, помог Ваня отдалиться от прошлого и начать новую жизнь с возможностью

осуществить в ней что-то значимое.

XIII

По сути, ничего не означавшие обстоятельства в сумме сделали так, что Ваня начал читать книги; он лишился своего спорта, потерял доступ в Интернет, а телевизор уже давно не смотрел, потому что самые лучшие каналы либо испортились, либо исчезли, потому что были как бы пробными; это побудило Ваню заглянуть в шкаф, полный отбросов чей-то фантазии, но там он нашёл, наконец, около пяти невероятно красивых и значимых книг, среди которых были «Семья Тибо» дю Гара, «Эроусмит» Синклера Льюиса, «Тихий Дон» Шолохова и другие; в основе своей это были книги больше тысячи страниц, но Ваню они почему-то не пугали, хотя именно большие объёмы мешают большинству людей даже взять в руки книгу, быть может, невероятно значимую, хотя опыт показывает, что и никакая книга может быть объёмной; так Ваня начал новую жизнь и стал читать названные книги в том порядке, в котором они перечислены; это заняло всё лето, но того стоило; Ваня стал читать сутками, с восьми утра до девяти вечера, даже во время солнечных ванн, которые благодаря чтению перестали быть какими-то бесполезными; иногда по причине жары или ожогов он читал вместо сидения под солнцем; иногда бывало так жарко, что страницы мокли к тех местам, куда прислонялись пальцы; иногда же — очень редко — дни выдавались пасмурными, поэтому Ваня в любом случае выходил читать на улицу, наслаждаясь впечатлениями давно умерших людей и как-то растворяя свои впечатления с летней прохладой, буйными ветрами, громом в стальном небе и приятным чувством, когда вокруг бушует сильный дождь, а ты сидишь под большим навесом, ощущая на себе всё влияние погоды, кроме, соб-

ственно, дождевых капель. Чуть позднее нетерпеливый Ваня решил перебрать весь шкаф и найти среди массы книг такие, которые прочесть стоило бы; там он нашёл и Дейла Карнеги, и Александра Дюма, и Эрнеста Хемингуэя, но в числе всего был и красный учебник философии от неизвестного автора; тогда философия была совершенно неизвестна Ване, но ассоциировалась у него со всякими бреднями большого числа мужиков, которые (бредни) студентам приходится заучивать впустую, ведь среди тех почти всегда находятся противоречивые и не относящиеся к реальности; примерно так оно и оказалось в дальнейшем, но Ваня поставил себе цель прочесть этот учебник в 600 страниц и что-нибудь уяснить из него; так получилось, что относительно скоро он наткнулся на тему свободы человека в этом мире традиций, повседневности, экономической жизни, государственно-го гнёта и бессознательных психических процессов, а все прочтённые первыми книги, ставшие любимыми; так или иначе тесно затрагивали начало XX-го века, эпоху мировой войны, революций и кризисов, поэтому интерес к свободе человека у Вани проснулся; и это изменило его жизнь.

Следующие два года — два года! — прошли совсем незаметно, потому что Ваня читал примерно всё время, какое мог читать, то есть иногда по шесть часов в день, а иногда и по двенадцать; он не ложился спать, если за день не прочёл хотя бы сто страниц основной книги (он с чередованием читал по три-четыре книги), а в выходные порой читал и по двести; иными словами, бывшую жизнь ради развития тела он после некоторого перерыва полностью перевёл на развитие головы, на ежедневное добывание информации с теми же — неправильной техникой (например, чтение лёжа), перенапряжением, лишней тратой усилий во имя смутной цели далеко впереди; он не заметил, как прошло два, потому что чи-

тал целыми днями и не жил; далеко не всегда чтение оправдывало себя, а особенно это касалось большинства книг Льва Толстого и Алексея Толстого, а также большинства идеологических советских книг типа «Живых и мёртвых» Симонова (1700 страниц ни о чём), «На дивном бреге» Полевого и так далее; и это способствовало тому ужасу, что за целые два года Ваня об интересующей его свободе узнал в разы меньше, чем в первый месяц; так он разочаровался в книгах; около середины последней весны он во второй раз закончил читать тот самый красный учебник по философии, а затем составил небольшие конспекты по нему; и лишь тогда он осознал некоторую суть рабства — или это ему лишь показалось. Но Ваня по внутреннему наитию продолжал своё чтение, как и продолжал физические упражнения; кстати, со своим изменением он действительно перестал обладать свободным временем, так как ещё и тренировался около шести раз в день; наверное, каждый из тех раз нельзя было назвать тренировкой, потому что и было там всего три-четыре подхода в двух-трёх упражнениях на большинство групп мышц, а за целые сутки все разы в сумме ощущались как полторы тяжёлые тренировки в атлетическом зале; он не утратил силу воли и тренировался шесть раз в день в абсолютно любых условиях, даже если не находился дома и приходилось отжиматься с кирпичами на спине или подтягиваться на улице в шесть утра или одиннадцать вечера в лютый мороз, снег, ветер; он не потерял силу воли и даже в пять утра стал тренироваться при отрицательных температурах за окном и отсутствии света на улице, куда Ваня и выходил; через несколько месяцев такие тренировки начали урезываться из-за того, что старые травмы напоминали о себе; когда Ваня за полгода сбросил около пятнадцати килограмм, он прекратил заниматься так серьёзно. Лишь к этому времени Ваня перестал думать о своём теле.

XIV

Есть мнение, что за такие серьёзные перемены в себе Ваня должен был удостоиться уважения, но Ваня оно не удостоился; а вскоре он вернулся на былую дорогу, перестал быть «культурным» человеком, который читает очень много книжек, да впустую. К концу этих двух лет книги из домашней библиотеки закончились, поэтому Ваня стал заказывать новые в Интернете, а заказывать он стал сам, поэтому получал уже не нечто случайное, но приблизительно то, чего желал, что хотел; наконец-то он начал читать Сартра и Камю и понял в последствии, что на любого человека давление оказывает, как минимум, сама жизнь, поэтому всякий должен иметь стойкость справиться с ним, должен иметь силу воли, чтобы возвышаться над другими, а унылых и слабовольных Ваня стал прямо ненавидеть и презирать, а таких кругом было вдоволь. Тем самым, Ваня нашёл черту, которую якобы можно лишь наработать в себе и которая у многих отсутствует; а начав чтение Ницше, этого эготиста и многословного шизофреника, Ваня ничего совсем не понимал оттуда, но читал, как привык, поскольку поставил себе цель — читать, дочитать; и через страниц сто, а, может быть, и двести Ваня наткнулся на его «волю к власти», о которой говорилось в учебнике, и, не разбираясь в сём и дальше не пытаясь уже понять что-либо, Ваня, побуждаемый внутренними позывами, дополнил мысль Ницше сам, получив в итоге принцип дальнейшего существования: *побеждают сильные волей, ибо они сильны всесторонне, ибо они могут сосредоточиться на проблеме всем существом и могут использовать такие возможности своего тела, которые слабым недоступны; именно сильные волей люди становятся великими полководцами, вождями,*

врачами, учёными и писателями; они имеют в своих руках весь мир; они управляют более слабыми. Как видно, Ваня в мыслях вернулся на несколько лет назад к тем же тварям дрожащим и власть имеющим из «Преступления и наказания», но силу власть имеющих увидел уже не в теле, а в воле; известно, что упомянутый принцип в современном мире истинен, но не сказано, что касается он только дегенератов; да Ване это было не важно, да Ваня и не знал, что его воля быть сильным, быть выше, выделяться из толпы и иметь власть над ней тесно связана с латентной гомосексуальностью.

Часто, когда цель уже не оправдывает средства, когда старания и материальные взносы практически не приносят плодов, а даже имеющиеся плоды не оцениваются людьми по-должному, как хотелось бы, для чего и происходило всё, — в таких случаях спортсмены пытаются не потерять смысл прошлой жизни, не осознавать потраченного впустую, поэтому цель нажать нечто внешнее заменяют культом воли, желанием стать сильнее внутри, психически сильнее; так они обманывают себя и пытаются доказать хотя б себе самим, что ими можно гордиться; так они начинают жить своей волей, не видя ничего прочего, уже не имея сил уйти с сего пути, ведь они могут пробежать быстрее многих — или поднять в три-четыре раза больше, чем многие поднимут, однако высшая воля недоступна им, ибо они не смогут отказаться от всего, даже желая этого; культ воли сопровождается безвольем.

Часть третья. Психологическая защита

Как правило, железным спортом начинают заниматься весьма рано; занимаются им, обычно, люди не совсем полноценные, но часто недоразвитые во многом; они же, если хватает воли, посвящают спорту практически всю жизнь, поэтому действительно не имеют времени для развития другого рода; дабы не признавать своё убожество, они становятся лучше подавляющего большинства людей лишь в одном-двух качествах, отчего и начинают оценивать людей только по этим качествам; это — пример психологической защиты.

Умение лгать — одна из немногих вещей, которая отличает человека от животных

Умберто Эко

XV

Култ воли позволил Ване не блуждать в поисках истины, но ухватиться за то, что по душе ему и что больше на неё похоже, нежели подавляющее большинство философских теорий, непонятных теорий; а похоже култ воли был по той простейшей причине, что к самой жизни оказался ближе; и сама идея того, что Ваня лучше других благодаря наработанной силе подтверждалась в жизни, как казалось ему, подтверждалась легко, ибо окружали Ваню единственно слабовольные, разные люди, которых объединяли бездумье, механизмы психологической защиты и трепетный, словно у Кьеркегора, страх перед будущим, перед давлением бытия, то есть страх... экзистенциальный; люди боялись будущего, боялись правды, боялись узреть собственную ничтожность, какая у них была даже видимой, поэтому они, как бедные рабы, прятались в течении повседневности, отдавались больным увеселениями, во многом, дабы не думать, отдавались тому, что называли традицией и моралью, а оставшееся время занимали, например, работой или такими увлечениями, вроде музыки, которые прекрасны со стороны кому-то, но на самом деле не настолько нравились им, чтобы заниматься сим; слабые люди бежали от самих себя и растворялись в толпе, что Ваня видел со всех сторон и во многих формах, ибо окружали его «разносторонние» люди. Большинство этих людей из-за ничтожных различий друг от друга — считали себя уникальными, но лично Ване представлялись как единое СТАДО, что и справедливо было, ибо почти все «уникальные» в его случае не отличались умственными способностями, следовали модам, показывали своё превосходство (так им казалось) дорогими вещами (купленными родителями), любили пошло пошутить, поржать

примерно без причины, бесить друг друга, на перерывах выйти покурить (ведь круто), при возможности — собраться в кучку и напиться, зато думать — совсем не любил; таково было большинство, которое Ваня именовал «экстравертивными слабовольными», но среди массы в тридцать, допустим, человек бывали четверо, которые и казались уникальными лишь потому, что предыдущему типу людей составляли противоположность; их Ваня называл «интровертивными слабовольными» и поначалу ставил выше первых, потому что в силу своей изолированности и меньшинства они вдали казались уникальными, хотя так просто... получалось; люди этого типа тоже не любили думать, но также не курили, пили реже, зато считали себя вполне умными, то есть были высокого мнения о себе, хотя любили впадать в депрессии и помнить себя говном, дабы пожалеть себя, что для Вани было равнозначным минутой самому себе; часто эти люди подсаживались на всякие сериалы, а ещё чаще — слушали «металл», а металлом они называли просто популярную музыку, исполняемую на электрогитарах, бас-гитарах и тому подобном, то есть металлом они называли один из видов попсы, только для более утончённых; и всё бы ничего, если бы эти жалкие полусамоубийцы, слушая попсу, не зазнавались так, как будто они слушают настоящий металл, то есть Black Metal, Death Metal, Doom Metal или другие стили, которые постоянно избегаются людьми. Разумеется, слабовольные в глазах Вани не делились на две только группы, ибо он видел и множество тех, которые занимали промежуточные позиции между сими двумя; и таких людей он презирал больше всего, поскольку... они всегда оказывались двуличными, а это омерзительно. Получается, открыв новых взгляд на мир, Ваня обрёл себя на одиночество среди тех, кто ниже его, кто слабее его волей, но эта же воля способствовала тому, что Ваня смог выдерживать такое окружение и жизнь в таком мире; Ваня смог

выдержать не только горечь бытия, но и нечто большее, чему подверг себя добровольно.

XVI

Несмотря на свои воззрения, правые во всех смыслах, Ваня не прекращал общение с некоторыми людьми из группы «интровертивных слабовольных», ибо среди этой группы действительно встречались хорошие люди, пусть люди больные и жалкие, может быть; не стоит думать, что таких людей было множество, но вообще они существовали; главным из таких был Артём, чрезвычайно высокий парень с некоторыми нарушениями пигментации кожи и аномалиями скелета, а также ещё чем-то, по его словам, связанным с родовой травмой или около того; об этом стоило сказать, потому что именно такая болезненность обладала связью с тем, что Артём любил слушать геев, любил погрузиться, уединиться, побыть в депрессии или посетить нереальный мир, где он мог бы быть героем, а в жизни он был ничтожеством, не выделявшимся ни физическими данными, как сказано, ни умственными способностями; но человеком он был весьма хорошим, посему, если иногда терпеть его никчёмные разговоры о новых альбомах и скорых концертах, то можно было с ним разговаривать, чем Ваня и увлекался иногда, хотя создавалось впечатление, что Артём заперся к коробе собственных предрассудков, чего менять не собирался, поэтому получить от него Ваня могут поддержку, но не понимание, но не погружение в суть проблем; и это привело к тому, что Ваня от Артёма держался на небольшом расстоянии, просто зная, что этот человек — хороший. Естественно, Артём был латентным геем, депрессивным причём, поэтому, как видно было, жил во лжи и механизмах психологической защиты, лишь порождая себе проблемы; одной из главных проблем была Лера: жирная девка, немного высокомерная, со средней

школы смотревшая английские тупые сериалы для телочек, как будто английской происхождения «Отбросов», «Шерлока» или «Сверхъестественного» автоматически делали эти отбросы хорошими, культурными и аристократичными; также понятно, что сама Лера была лесбиянкой, поэтому парней не заводила, но общалась либо с такими же лесбиянками, либо с такими смазливymi геями, каким был Артём; знаю, по естественному закону он, больной и слабый, тянулся к ней, большой и не слабой, поэтому иногда они начинали отношения, но это быстро прекращалось по каким-то побуждениям Леры; вполне возможно, что на первых парах лесбиянка Лера, не признаваясь себе с в собственной ориентации, решила выбрать асексуальность, что могло получиться гораздо проще по причине фригидности, коя чувствовалась; позднее эта Лера, для девушки не тупая, а ещё по-особенному симпатичная, надо сказать, хотя говорил это извращенец, — позже она значительно сбрила свои русые волосы, покрасила их в неестественный цвет, а также провела пирсинг, поэтому внешне похожа стала с одной стороны — на женственного паренька-неформала, с другой — на типичную агрессивную феминистку, у которой от всего «бомбит»; как известно, феминизм приравнивают чуть ли не к стадии рака мозга, а в случае с Лерой это казалось даже правдой: она так зазналась в своих предрассудках и увлечениях, что, вожделея геев, отказывалась говорить с Ваней (а Ваня был геем) о них, потому что Ваня «в этом не разбирался», ведь Ваня не смотрел какой-то там сериал, да ещё и высоким не был, а низкие парни для неё были нелюдями... Вот с таким человеком был связан Артём, был связан болезненными отношениями, причём куда более болезненными, чем был он сам; теоретически, Артёма можно было изменить физическими нагрузками, в которых Ваня толк ещё помнил, а многие недостатки Артёма во внешности можно было бы сгладить и превра-

тить в достоинства (особенно рост), но дело в том, что Артём был доволен своей жалкой жизнью и не хотел менять её, пусть приносила она ему страдания и огорчения, но саморазрушение влекло Артёма к этой грязи; поэтому он не менялся; поэтому он общался с лесбиянкой, с которой ему точно ничего не светит; был у неё во friendzone и радовался, и грустил; а Ваня их отношения называл мракобесием, но лично с Артёмом иногда общался.

А однажды случилось так, что жизнь Артёма могла перемениться коренным образом в лучшую сторону за счёт единственной девушки, которая испытывала к нему сперва жалость, затем — и дружеские чувства, затем — и нечто тёплое; звали её Викой, и ничего не известно о том, где и как Артём с ней познакомился и тому подобное, но даже сам факт их знакомства Ваня узнал только через полгода после того, ибо Артём, любящий жаловаться на жизнь и говорить о себе, умудрился полгода скрывать свои отношения; Ваня и подумать не мог, что Артём имеет отношения, ведь Артём так же тесно общался с Лерой и проявлял к ней пусть бесполезные, но всё же знаки внимания, какие уже давно проявлял; Ваня просто-напросто не мог подумать, что Артём, такой слабый психически человек, окажется двуличным, но — в принципе — от гомосексуальности и выходило двуличие; так Ваня узнал о Вике достаточно поздно, далеко не сразу, но после того дня, как Артём рассказал о ней, он раз в небольшой период времени стал рассказывать о ней снова и снова, рассказывать об их прогулках, поездках, перипетиях, причём делал это с видимой эмоциональностью, но с сомнительной... искренностью; создавалось впечатление, что хорошими и громкими словами Артём хотел самого себе убедить в том, что говорил, как будто на самом деле не так всё красочно в его отношениях. А дело был в том, что — и этого следовало ожидать —

он связался не с нормальной девушкой, а тоже с лесбиянкой; да, разумеется, Вика была доброй и для девушки очень умной, была хорошим другом и как человек — оказалась прекрасной, но ничего из сего не спасает её от проблем со психикой, от лжи самой себе и так далее, в чём вязнут 95% гомосексуалистов; ебануться, но без лишних слов скажу, что Артём видел в их с Викой общении отношения (ну, естественно, — зачем парень общается с девушкой?), а Вика считала их... друзьями; да-да, коварная Вика даже целовалась с ним, но при этом держала в friendzone по непонятным совершенно причинам; однако, не следует думать, что она была, к примеру, садисткой и делала так со зла и сознательно, ибо человеком она тоже (как и Артём) была хорошим, но больным, поэтому не могла разобраться в самой себе, тонула в сомнениях и рационализации, а при отношениях с другими людьми приносила им боль — приносила боль и самой себе. Однажды Артём закончил громкое хвастовство, а через месяц или полтора Ваня узнал, что они с Викторией уже не общались около двух недель, ибо она захотела «остаться друзьями», чтобы бессознательно мучить его, не имея обязанности отвечать любовью на любовь, а Артём не согласился и ушёл; Ваня сам не имел девушки, но уже слышал о Вике, а также видел её и видел, что она не уродливая, но в чём-то красивая, поэтому захотел заполучить её себе, тем паче, что Артёму она больше не нужна была; однако, через неделю их приятного и обещающего что-то общения Артём, слабый человек, решил вернуться к Вике на прежних условиях — или не поймёшь; дабы очистить свою совесть, Ваня решил стать посредником, но он был хуёвым посредником, поэтому за неделю Артём понял, что Вика уже многое открыла Ване, хотя общалась с ним короткое лишь время; после этого Артём обиделся на всех, решил окончательно покончить с Викторией, а на Ваню затаил обиду; так он ушёл

предаваться любимому саморазрушению, горю, печали и депрессии, радуясь и страдая одновременно; так Артём покончил с Викой и с их гнилыми отношениями, с тленом, который Ване ещё предстояло пережить.

XVII. Друг

*Ах, худо-то как мне... Чувствую, сердце хочет
любить, дарить нежность... Сейчас бы парня
мне — совсем любого, чтобы давать ему ласку,
обнимать, целовать — и только для этого.
Но с тобой я не могу, ибо я ценю нашу дружбу.
Из реального диалога с Викой*

*Дружба между мужчиной и женщиной невоз-
можна. Существа противоположного пола обяза-
тельно будут испытывать влечение друг к другу,
если чем-то друг в друге заинтересованы. Влече-
ния не будет только при отсутствии интереса,
но в таком случае и дружбе произрастать
не из чего.
Неизвестный автор¹*

Когда Артём решил исчезнуть, пропадать начала и Вика; без объяснения причин она то ли прекратила общение, то ли прервало оное на неизвестный срок, заставив Ваню томиться; около конца июля Ваня встретил Вику в первый раз, увидел её красоту и понял, что с ней-то можно разговаривать, что невозможным было с другими девушками; Вика же ничего особенного не проявила; затем месяц они токмо переписывались, ибо Вика целые дни была занята то дешёвой работой,

¹ На самом деле я своими словами записал хорошо сформулированную мысль позабытого человека; однажды мне показалось, что я увидел её из печатного текста, но так и не смог узнать, откуда и правда ли мне это не приснилось.

то курсами, то ещё чем-то, а Ваня вообще не понимал этого, не понимал такой занятости, навязываемой самой себе; Ваня не понимал, зачем Вика работает летом задёшево, а потом на курсы тратит в несколько раз больше зарабатываемого, зачем она очень рано встаёт и ввергает себя в занятия вплоть до ночи, а потом — вот главное — жалуется, что ей некогда развлекаться, что на многие вещи нет времени и тому подобное; Ваня отождествлял это с мазохизмом и стремлением убежать от самой себя, от размышлений, ибо, получалось, Вика имела страшные тайны, о которых не рассказывала никому и о которых вспоминать не хотела; пожалуй, главная неприятная вещь для неё заключалась в том, что Вика была уже взрослой и весьма красивой девушкой, при этом умной и интересно, а ещё — аппетитной и манящей, поэтому она имела множество поклонников, как правило, вполне высокого качества (и Ваня был в их числе), однако отказывала всем достойным, но не смогла отказать таким, например, как Артём, а это уже говорит о дефективности в её голове; Ваня полагал, что Вика просто не испытывает сексуального влечения, но та теорию сию отрицала и наводила таинственность на то, что «влечение она испытывает, но не ко всем, но этого не видно, но это очень интимно»; и многое иное сводило к тому, что Вика была лесбиянкой, но неизвестного типа. Так они переписывались в течение месяца, а Ваня неописуемо сильно ждал новой встречи, ибо к Вике испытывал какое-то патологическое влечение, приводившее его в маниакальное состояние, мешавшее спать, читать, есть и так далее; обыкновенно о таких страстных чувствах пишут очень подробно, загромождая этим объективный взгляд на события, но чувствам геев не следует придавать большого значения; чувства были и были они достаточно сильными, чтобы запомниться на годы, чтобы помутнить сознание и даже навредить

организму Вани, но, признаться, он уже переживал нечто подобное около десятка раз в недавнем прошлом с другими девушками, но девушками до того мерзкими, как оказалось, что даже имён двух третей он не помнил к моменту встречи с Викой; а Вика оказалась особенной по причине своих христианских качеств, из-за какого-то ореола вокруг себя, но на самом деле Вика была такой же гнилой и мерзкой, но для уяснения сего требовалось переждать много времени и отбросить все её маски, за которыми скрылись ложь, неуверенность и лицемерие. Постепенно Ваня узнавал, что дед у Вики был алкоголиком, другой дед — блудодеем, отец — предателем и блудодеем, а сама Вика обладала токсикоманией и имела странные отношения с парнями, но не стоит об этом: проблема в том, что она не сказала этого сразу, но заставила кружиться вокруг себя, чтобы заманить как-нибудь или просто потому, что не могла не заманивать; спустя месяц они встретились снова, за день или два до Ваниного дня рождения, в красивом парке, где было на удивление мало людей для такого времени, где было вполне тепло, но всё же не жарко, ибо встретились они как раз к закату солнца; можно многое добавить об этой встрече, но не будет этого; Ваня даже купил множество сладостей, чтобы угощать Вика и предрасполагать её к себе, тем самым, но Вика почти всё отказалась есть; Ваня хотел сделать эту встречу особенной, чтобы их общение стало более интимным и переросло в отношения — и нельзя его в этом обвинять, потому что в силу возраста и наивности любой парень делал бы то же самое из тех же самых побуждений; не ясно только, чего ожидала Вика от этого общения, если в отношения вступать не хотела; по её словам, она хотела найти просто друга, но с этим «другом» она при этом сильно флиртowała, одевалась по-особенному для него, то есть могла на нём практиковать своё

влечение, могла его дразнить и медленно убивать этим, зато вот ему ничего позволено не было; хорошая дружба. Осознавая сказанное, Ваня приходил в большое недоумение, понеже не понимал, что же происходит у них и зачем Вика делает одно, другое запрещая; осознавая сказанное, Ваня вспоминал два факта, что 1) при «дружбе» с Артёмом Вика целовалась с ним и что с Ваней при этом она даже обниматься старалась пореже, а ещё то, что 2) за прошедший месяц она тайком от него встречалась с Артёмом в надежде вернуть того, что ли, хотя после проявления чувств начала то ли холодеть, то ли подавлять себя; ужасная патология.

Прошло месяца полтора; лето успело закончиться; их общение почти не изменилось, но со стороны Вики начало приобретать оттенок холодности, а Ваня всё больше неприятного испытывал при всяком упоминании о Вике, которую он любил за что-то непонятное ему и которую при этом всё больше ненавидел за причиняемые страдания; они встретились снова, на нейтральной территории; случилось это поздним вечером на территории местного сельскохозяйственного университета, на довольно обширной территории, со всех сторон покрытой зеленью; мнимые друзья могли бы спуститься к зданиям советского времени и посидеть на одной из чистых аллей, но Ваня тогда ещё не ведал тех мест, поэтому повёл Вику за территорию, на лавочку возле одного из домов, где они проболтали около двух часов; эта встреча запомнилась ему как самая лучшая, так как всё время они действительно общались; в его понимании эта встреча могла стать началом чего-то большего, поскольку оба они были искренни и остались довольны; к сожалению, в понимании Вики эта встреча должна была стать последней, отчего перед расставанием и следовало провести её — тепло; но Вика не говорила Ване об этом, поэтому он продолжал ухаживать за ней ещё около месяца с чем-то; в течение этого

времени появлялось всё больше и больше поводов для ревности, то есть для Вани — причин беспокоиться; Вика же о Ване забыла, как это выглядело в его глазах; их общение стало сходиться на нет, потому что Вика всё больше была занята и всё реже отвечала; однажды Ваня удалил её из друзей и добавил в чёрный список, а она сказала, что наш герой разбил ей сердце, тем самым выставив его виноватым; так погибли его надежды и мечты, создаваемые в течение полугода. Очень и очень вероятно, что Ваня не совсем верно понял её, что Вика могла иметь к нему какие-то чувства и могла иметь планы на него, однако она ни разу не высказала это вслух и даже надежды на подобное последние месяцы не давала; возможно, она не могла разобраться в себе самой из-за своей латентной или даже (есть подозрения) подавленной гомосексуальности, но это слишком затянулось. Виноват был и Ваня, потому что, имея уже двухзначное число неудач в отношениях и зная вполне о зачатках собственной гомосексуальности, он влез в новые отношения в надежде, что они-то станут нормальными, хотя как могло такое совершиться, аже происходило общение между гомосексуалистами разного пола, которые даже самим себе не могли признаться в том, какими они являются? Такие отношения сегодня наблюдаются повсюду; и они обречены окончиться — страданием.

XVIII

Нельзя сказать, закончились ли отношения с Викой, ведь приходят сомнения, что отношений и не было, что Вика просто «ошиблась», а Ваня не так всё понял и уже надумал себе целую жизнь будущем; после Вики он... ещё несколько раз вступал в отношения с весьма разными девушками; отношения эти могли длиться неделю или восемь месяцев, могли так же приносить страдания или чем-то радовать, но год прошёл — и все они казались ему незначительными. Ваня понял, что он является одиночкой, что у него в голове есть идея, уже упомянутая, и что единственно эта идея влечёт его, заставляет что-то делать, не даёт спать, однако лишь он один так увлекается ею, а все остальные не понимали его, жили в своей повседневности и в своих мнимых ценностях, поэтому казались людьми низшего сорта и не могли стать спутниками жизни для нашего героя; он оставался один и мечтал о такой девушке, которая разделит с ним его идею и в действительности будет увлекаться тем, что нравится ему, но едва ли такая бы нашлась. Ване оставалось перечитывать книги, чтобы видеть в них уже виденное, а затем — бродить ночами по пустым аллеям, освещённым синеватым и холодным светом, под которым днями происходит жизнь у людей, хотя оным лишь кажется, что они живут; он наблюдал всё больше юных лиц, красивых лиц, но в глазах у каждого скрывалось либо бездумье, либо страх, поэтому такими людьми оставалось только любоваться. Неизвестно, чего же Ваня желал теперь; он многое не испробовал, но уже успел пресытиться этим, поэтому и жил вчерашним днём, о будущем не думая совсем. У него имелась идея, но касалась она человеческого существа и не могла стать доступной каждому, ибо

требовала силы и в самой себе содержала это утверждение. Приходилось жить в одиночестве, в духовном одиночестве, причём так, чтобы не быть в глазах своих лицемером, то есть не жить жизнь впустую и не уходить от осознания правды; право, долгое время Ваня сидел дома и читал книжки, то есть и по собственным ощущениям совершенно не жил в сегодняшнем дне, но жил для какого-то будущего, о котором точно ничего не известно. Существовали лишь он и идея. Он и идея.

***

Однако, эта идея поработала его ум, но нисколько не касалась души, как и всякая идея.

Часть четвёртая. Ведьмы

Мужчины, у которых не возникало полового влечения, эрекции и оргазма, не давали потомства и, таким образом, отметались естественным отбором. Женщины же способны к половой жизни и продолжению рода независимо от наличия полового влечения и наступления оргазма, поэтому женщины с низким половым влечением или даже его полным отсутствием, а также с аноргазмией (отсутствие оргазма) не устранялись естественным отбором.

Абрам Свядощ «Женская сексопатология»

Глупые, гордые, лицемерные, завистливые, корыстные, злые и жестокие... Едва ли бы многие женщины стоили чего-то, не будь они внешне красивыми; стоит им только потерять свою красоту, как наружу выскочат их стойкие качества, вся мерзость их душ и недалёкий ум; и сразу понятным станет, почему длительное время женщины не считались за людей и никакой цены не имели: большинству женщин не хочется жить в роли, данной природой, а когда они пытаются сравняться с мужчинами, то в неудаче превращаются в отбросов. Именно к таким женщинам и относились как к животным, однако сегодня достижения эстетики позволили им быть красиво одетыми и накрашенными так, что внешностью можно будет обмануть любого мужчину...

Слова ещё ничего не значат: нужно знать, из каких стремлений возникают слова

Чернышевский

Глупые люди считают ведьм пережитком прошлого, плодами мистической фантазии наших давних предков, героями тёмных веков или просто бедными женщинами, которых топили или сжигали совершенно ни за что,

из предрассудков и страха. Так нас вынудили думать. Массовая культура свела идею ведьм в крайность, чтобы та превратилась в абсурд и чтобы к ней перестали относиться серьёзно, как и к идее Бога. И в этом был смысл, ибо времена поменялись, а ведьмы не исчезли, а ведьмы не перестали делать то, к чему их призывает Дьявол, то есть дегенерация; конечно, они не летают на мётлах и не наводят порчу, но и раньше этого они не делали; сегодня, как и в былые времена, ведьмы охотятся за мужчинами и женщинами, участвуют в оргиях, убивают скот, употребляют наркотики, портят жизни невинным мужчинам, совокупляются друг с другом; они прикидываются подружками и развращают жён; они играют фальшивую любовь и терзают молодых мальчиков и пожилых людей; они паразитируют на их любви и деньгах, само собой, ищут новых жертв, но искренне верят, что могут любить, хотя Дьявол любить не может; ведьмы пьют нашу кровь, нарушают законы логики, приносят страдания и несчастья, разносят болезни; они всюду лгут самим себе, а другим под воздействием психологической защиты лгут с пущим напором и полной уверенностью в своей правоте; если сказать им правду в лицо, они начнут шипеть, как змеи, или сразу сбегают, если противник сильнее их психически. Ведьмы — это социальная зараза, корень разводов, несчастий в мирное время, зла всех сортов, печали, лжи и мнительности. Не убивая нас ножом, они медленно отравляют нам жизнь, способствуют стрессам, огорчениям, проблемам, волнениям и беспокойствам; и им нравится так жить, поэтому однажды они, холодные, легко покинут тебя, оставив себя в большом выигрыше, не испытывая мук совести, ибо совесть им неведома. Впрочем, порой ведьмы опускаются о настоящего яда, но скорее этот яд будет применён к тебе, нежели по назначению: они никогда не убьют себя, потому что на то не будет

внутренних причин, не будет депрессии, не будет нищеты, так как всю жизнь ведьма так или иначе торгует пиздой, на что клюют многие, а чувствовать она тоже может только фальшиво. Когда умрёшь ты, ни одна слеза не пройдёт по её щеке, а замену тебе она найдёт очень и очень скоро: ведьмы обычно страшно красивы. И, найдя себе нового, она будет гадить в жизнь ему, пока тот в лучшем случае не бросит её; а как только он сделает это, ведьма будет обвинять его во всех собственных несчастьях и грехах, которые она нажила в тайне от него. Ведьма — это долгая смерть; и врагу не пожелаешь с ней столкнуться, ведь не бывает такого врага, которого человек ненавидел бы так же точно, как ведьма ненавидит своих мнимых друзей.

Глава 1. Мадина, она же Оля.

Введение

*Дьявол ничего не может предпринять без ведь-
мы
Яков Мпренгер «Молот ведьм»*

Сегодня люди гораздо больше и чаще меняют партнёров, особенно половых, нежели меняются сами, ведь их нравственность падает с космической скоростью и, всё же, не так быстро, если сравнивать падение собственно ценностей с падением физиологическим, поскольку именно физиологический регресс (иными словами, дегенерация) заставляет людей быть тупыми, мелочными, похотливыми и — главное — неполноценными, ведь эти люди не могут полностью отдохнуть, всецело насладиться, искренне полюбить другого, что и рождает волну распутства, которая нормальными людьми воспринимается очень остро, покуда грешниками — на удивление холодно, безразлично, несерьёзно, ибо для этих неполноценных людей — это действительно мелочи, которые для них не так уж много значат, как и, впрочем, прочее святое искони. Такие люди достойны осуждения и унижения, кое и сами себе приносят, однако не всегда человек, часто меняющий партнёров, должен бы, вообще-то, меняться сам, потому что под людей, составляющих сегодня большинство, не следует меняться, если ты выше их и лучше их, но нуждаешься в них как в объектах для секса или же для высоких чувств, которые уж больше некому выразить, ибо действительно достойные — не встречаются на пути твоём годами. Это можно считать наказанием.

...Когда Ване было уже лет шестнадцать, когда он уже усиленно занимался спортом, достигал успехов,

стал строить амбиции на будущее, — тогда он начинал понимать своё превосходство над другими, особенно над подавляющим большинством сверстников и ровесников, которые оставались просто взрослыми детьми — и часто дефективными детьми, хулиганами, задротами, наркоманами, бездумными модниками, отвергаемыми интровертами, бездарными музыкантами, ибо никто из них не обладал волей, как у Вани, не мог быть уважаем за тело, которого нет, ведь не было и стараний его построить, но главное теперь — никто уже не имел идеи, которая хорошо объясняет известный мир и которая способна перевернуть жизнь, а у Вани эта идея была. Самое смешное, что никто из знакомых даже не стремился познать мир и увидеть правду, поскольку мирские потребности наряду с навязанными поработили всех и заставили всех стремиться к тому, чего на самом деле не хочется; каким-то образом им вбили в головы, что мир — непознаваем, что смысла жизни нет, что добро и зло — всего лишь субъективные понятия, а в объективной реальности их не существует, а, может, и самой объективной реальности нет. Так случилось, что окружающие получили множество оправданий оставаться скотом, а Ваня нашёл такую грань, с которой он превосходит остальных.

Примерно в это время, достигнув 80-ти килограмм, Ваня начал страдать от нехватки секса. Всё дело в том, что успехи в любом спорте прямым образом зависят от уровня анаболических гормонов в организме — и лишь благодаря им человек растёт, становится сильнее, быстрее или выносливее; если концентрация таких гормонов велика, то человек может расти без всяких тренировок и практически на любом питании; если концентрация низка, то никакие тренировки и диеты не помогут вырасти и не спасут от «слива» мышечной массы, то есть похудения за счёт её уменьшения; этот уровень во многом зави-

сит от генетики, но в индивидуальных границах его можно поднимать, ради чего и происходят тренировки, ради чего и в диету включаются растительные жиры, острое, витамины: перечисленное помогает повысить уровень анаболических гормонов; кстати, чтобы повысить этот уровень выше естественного максимума, применяются анаболические стероиды, но уровень повышается не на долгое время, поэтому после приёма стероидов все излишки быстро пропадают; введя в курс дело, теперь можно сказать, что из всех анаболических гормонов основную долю занимает один — тестостерон, то есть мужской половой гормон, гормон агрессии, силы, страсти, а посему за увеличением уровня половых гормонов (к примеру, путём тренировок) после повышения аппетита идёт сексуальная жажда; это неизбежно; и с этим столкнулся Ваня в шестнадцать лет.

Такая ситуация в его возрасте явно была безвыходной, ведь дорогая проститутка не исправит проблему за час, но лишь на день-три отсрочит рецидив той; требовалось найти постоянного партнёра, но это так же невозможно сделать при его возрасте, в короткие сроки и при особенностях личности Вани; к тому же, отношение окружающих к себе он представлял как отношение одноклассников к нему, но Ваня в классе был изгоем, потому что был другим; на самом деле он попал в класс выродков, но в 16 лет даже история казалась неведомой, а высшая социология — тогда и не существовала. И как бы всё не казалось правдой, при образе жизни Вани правда сия становилась далека, неправдоподобна, незначительна, поэтому при осознании всех вероятностей он снова начал искать девушку, хотя опыт за спиной был весьма печальным. Повезло, что на письме Ваня умел завлекать, он управлял словами и сразу становился для собеседника — родным человеком, но даром этим пользоваться себе на пользу он ещё не умел; как правило,

все девушки отвечали ему, но самые хорошие жили уж очень далеко, а наиболее близкие были на диво погаными людьми, лгуньями, шалавами, мажорками или «давалками», то есть шлюхами, но шлюхами со всякими причудами и моральными принципами, из-за чего — жизнь показывает — они дают всем, но только не тебе. С некоторыми из этих девиц он даже общался целые ночи, нарушая режим, а потом не высыпаясь, но все либо становились отвратительными, либо внезапно исчезали: не умея любить, они даже человека, вызывавшего высшие чувства близости, могли предать и променять на члена тех же отбросов, к каким относились сами. На этом Ваня потерял несколько месяцев, однако бесплодные поиски создавали видимость чего-то, что порождало облегчение и отвлекало; надо думать, видимость поисков заглушала их причину. Так прошло немало.

И однажды, в начале марта, в канун женского праздника Ваня выпил нечто наркотическое и, собрав весь свой талант, всё искусство управлять словами, написал объёмистое и великолепное поздравление к восьмому марта, полное любви, не требовавшей ответа, и добра, не требовавшего причин; и это поздравление он прислал всем знакомым девушкам и некоторым совершенно случайным. Едва ли хотя бы половина не поленилась прочесть такое сочинение в двести слов, но вялое «спасибо» пришло ото всех; но одна из незнакомок даже показала интерес к персоне автора, поэтому Ваня снова возжётся. Началось общение.

Её звали Оля Миронова, и было ей 22. Ваня ещё не знал о материнском комплексе, но просто клюнул на молодую и сексуальную женщину, старше его на шесть лет; главное, что её разница в возрасте нисколько не смущала. Чуть позже Ваня понял, что Оля ничем значительным не занимается, зато, будучи из богатой семьи, очень хорошо обеспечивается, поэтому не будет торопить

в неприятных вещах и на шею не залезет; зато рядом с ней можно устроиться; нет, Ваню не привлекли деньги, но их наличие ослабило напряжение где-то в его бессознательном. Но ещё через несколько часов Оля стала вести себя странно, стала с одной стороны привлекать, но потом — умышленно отталкивать; появилась уверенность, что есть у ней какая-то очень страшная тайна, без которой их отношениям не сложиться; после волнения и больших усилий сию тайну удалось узнать: за год до этого Олю изнасиловал один знакомый, она от него забеременела, аборт делать отказалась, отчего парень бросил её; а через три месяца произошёл выкидыш. Легко читать эти слова, но Ваня в тот миг их будто пережил; произошло первое и одно из самых серьёзных его потрясений; услышав как бы тяжёлую тайну, он почувствовал благодарность к её носительнице и навязал себе какие-то обязанности: раз Оля доверилась ему, то и её подводить нельзя; сие закрепило их отношения и стало началом длительной топи.

Он быстро влюбился в Олю, а Оля отвечала ему чем-то сопоставимым; Оля не провоцировала ревность, не вызывала гнев, не производила беспокойства, поэтому казалась идеальной; общение с ней приносило удовольствие и обостряло надежду на приятное продолжение. Однако, через несколько месяцев Оля стала отдаляться, стала общаться реже, говорить меньше и с холодностью, проявлять неуважение и безразличие к Ване; лишь несколько слов могли покончить со всем вмиг, но Оля растянула желанное для неё расставание на несколько недель, потому что казалась Ване нерешительной, а в действительности практиковала садизм; из садизма же она умудрилась давить на Ваню своими собственными горестями, делая ему тяжелее. Из садизма же перед непонятым расставанием Оля решила сказать неожиданную правду... а правда заключалась

в том, что это была не изнасилованная Оля двадцати двух лет, а никем не тронутая шестнадцатилетняя Мадина, которая решила поиграться, придумала себе большую легенду и играла роль около полугода, мучая Ваню. Эта Мадина была полукровкой, жила с матерью-разведёнкой; лицом была вполне симпатична, но, подобно Кристине, почти страдала ожирением, до которого оставалось килограмм пять; телом она была весьма непривлекательна, потому что жир отложился у неё везде, кроме как в груди и бёдрах, отчего она даже девушкой не казалась; но человеком Мадина оказалось хорошим, пусть странным. У Вани появилась хорошая возможность её бросить, но, не желая казаться таким же низким в своих глазах, он сделал вид, что любит Мадину за приятный характер, а внешность, возраст и происхождение положительно ничего не играли; и в общем случае это была правда, но Мадина здесь стала исключением; а Ваня солгал, чтобы отгородить себя от совести или чего-то более страшного.

Их отношения продолжились, Мадина оказалась хорошей женщиной, но не интересным человеком; постепенно Ваня понял, что серьёзно охладел к ней; из уважения или по другой причине общение Ваня продолжал, а полное расставание произошло лишь через полгода. Быть может, Мадине действительно было больно потерять такого хорошего человека, но почему-то и этому человеку было достаточно больно — при всей безучастности. В скором времени так же поступят с ним, но всегда по-разному, а вообще — не раз.

Через несколько лет Мадина потеряла девственность со стероидным качком из её качалки; она была уже испорченным человеком и не удержалась; повезло, что вместо залёта она получила свадьбу. Ещё год Ваня вспоминал о ней как о хорошем друге, ибо больше хороших друзей у него не было. А потом забыл. Забыл всё хоро-

шее, что было у них более года; но вымыслы Оли, с которых всё начиналось, так и не исчезли.

В тот раз Ваня впервые лоб в лоб столкнулся с ведьмой; это было больно, но спорт и особенности возраста помогли забыть. Дальнейшая история известна. Через несколько лет появилась Вика.

Глава 2. Силки Вики. Закономерности

Явилась в роскоши безумий,
Взметнула вихрем тайных чар, —
И в сердце властно, без раздумий,
Ты нанесла мне свой удар.

И ткани сердца стали ложем
Твоих властительных затей,
И я влачусь, бичом тревожим,
Тебе вослед под звон цепей.

Проклятье! Всосан я тобою,
Как картой — пальцы игрока,
Как водкой — преданный запою,
Как гнилью — губы червяка.

Я умолял мой меч отважный
Вернуть свободу прежних дней,
А яд, коварный и продажный,
Помочь ничтожности моей, —

Но мне с презреньем к жалкой доле
Твердят и меч, и жгучий яд:
— Из облюбованной неволи
Ты недостоин быть изъят.

— Безумец! Пусть мы в силах были б
Тебя спасти от жадных губ, —
Вампира неостывший труп
Твои лобзанья воскресили б!
ШАРЛЬ БОДЛЕР «*Вампир*»

Ведьмы — это самые поганые существа, каких только можно встретить в жизни; ничего из себя не представляя,

они играют роли недоступных богинь и силой внушения заставляют вестись на свои манипуляции; они вечно лгут другим и самим себе больше всего; они не умеют любить, они обречены на несчастье, но отрицают это и в стремлении обрести типичное счастье проводят эксперименты над несчастными людьми, над невинными парнями и юными девушками; и ты будешь привязан к ней, будешь бегать за ней, как собака, которая верна хозяину даже тогда, когда её периодически бьют; и будешь ты бегать за ней вплоть до чувства, называемого экстазом, но экстаз сей время от времени будет становиться всё более томительным и тошнотворным, соответственно характеру женщин, его породивших.

Глупо думать, что какая-то идея способна заставить человека не чувствовать и не зависеть от того, что находится у него внутри и чему совершенно безразличны любые идеи и любые проявления человеческого разума; как бы не менялся человек внешне и в жизни вообще, внутри он всегда будет таким, каким стал приблизительно в период полового созревания, потому что к этому времени окончательно формируется бессознательное, которое и правит человеческими желаниями и чувствами всю оставшуюся жизнь. Человек может строить из себя праведника, но если он баловался с мальчиками в 14, он и продолжит так делать хотя бы в своих мыслях; женщина может казаться верной и любящей женой, но если она поблудила в 18 или раньше, то любить на самом деле она сможет только себя, зато быть верной уж точно не сможет; вероятно, вместо мужчин-любовников она найдёт лесбиянку-подружку, но суть от этого не изменится. Выходит, никакие слова и никакая внешняя жизни не говорят о человеке хорошо, а важным остаётся только то, какой он внутри, глубоко внутри, причём так глубоко, что и сам он может не уметь туда погружаться, а, может, ему просто больно признавать правду. Именно поэтому Ваня

изменился в мыслях, но не сменился в помыслах; именно поэтому он не смог так резко порвать со своим прошлым, как он сделал это в мыслях, ибо не мысли играли роль, но нечто неконтролируемое.

Ваня не смог покончить с Викой в тот же день, в какой он понял её сущность; пусть Вика явно его эксплуатировала, мучила, терзала, уничтожала, обманывала и держала при себе только от жажды друзей и настоящего безразличия к нашему герою, Ваня всё-таки надеялся, что это — неправда, что глаза обманывают его, что это ОН совершил ошибку в чём-то, а раз так, то ошибку можно исправить; Ваня и не думал предположить, что главная проблема заключалась в самой Вике, что это Вика, зная сразу об его намерениях, делала вид, что ничего не замечает и ждёт дружбы, ожидала, что Ваня всё поймёт и умерит пыл, а иного выхода у Вани не было, потому что Вика была как раз из тех женщин, которые любить не могут, зато умеют презирать и ненавидеть, видят людей сразу, а в себе самих разобраться не горазды, не имеют совести и спокойно играют на чужих чувствах, играют фальшивые чувства. Чувствительный Ваня влюбился в Вика и старался не замечать проблем, старался исправлять то, что было безнадежно; а Вика видела конец уже в самом начале их общения, но держала Ваню при себе, обещая хороших перемен в будущем, когда наш герой научится ждать; но это будущее никак не наступало и не собиралось наступать; а умение ждать, оказывается, не надо было понимать в прямом смысле: Вика просто советовала относиться к ней так же холодно, как она к нему относится, хотя она к нему так якобы не относится. В общем, Ваня натерпелся с этой Викторией многого, но не переставал любить её и тогда, когда она заменила мнимую любовь настоящим отвращением, но случилось это гораздо позже.

Уже начав серьёзно страдать, Ваня обратился к опыту

Артёма, к печальному, надо сказать, опыту, но насчёт Вики ничего узнать не смог, так как этот Артём сам продолжал любить её и из глубокой ненависти и ревности отрицал наличие связи с Викой в настоящем, наличие проблем с ней в совсем не далёком прошлом; его ложь бросалась в глаза, потому что всего за две или три недели до этого Артём от жажды выговорится открыто жаловался Ване в чём-то, что тот уже позабыл; а повторять это Артём отказался. Тогда Ване пришлось прибегнуть в своим очень давним воспоминаниям, которые касались отношений Артёма с Лерой, с очень неприятной бабищей, которая носила на себе следы интеллектуальной деградации и обычного лесбиянства; эта Лера чем-то неизвестным привлекала Артёма, серьёзно привлекала, но не испытывала к нему совершенно ничего, держала в друзьях и подкаблучниках, при этом не держась наравне, но подчас пользуясь своими привилегиями, своими чарами, заставляя Артёма из любви к ней делать слишком крайние вещи, но не давая ему ни свою любовь, ни секс, ни что-либо ещё, потому что, когда дело относилось к ЕЁ ответственности, Лера вспоминала об их дружбе. У Вани ситуация была поразительно схожей, то есть Лера и Вика относились к одному типу женщин, а это уже странно. Закономерности стали проявляться.

В течение последующих месяцев Вика стала уделять Ване всё меньше и меньше внимания, потому что в стремлении отвлечься от чего-то загрузила себя разными, курсами, работой, а потом наступили сентябрь и занятия в институте; вдобавок, Вика была страшно красивой и манящей девушкой, поэтому не было отбоя у неё от всяких поклонников, а для Вани в таких условиях просто не находилось времени и сил; нередко Виктория трое суток шлялась неизвестно где, постоянно общалась с кем-то, заводила новых знакомых, а после всего, за час

до полуночи, объявляла своему «любимому» другу, кой её-то любил по-настоящему, что она — устала, очень устала, валится с ног, требует отдыха, а пообщается — не сегодня; тогда Ваня с лёгкой грустью и некоторым пониманием оставлял её, а через час Вика уже по-настоящему ложилась спать, но что она делала в тот час?.. Чуть позже Вика умышленно стала мучить Ваню, давя на его ревность, во-первых, а затем — на его горькую любовь в положении друга; Вика начала рассказывать о своих похождениях в компаниях парней, о своих весёлых буднях и о разных ничтожных вещах, кои для Вани никакого интереса не представляли; разумеется, он признавался своей любви, что для него больно знать, как весело близкому человеку с другими парнями, которые видят Вику по несколько раз в день в то время, когда он сам встречается с ней лишь раз в месяц, раз в месяц... а Вика считала себя обиженной, униженной и оскорблённой, обвиняя Ваню непонятно в чём и усиливая его грусть. Вика отказывалась от отношений с ним, но иногда — несмотря на это — жаловалась Ване на своё одиночество, на тоску, на желание любить или только целоваться; она говорила, что хочет приласкать кого-нибудь, ничего не требуя взамен, что собирается уже завести себе парня единственно ради этого, причём ей подойдёт уже любой парень; а Ваня слушал это, а сердце его пронзали боль и трагическая безысходность; и он мог бы стать этим счастливчиком, если бы не был ей другом, с которым «дружбу нельзя портить отношениями»; и в подобном болоте он жил жестоко долгое время. А потом Вика стала вести себя при нём более свободно, но сие не был хороший знак, ибо без своей маски Вика с течением времени становилась всё более неприятным человеком; в такие периоды Ваня стал узнавать неприятные подробности её жизни: алкоголизм и сатириаз деда, измены отца, развод родителей, предательства братьев, измена первого парня, странные

отношения со вторым парнем, который был боксёром и не отличался умом и с который целовал ей груди и делал что-то ещё, чего Ване по отношению к Вике уже и не мерещилось, ведь после своих собственных проблем Виктория потеряла доверие сразу ко всем мужчинам, если они не были пассивными педиками, поэтому к искреннему и любящему Ване относилась с мерзостью и недоверием, а пассивного Артёма как будто бы ещё долгое время любила, а с пассивными одноклассниками, которых в её институте было уж очень много, общалась легко, не оставляя времени для Вани. На самом деле внешние причины были только оправданиями и рационализацией, настоящие проблемы не исходили из них прямо и могли не существовать, будь на то воля Виктории, но Виктория только строила из себя волевою, а на самом деле была слабой лесбиянкой, слабой в такой мере, что не могла даже признать этого, поэтому весь период созревания бежала от этой мысли всеми способами, бесстыже используя в своих целях невинных парней, среди которых нашлось место и Ване.

Последняя их встреча, которую можно было считать ИХ встречей, произошла в конце сентября, спустя месяц после предыдущей встрече в августе; надо признаться, что в тот день он видел Вику только в четвёртый раз, а уже пылал любовью к ней, хотя она оставалась такой же холодной, какой была и... Это произошло около восьми вечера; учитывая ошибки прошлого, Ваня решил не бродить, как в прошлый раз, когда они час шли по главной улице города, шли молча, ибо говорить было бессмысленно; нет, это не была глубокая любовь и понимание, но грохот машин заглушал любые слова; он встретил её в сельхозе, одну, вышедшую из пробела в стене; оказалось, что ради сокращения пути Вика минут пятнадцать шла по забытой городскими властями улице, совершенно не освещённой, где её могли изнасиловать, убить,

украсть и так далее; и это обеспокоило Ваню, хотя Вика только посмеивалась: от саморазрушения она спит мало, ест плохо, волнуется по пустякам, поэтому любой риск для здоровья сам по себе уже не становится чем-то особенным для Вики; но Ваня очень боялся любого из перелученных вариантов, потому что ХОТЕЛ ВЕРИТЬ, что Вика ещё может стать хорошей девушкой, его девушкой, которую он будет любить и которая будет любить его; увы, её добродетель после каждого дня меркла и всё больше оказывалась только кажущейся, поэтому Ваня начинал осознавать, что Вику уже нельзя спасти, что она обречена гнить; во избежание этого осознания он надумал себе, что потеряно не всё, но лишь один новый грех перевернёт жизнь — и ей, и ему; вот причина страха; но Вика оно не знала. Они встретились, обнялись крепко, но через пять секунд Вика уже оттолкнула его, как будто обниматься так долго — уже неприлично; Ваня же подумал, что виной запах его пота, появившегося от спешки, но едва ли так; они пошли за территорию университета и присели на лавочку в местном дворе; всё дорогу Вика рассказывала неинтересные истории о том, как ей всё интересно, как она уже отвечала на семинарах и тому подобное; был и рассказ о парне, который видно ухаживает за ней и которого она отвергает чуть меньше, чем Ваню. «Он хотя бы каждый день её видит!» — думал наш герой; а Вика говорила так беспечно, словно разбивать мужские сердца — её призвание и давняя работа. Они присели; там было темно; там не было людей; тишина; прохлада; романтика; казалось, Ваня имел идеальные условия, чтобы признаться в чём-то, но признаваться было не в чем, ведь Вика уже всё услышала от него по несколько раз; этот вечер мог стать переходным этапом в их отношениях, однако Вика с самого начала показала холодность, раздражение (не хотела приходить вообще), озабоченность тем, что дома осталась сестра, ради

которой надо бы вернуться пораньше; имея эту проблему, Вика так беспокоилась, что встреча потерялась, пропала, ушла в некуда. Может быть, это была лучшая их встреча, ибо на предыдущих почти не было разговоров, а на последующих присутствовал осадок, но вряд ли Вика хоть что-то заметила. Примерно в десять вечера Ваня спросил у Вики, можно ли её поцеловать, но, как оказалось, лучше было бы не спрашивать, а молча действовать: Вика впала в ступор и настойчиво запретила; верно, она понятия не имела, что значит для Вани столь много, что тот за милость посчитал бы разрешения поцеловать ей в щеку; а она про губы подумала... Впрочем, Ваня мог прощать и умел ждать, посему все недостатки и разочарования встречи мог бы отбросить и позабыть, если бы имел надежду на то, что больше хотя бы часть этого не повторится; он ушёл в мечтах и горьком осознании своей ничтожности, а Вика ушла спать, чтобы потом делать много-много дел, в которых Ване не найдётся места. Через несколько дней Ваня отошёл от её шарма и вполне рационально оценил свою печальное положение; тогда его любовь начала перевоплощаться в ненависть.

Глава 3. Расставание с Викой.

Наташа. Расставание с Наташей

Менщина — это змея, укусы которой будут горше смерти. Менщина коварна и двулична, не знает любви и всегда ищет выгоду. Менщина — это актриса, которая из хитрости будет играть влечение перед нужными мужчинами, а тебе покажет своё истинное лицо, имена которому — гордыня, надменность и холодность. Менщина будет эксплуатировать тебя, мучить, держать при себе, ограждать от настоящего счастья, обещая мнимое. И длительное время ты будешь терпеть женщину и будешь её фактическим рабом, но стоит тебе устать и совершить несущественную ошибку, как на тебя начнут шипеть и обвинять тебя начнут во всём самом грязном. Вот суть женщины; вот подлинное зло, которое доброе превращает в саморазрушение, ибо это — самое страшное.

Автор

Я помню, в какую беду попал мой друг детства и юности, вполне хороший парень со своими взглядами, весьма умный, но не чрезмерно, что заставляло его прямо идти против общества, вызывая на себя его гнев, хотя разумнее было бы втайне приспособливаться и готовиться к переменам; по причине своих особенностей он плохо учился в школе, потому что просто не учился, не забивал себе голову такими предметами, которые вовек ему не пригодятся; посему быдланы-одноклассники относились к нему как к изгою, а учителя

делали почти то же самое, но в рамках своих полномочий; он ушёл из школы рано, затем выгнан был из колледжа и стал как бы скитаться; беда случилась с ним примерно в тот период, когда человеческие законы нашего прогнившего государства ставили выбор ему между обучением на должность пушечного мяса (армией) и вечными проблемами по жизни в связи с каким-нибудь приписанным ему расстройством личности. И вся проблема произошла от девушки; суть проблемы я не имею цели разглашать, однако о самой девушке рассказал бы с превеликим удовольствием.

Звали её Лерой, и была Лера на год младше его; впечатление производила хорошее, поскольку казалась доброй девушкой, имела симпатичное лицо и приятную полноту, то есть внешне была русским вариантом Мадины, а Мадина была тёплой и семейной девушкой; вдобавок, Лера имела почти математический склад ума, что для девушки ненормально, но что позволяет девушке быть в нормальных отношениях с парнями, поскольку она не «тупит», не «ебёт мозги», не зазнаётся, не требует того, чего недостойна, но при этом знает, чего хочет, а это всё даже по отдельности облегчает общение с нею и побуждает относиться к Лере не как к «бабе», но как к человеку; и так кажется всем парням, но, к сожалению, иногда это бывает ошибкой (да и вообще — это потенциальная ошибка), что случилось у моего друга. Познакомился с нею он на фестивале какого-то аниме, куда они оба пришли якобы по приколу, после чего общение затянулось, а потом и начались отношения; как ни странно, довольно быстро они стали без затруднений бывать дома друг у друга, порой уезжать и на дачу, причём это длилось не два часа, но целыми днями, ибо Лера любила прогуливать школу, а Саша вообще не учился и ничего не терял; случайно произошли первые знакомства с родителями, потом стали знакомы семьями, то есть со стороны всё было вполне

серьёзно и шло к свадьбе; но в том была беда, что Лера оказалась психически больной, но не настолько больной, чтобы не учиться с другими людьми и не ходить по улицам, — но достаточно, чтобы своим существованием портить жизнь другим. Довольно явно у неё проявлялись невроты, а в особенности истерия; Лера любила быть в центре внимания, но при этом не меньше любила обвинять людей за невнимание к своей особе, в чём всегда преувеличивала и много надумывала, а от восприятия надуманного всерьёз — обязательно начинала страдать телом, волноваться, почему появлялись проблемы в деятельности сердца, которые Лера глушила целыми бутылками какой-то бурды из шиповника, шалфея, валерьянки, боярышника и тому подобного, а в этом плане Лера напоминала уже весьма пожилую бабушку, которая любит жаловаться на своё здоровье; а ещё — и уж это нельзя было вытерпеть — у Леры в её семнадцать лет уже процветала серьёзная шизофрения, расщепление личности, которая в первую очередь проявлялась в лёгкой амбивалентности по отношению к самым близким людям, покуда Лера не упала с роликов, получив сотрясение; после этого Сане стало ещё тяжелее встречаться с ней, поскольку у Леры началась амнезия, поэтому она забыла почти все хорошие события в отношениях — и забывала впредь, помня лишь плохое, причём часто — это плохое она сама выдумывала; через время, — кстати, после поездки на моря, то есть ради своей выгоды во время поездки Лера по малкивала, — вдруг эта дева стала обвинять моего друга во невнимании, эгоизме, ничтожестве, отсутствии инициативы, что стало для него шоком, ведь ничто из перечисленного даже близким не было к правде. Потом Лера помучила его и ушла; нет, ей не было ни стыдно, ни жалко, ибо совести, стыда и адекватности она не знала; и ей жить было даже хорошо, ибо Лера почти всё забывала; и такие люди живут среди нас. И каждый и ними столк-

нётся.

***

Время шло, и каждый новый день для Вани не проходил без тоски и грусти, без мыслей о Вике и столкновений с её безразличием; она всё боле была занята чем-то, общалась с парнями или ещё что-нибудь делала, а Вани подробностей не знал. Безусловно, Ваня мог спрашивать и изредка получать ответы, однако при первых попытках делать так Вика тотчас заваливала его не совсем приятной информацией, которая вызывала у Вани ненависть, ревность и досаду; а во избежание сих неприятных чувств Ваня просто перестал спрашивать; так он почти перестал писать ей, а Вика никогда и не писала первой, ибо некогда ей было, да ещё и знакомятся с ней многие, поэтому другу Ване места не находилось. В таких тонах общение прекратилось.

Было ясно, что Вика всегда относилась к нему так холодно, но сперва то ли старалась быть вежливой, то ли Ваня сам идеализировал её, посему не замечал правды от влияния благородных чувств; надо было кончать с этими отношениями, потому что даже при фактическом отсутствии их формально приносила боль; конечно, решение пришло не сразу, неприятные мысли отбрасывались, диалог с Викой как-то исправлялся им, нашем героем, но ничего не помогало; пришлось ждать такого момента, когда самому Ване станет легко покончить с Викторией, когда смерть его надежд не окажет фатального воздействия. И этот момент наступил.

Был вечер, среда. Как положено, Ваня проводил тренировку: пусть большой спорт пришлось бросить, но старые привычки остались и побуждали тренироваться понемногу каждое утро и в некоторые вечера, включая текущий; надо заметить, что не так много в таком образе жизни — благородного, достойного уважения, понеже Ваня реально посвятил спорту несколько лет жизни собственной, нажил вместе с результатами и всякие болезни, а отказ от физических нагрузок при-

вёл бы к потере результатов — и усилению некоторых патологий, включая тахикардию. Девушка написала ему первой; повод был ничтожный, но донельзя скоро общение разыгралось; они почувствовали друг друга родными людьми, говорили свободно и получали от этого по-настоящему человеческое удовольствие; на следующий день договорились встретиться. Всё утро шёл ливень, каких не было с апреля, а был октябрь; чтобы успеть на встречу, Наташа долго бежала домой, не имея зонта, промокнув насквозь, но на её обратном пути и дождя не было, и зонт находился; во время этих приключений Ваня сидел в аудитории и пытался не заснуть; нужно было пережить ещё полчаса, а учебник по С++ перестал восприниматься ввиду усталости; температура и сонливость повысились, но кое-как учебный день окончился. На улице шёл лёгкий дождь и было холодно, но волнение согревало; Наташа стояла у ворот, вся в тёмно-красном, такая низенькая и солнечная; лицом она не была такой красивой, как ожидалось, но в жизни выделилась простотой, а это — одно из бесценных качеств, а Ваню оно даже влюбило. Они пошли к ней домой под его зонтом; это могло бы быть романтично, если бы улица не была одной из самых больших и шумных и если бы людей в обе стороны ходило не так много; но это не продлилось долго, поскольку через три остановки пришлось свернуть в район частных домов; теперь опустела улица, машины не ездили, но ничего не изменилось, поэтому стало ясным, что корень их молчания находится не во внешне мире; нет, они не молчали в прямом смысле, но непрестанно говорили; бывает, что без слов уже говоришь многое, а они и словами ничего не сказали... или Ване так показалось, потому что простота Наташи вызвала наружу простоту в нём, хотя сам Ваня считал, что не был так прост; возможно, при этой встрече он превратился в себя самого,

но в такого себя, которым быть не хотел и которого не принимал: весёлый и счастливый подросток, живущий так, как будто не знает того, что Ване известно; наш герой понятия не имел, как можно при его знаниях жить нормальной жизнью; он отрицал тягу к нормальной жизни в себе самом, а Наташа — была самой жизнью. Она ещё ничего не сделала, но сколько всего взбурлило в её спутнике!..

Так они дошли до её дома; сие был съёмный домик, находившийся рядом с хозяйским домом; Наташа жила там с тремя девушками, но к тому моменту все разошлись по делам, так что Ваня и она были там только вдвоём. Неизвестно, до чего они дошли бы в тот вечер, если Ваня решил воспользоваться своим умением оболыщать, но токмо за пару дней до этого он решил измениться и казаться святым; получается, что ему пришлось быть святым в тот день, когда можно было бы хорошенько согрешить, а в другие дни он жил грешником, но при таких условиях, когда святость и греховность имеют значения лишь с той стороны, что греховность заставляет терзаться, а святость ничего не делает; поэтому он терзался после, думая о возможностях, которыми из гордыни не воспользовался; какие проблемы у этих латентных геев: из-за самого страшного греха не совершил самый приятный, а в итоге получил наказания за оба! Не надо туман наводить: у Вани с Наташей мог бы и секс произойти, на что она намекала местами, но этого не случилось, ибо они просто пили чай и говорили о том, что Ваню интересовало, то есть — о Наташе. Наташа была практически идеальной девушкой, особенно внешне — благодаря своим формам как в бёдрах, так и на плечевом поясе, а внутренне — она манила своим содержанием, простотой, безгрешностью и умом (по женским меркам), а ещё — было что-то в её глазах. Единственный минус из выясненных — это развод родителей, причём развод

произошёл после многих лет брака, то есть связан был с возрастным помешательством у отца, а Наташа была то ли третьим ребёнком, то ли вторым, то есть семья была либо многодетная (а это утяжеляет развод), либо малоплодная, если Наташа родилась второй — да в позднем возрасте. Всего один дефект, не считая большого числа родинок на теле, а именно он и сыграл на их раздоре...

Они молча остались хорошими друзьями, но оба понимали, куда это ведёт, и принимали такую вероятность; Ваня уехал домой в ту неудачную часть вечера, когда большинство людей едет домой с работы; поэтому первые два трамвая он решил пропустить по причине переполненности, а с приходом третьего сие стояние на остановке дошло до сорока минут, поэтому в третий пришлось сесть, хоть и он был переполнен тоже. Он ехал час, читал; в середине пути начало подташнивать, причём вдвойне неприятно, поскольку с одной стороны воздействовал очень крепкий чай в желудке, а с другой — длительный голод; на фоне этого появилась усталость; но всё не важно. Уже через час, когда ему оставалось три остановки, Ваня вложил книгу в портфель и начал осматриваться вокруг; через одну остановку взгляд остановился на девушке, сидевшей в начале вагона; сзади она была очень похожа на Вику, особенно волосами и ростом, а лицо было сложно отличить по причине расстояния; быть может, ему померещилось, но мираж был приятный, поэтому Ваня решил разгадать такую загадку. Эта девушка вышла на его остановке и пошла в том же направлении; сходство с Викой было всё большее; перейдя дорогу, она остановилась, Ваня подходил сзади, дабы увидеть лицо, когда девушка повернётся, но девушка как будто приехала в первые и остановилась в ступоре; Ваня встал рядом, но ничего нового не увидел; через несколько секунд он решил забыть об этом и стремительно направился домой, пойдя

по одной из шести дорог от этого места; а через минуту, отойдя на двести метров и проводя по тротуару между домом одной подруги детства и площадкой, где прошло детство более раннее, Ваня обернулся инстинктивно и увидел ту же самую девушку, шедшую медленно на расстоянии от него; и шла она, руки скрестив, в точности как шла Вика на предыдущих встречах; но было что-то горделивое и злое в нём, поэтому вместо остановки или других вариантов Ваня просто пошёл дальше. Дома он подумал-подумал и решил молчать об этом, не спрашивать Вику, чтобы не выяснять, откуда это он, влюблённый в неё, так поздно возвращается и почему она, корень его надежд и страданий, с которым он не виделся больше месяца, вдруг явилась на его район, без крупных вещей, не сказав ничего — ему; должно быть, она встречалась с кем-то другим. Тогда же Ваня вспомнил, что Вика уже приезжала к нему на район «по работе» и всегда просила не подходить к ней, а ещё — в самом начале их многое обещавшего общения Вика встретила с Артёмом, без угрызений совести и уведомлений... как сам Артём рассказывал, на той встрече, похоже, она боролась сама с собой и, проявляя физическое влечение, пыталась отгонять его, поскольку уже надумала себе комплекс чувств, которые следует испытывать; двуличие, короче. На этой ноте Ваня отнёсся к Вике так, как она относилась к нему; Ваня имел Наташу — и у них всё только начиналось, так что он поймал сей долгожданный момент, когда сможет избавиться от теснящих сетей самой красивой ведьмы в его жизни, не испытав при это раскаяния и горя. И он ушёл, ничего не сказав, он вдруг перестал говорить с той, коя никогда не говорила с ним, а Вика... кажется, она почувствовала, что теряет власть, поэтому начала шипеть и обвинять нашего героя в предательстве, клятвопреступлении и подлости, строя из себя невинную,

а из него — виноватого. Так их общение прекратилось.

Во светлых книга такие места означают счастливый конец, будущее счастье и глубокое перерождение личности, но жизнь — это не сказка, а чудеса в не могут быть только негативными, а жизнь Вани — не стала исключением. Покончив с Викой, он продолжил приятное общение с Наташей, от которой чувствовал взаимность. А на следующий вечер это общение закончилось, потому что в Наташе стали проявляться её бесы; оказывается, потеря отца отразилась на её восприятии мужчин: мужчинами она считала только тех, которые были сильны и слушались любых просьб её самой, а все прочие — казались не подкаблучниками, но слабаками и предателями, как её отец, поэтому и Ваня, отказавшись помочь ей по объективным обстоятельствам, утратил ценность в этих больших глазах. Так ушла и Наташа; он не сожалел об этом, а через считанные дни совсем перестал злиться; Наташа сама ушла, но в памяти его осталась очень хорошей девушкой, но только из другого мира. Казалось бы, Ваня выиграл, бросив Вику, но стало ясным, что он потеря её, а сердцем — бросить не смог, а она, холодная и бездушная, поменяла свои планы и уже точно превратилась в недоступную. Тоска. Счастье. Боль.

Глава 4. Тупая Ксюша, или женская сущность. Воспоминания о ведьмах в его жизни

А бедный Аполлон Лун все еще вздыхает по Ольге и кусает усы от ревности. Говорят, он уже дважды делал ей предложение и оба раза неудачно, — но, к удивлению, это его не охладило: влюблен по-прежнему. Вот постоянство-то!.. Не по тому ли, впрочем, что Ольга, отказывая ему в руке, продолжает в то же время порой слегка кокетничать с ним в «дружбу» или, как она выражается, «быть добрым товарищем». Зачем это нужно ей держать его у себя на привязи, раз ей нравится другой, — решительно не понимаю. Это просто жадность какая-то на поклонников
Всеволод Крестовский «Шамара Бендавид»

Параллельно с этими историями о Вике и Наташе, будучи одиноким и неудовлетворённым мнимой дружбой, вечным ожиданием и ложью, то есть женской сущностью, Ваня порой в попытках отвлечься от Вики, которой не до него было, снова пускался искать женского общения, женского тепла, о котором так много слышал, но которого не встретил и после двадцати девушек. На этот раз Ваня не делал ничего особенного, не старался в самом деле, а искал лениво и среди самых близких к нему людей, среди одноклассников, которых не он выбирал; получилось так, что из всей группы лишь одна девушка могла удовлетворить хотя бы его глаз; так началась история с Ксюшей. История оказа-

лась длинной, но для Вани — пустой, ибо не происходило в ней ничего особенного, да и вообще ничего не происходило, так как весь период без перемен прошёл на той волне, на которой начался.

Ксюша была девушкой из другого города, блондинкой маленького роста, но совсем не жирной и не страшной, каких обычно подаёт судьба, но чем-то красивой, так сказать, на 8 из 10-ти, однако не на все десять, поскольку вполне симпатичное личико она любила превращать в придурочную гримасу, так как сама была придурочной. Она смотрела аниме весь подростковый период и больше никак не развивалась; в конечном счёте в 18 лет по уму во всех смыслах она не отличалась от проблемного подростка лет четырнадцати, именно проблемного, поэтому свою тупость Ксюша даже не пыталась скрывать, но открыто показывала всем, кто общается с ней и кто общаться с ней не хочет; она пыталась играть роль какой-то прикольной девочки, но ничего у неё не получалось, ибо быть тупой — уже со старшей школы не прикольно; она пыталась дружить с парнями, но со своим интеллектом даже человеком не могла казаться в их глазах, поэтому и парни играли с ней в знакомых единственно из полового влечения, из симпатии и яркой доступности Ксюши, ведь Ксюша всем своим видом показывала доступность; но Ксюша не была шлюхой в поверхностном смысле, потому что если парни пытались зайти с ней чуть дальше, то натывались на большую ёбнутость, которую и Достоевский не смог бы описать всесторонне: при более близком общении оказывалась, что Ксюша какая-то многоличная и ещё более тупая, чем кажется со стороны; она не годилась в собеседники, дружить с ней — тоже было смешно, а при продвижении к плотским отношениям, для которых нужно лишь тело, у Ксюши вполне привлекательное, наша героиня становилась просто кре-

тинкой, которая как будто ничего не понимает, не умеет двигать руками, смеётся беспричинно и убого, а также путает горшок с тарелкой; такова была Ксюша. Если же надавить на некоторые её позывы, то Ксюша могла показаться человеком адекватным, но такой она либо только казалась, либо была слишком глубоко внутри и вообще пыталась изгнать это из себя по неизвестной причине; опять же — многообразие. Из описания одного поведения видно, что Ксюша была ненормальной; по остальным признакам можно было заключить то же самое: родители развелись, потому что отец превратился в алкоголика и пьяницу, но мать оказалась сильной женщиной и не сломалась, хотя, по всей видимости, через какое-то время то ли перешла в лесбиянство, то стала шлюхой, что в сущности — две стороны одной медали; Ксюша, единственный ребёнок, который вообще-то имел имя — Оксана, но называл себя другим именем, с того времени погрузилась упадочные японские мультики и стала общаться с такими же упадочными, как и она сама, то есть с патлатыми геями, которые со стороны являются явными пидорасами, а для себя суть латентные геи, то есть свои сущность не признают и отрицают всеми силами, а главное — обвиняют людей за суд по внешности, как будто если им нравится выглядеть пидорасами, то они всё равно могут на самом деле ими не быть... А что касается лично Ксюши, то к этим педиками она проявляла садистические наклонности, особенно любила кусать, за что некоторые начинали звать её ведьмой; она не имела видимой печати Дьявола, как средневековая ведьма, но обладала аналогом — большим числом родинок, которых было у неё почти семьдесят по всему телу (она и посчитала зачем-то). Это, наверно, всё, что можно было бы сказать о Ксюше, а слов иных она не заслужила; вся её многогранная индивидуальность проявлялась в различных

выражениях дебильности и двуличия; ничего интересного в ней не было, поэтому всякий парень отогнал бы такую прочь, однако внешность Ксюши для многих имела значение, поэтому у неё появлялись мнимые друзья, а у таких друзей появлялась знакомая шалава, которая часто более, не следит за своим организмом, иногда приходит и «несёт хуйню», но чаще где-то пропадает, прогуливает в общежитии или что-нибудь из подобного. Чтобы понять всё из описанного, Ване потребовался год, а если бы он изначально знал о существовании ведьм и их деятельности, не потратил бы свои благородные чувства на гнилое по имени Ксюша.

Сначала он просто пытался познакомиться с ней, но вместо нормальной совершеннолетней девушки обнаружил подростка со странностями; но Ваня не сдался, когда надо было отступить, поэтому приложил силы для оживления мертворождённого диалога, что у него получилось; он приятно общался с ней, покуда не понял, что Ксюша кривит душой и как бы играет нормального человека, но переигрывает; на самом деле желанное общение продлилось не более получаса, но запомнилось лучших многих мелочей прошедшего года, хотя тот год только начинался. При первой встрече — она была коллективной — Ваня только взглянул на Ксюшу и с первого взгляда... разочаровался; причиной сему могло стать хотя бы то, что Ксюша вставила себе ярко-ярко-голубые линзы, отчего казалась не человеком, а гилью из посредственного аниме, которые она смотрела; должен заметить, что на самом деле у Ксюши были блестящие карие глаза, но дисморфомания заставляла Ксюшу себя уродовать; однако, эти линзы шли ей куда больше очков (ведь Ксюша имела проблемы со зрением), потому что в очках она сразу становилась эталоном тупой блондинки, которая надела очки, чтобы показаться умной, но это не помогло; она и вела себя в очках совершенно иначе, становилась

более молчаливой и более неприятной, то есть в соответствии с внешностью она меняла личность; тошно водиться с такими людьми. А Ваня продолжал водиться, потому что молодость в нём сочеталась со скукой и гормональной революцией, поэтому и Ваня играл с Ксюшей, действительно не рассчитывая ни на что серьёзно и ничего не ожидая; это был один из редких случаев, когда он относился к девушке как к девушке и в соответствии с её отношением к нему. Тем не менее, даже редкое и короткое общение и становилось коротким из-за неприятного осадка: мутными вечерами Ваня мог написать Ксюше, а она обязательно отвечала, не зная ни скромности, ни верности... поначалу она казалась человеком, но потом всё становилось на свои места, Ваня ничему не удивлялся и уходил; как правило, он продолжал представлять для неё интерес ещё несколько дней, то есть Ксюша приставала к нему только ради приставаний, к которые в случае подчинения им привели бы к новым тратам времени и разочарованию. Но Ваня не учился на своих ошибках.

Последний раз он так ошибся в начале лета. Зачётная неделя закончилась, прошёл один экзамен, до следующего было ещё четыре дня, а готовиться буквально круглосуточно становилось бессмысленным при его знаниях. В один из дней нужно было пройти медицинскую комиссию, рано утром; а поликлиника находилась в довольно красивых местах города; Ваня уже несколько дней планировал погулять с Ксюшей (то есть впервые в жизни встретиться один на один), а именно в этот день ему ещё требовалось прийти вечером на место, до которого пешком — минут сорок; оптимальным (как говорил препод, проводивший практику по линейной алгебре) было бы встретиться с Ксюшей после утреннего осмотра и до вечерних дел, да и жила Ксюша — на линии между поликлиникой и точкой назначения;

другими словами, обстоятельства располагали. Он вышел и поликлиники с приятелем и прошёлся по значимым для него местам: сперва был чистый и освещённый солнцем отрезок улицы, где почти за год до этого Ваня вживую шёл с Викой, причём в полной тишине, затем приятели прогулялись в парке, в котором за тринадцать месяцев до происходящего произошла одна из последних встреч с классом, тем более, на незнакомом месте: помнится, могло быть холодно, но днём начался зной — и Ваня уехал на фотосессию (с классом) в лёгкой одежде, но через двадцать минут сероватые облака закрыли солнце, а ещё через двадцать минут стало весьма прохладно, посему всю фотосессию Ваня, увы, не наслаждался вечерними красотами парка и последними мгновениями свободного детства, но ожидал окончания; и действительно: тогда окончилось детство, пропало спокойствие и канули в небытие такие мечты, от несвершения которых грустно не становится; тогда он Вику, например, знал только по рассказам Артёма и представлял куда лучше той, которую покинул спустя полгода... а прогулка вновь — как-то сгладила впечатления и лишней, во всяком случае, не стала. А Ксюша здесь причём? Ваня мог бы гулять там с ней, как и планировал; он готов был ждать её хоть полчаса, пусть ехать ей — десять минут, но Ксюша сразу показала свою ёбнутость... Прождав немало, Ваня позвонил и узнал, что Ксюша как бы ничего не поняла и даже не начала собираться; она не поняла это и со второго раза, поэтому пришлось поменять план встречи и только через десять минут заставить её понять пять слов о том, куда и на чём ехать; прошло двадцать минут, она ещё не вышла; прошло ещё двадцать минут, и до места встречи приятели дошли, а Ксюша — ещё не вышла; пришлось прийти к месту буквально под её окном — только тогда они и встретились; видимо, встреча была испорчена из-

начально. А зачем вообще встречать? С одной стороны, Ваня ожидал наконец-то увидеть Ксюшу нормальным (более-менее) человеком, а с другой — мог бы узнать о ней ещё что-нибудь: субъект интересный; но ожидание первого разрушилось в первые же секунды её тупыми вопросами, а информацию о себе она тщательно и тщательно скрывала; загадка была в том, почему это она решилась встретиться с ним при наличии парня, а при этом ещё просила сделать так, чтобы тот не узнал об их встрече; тут Ваня вспомнил евреев, которым Талмуд разрешает грешить, но так, чтобы Иегова не увидел; ко Ксюше проснулось отвращение. Они прошли ещё одно памятное место, где при получении справки в училище Ваня сильно простудился, отчего в училище не попал, а затем Ваня и Ксюша свернули и пошли по частному посёлку; он случайно завёл её туда, но получилось удачно, потому что людей вообще не было, как и машин, то есть — тишь; а если бы Ксюша заткнулась, то была бы полная тишь. Она постоянно говорила, но нельзя огласить тем: до того они были пусты; в основном, Ксюша жаловалась на холод (хотя сама оделась очень открыто и совсем недавно, то есть могла б предвидеть) и спросила, куда это Ваня её ведёт; а Ваня просто вёл её прямо и больше никуда, потому что сам в тех местах был впервые, одна он-то знал, что идут они параллельно главной улице и в трёх кварталах от неё, а Ксюша начала теряться... у многих дегенератов проблемы с ориентировкой в пространстве. А после произошло нечто очень важное: нет, Ксюша не стала человеком, но изменился Ваня; короче, она его так заебала, что он уже решил просто довести её домой и пойти дальше; но Ксюша не останавливалась и продолжала действовать на нервы, реально чувствуя свою неприкосновенность; а это привело к тому, что Ваня потерял контроль и пару раз толкнул свою спутницу в стенку;

если это кажется неожиданным, до так было и для них обоих; тут Ксюшу прям бомбанула и она послала его на три буквы; Ваню ничего не задерживало, поэтому он спокойно ушёл, однако ещё небольшое время Ксюша плелась за ним, так как дороги домой не знала; а оказалось, что всё случилось в ста метрах от её дома, то есть придержи Ксюша язык, всё бы закончилось хорошо. В пути Ваня узнал, что удар об стенку оказался болезненным потому, что эта мазохистка при ударах плечом вредила шраму после операции, а потом она плачется, что ей сделали больно и нужно извиняться. Но Ваня об этом совсем не беспокоился, ибо за короткий срок до этого в нём проснулось нечто разрушительное и новое; Ваня воспылал ненавистью к таким дегенератам; и ненависть изменила то, чего за годы не сделала несчастная любовь... но случилось это позднее.

Глава 5. Очень странная Юля. Болото

Оставь надежду, всяк сюда входящий
Данте

*Часто душа влияет на чужое тело так же, как
и на своё собственное, как, например, при воздей-
ствии дурным глазом*
Авиценна

Через месяц, надо полагать, Ваня уже достаточно отдалился от прошедших неудач, чтобы жить вполне спокойно, учиться, развивать свои идеи и изменять себя к лучшему; однако, он менялся телом, становился умнее в узких областях, но душевно — не менялся совершенно, поскольку не мог менять то, ЧЕМ вообще перемены в нём обуславливаются; иными словами, самые сильные свои качества он не мог изжить, так как они составляли его, а он без них — не мог быть собой. Разумеется, тяжело было признаться в этом, тяжело было не играть роль придуманного человека, не казаться внешне лучше, взрослее, холоднее, когда внутри ты всё такой же влюбчивый, открытый, чувствительные и мечтательный; и сложно было не повторить свою ошибку вновь, когда за спиной опыта хватает, но впереди — блистает надежда о том, что счастье доступно ему, что ряд явлений, который всегда повторялся и кончался трагедией, в этот раз не повторится; его надежда шла против закона природы, поэтому Ваня жалел, что обладал надеждой, хотя говорят вокруг, что оную терять нельзя.

Её звали Юлей. Она явилась так же случайно, как и Наташа, как и Арина, но было в ней что-то новое, из-за

чего возбуждался интерес; Юля была пугливой и весьма молчаливой девушкой, поэтому в первые недели Ване приходилось буквально вытягивать общение из неё, вытягивать с трудом, показывая излишнее и губительное терпение, смирение, которые были ему не свойственны, но которые начали появляться в связи с мнимым переждением во имя нехорошей надежды, ибо эта надежда не приводила к добру, но токмо усугубляло злое; со временем Ваня наконец-то начал мучать из-за Юли, но это его не остановило; они встретились. Было довольно холодно; Юля пришла раньше, но от страха спряталась, отчего Ване пришлось ждать и ждать, уговаривать её подойти уже, а у самого начинали течь сопли от мороза; через время Юля появилась вдали и Ваня разглядел её: вполне симпатичная девушка, брюнетка, вся в чёрном и с выпиравшей грудью; она была милая; она специально прошла мимо, что было ещё одним знамением уйти, но Ваня не ушёл. Они встретились, начали говорить, но с самого начала говорил лишь Ваня, а Юля упорно молчала; в таком виде сложилось всё их последующее общение. Юля боялась смотреть в глаза, неохотно отвечала на вопросы, не показала большого ума при этом, что не есть недостаток, конечно, но что означает, по крайней мере, отсутствие одного из лучших достоинств женщины; их встреча прошла в местах, где у Вани многое было связано в детстве и где он не был уже два года — со встречи с лесбиянкой Яной. Кстати, с этой Яной всё прошло быстро и окончилось плохо: она указала на свою «бисексуальность» сразу при знакомстве, затем они встретились; Яна оказалась маленькой и пустой, но Ваня хотел удержать её; несмотря на все усилия, Ваня Яне не понравился, и она настояла на прекращении общения, а Ваня настоял на обратном; чуть позже она послала свою подругу-лесбиянку искутить его, а потом устроила скандал из ревности то ли к Ване, то ли к ней... так, Ваня уж натерпелся,

поскольку в самом начале не придавал значения тому, что Яна явно была ненормальной девушкой и в свои семнадцать уже имела секс с парнем на десять лет старше её. Так могло произойти и с Юлей: она не участвовала в построении общения, отчего её следовало бы бросить сразу, но Ваню привлекли некоторые черты характера Юли, а также её глаза, плоть и — доступность, в каком-то смысле, ведь в начале встречи она чётко настаивала против объятий, а через два часа — они уже целовались; сии мелочи его и задержали, удержали, о чём пришлось пожалеть. Немного позже Ваня узнал уж очень много негативных признаков своей новой девушки, но не оставил её, хотя, в основном, там наблюдалась уже третья стадия дегенерации: развод у родителей, нервный тик, лошадиные зубы (уже исправленные брекетами), сколиоз, косолапость, плоскостопия и большое число крупных родинок на шее, то есть разновидность печати Дьявола, коя встречается у особо сильных ведьм и означает несчастье для всех, с кем оные свяжутся; Ваня уже знал, насколько плохи эти признаки, но не совсем верил своим знаниям, но имел надежду на исключение или вообще — ошибку, ведь Юля, пусть странная, показалась ему очень хорошим человеком, да и воззрения свои, как казалось, надо было ещё проверить, а старые чувства были явны. Было и что-то ещё, но при всей глубине самоанализа Ваня не сумел бы это выявить; окончательно на его решение повлияло то, что Вика, самый дорогой человек, поступивший с ним довольно жестоко, последнее время начал обвинять его в том, что во воззрениях своих Ваня слишком радикален, необоснованно сильно верит в такие неприятные теории, которые неприятны были только, разве, ей, поскольку «хорошая, гордая, умная и сильная» Вика с точки зрения высшей социологии была, как сказал Макс Нордау о Толстом, вырожденкой высшего порядка; Ваня решил рискнуть и хоть раз не придерживаться своих прин-

ципов; он тогда ещё не знал, что для Льва Николаевича Толстого это закончилось плохо.

Общение продолжилось. И с самого начала Ваня вкладывал в них куда больше, нежели Юля; а Юля, как виделось, вообще в эти отношения не вкладывалась; она была пассивной и как будто только поддавалась незначительным движениям Вани, а значительные — отвергала, что в жизни выглядело так: они формально встречались, потому что Ваня этого хотел, а Юле было то ли всё равно на сами отношения, то ли всё равно на Ваню; сперва она не должна была делать чего-то благородного, поэтому ничего не делала, позволяя Ване всё придумывать, планировать, надеяться и влюбляться, покуда Юле он был безразличен. Так они встречались с десятков раз на один и тех же местах, но при разном состоянии погоды; рядом с его домом они на второй встрече встретили сильную оттепель после обильного снегопада, поэтому прогуливались по местам его юности по щиколотку в слякоти, пока вокруг всё освещалось ярким солнцем; на следующей встрече у него пришлось бороться с метелью и сильным холодом, зато поцелуи ввиду мороза казались даже более горячие; на её же территории они посещали всё один и тот же парк, небольшой, зато от холода — безлюдный, так что Юля присаживалась на лавочку под фонарём, к ней подсаживался наш герой, и они целовались вплоть до темноты, которая, конечно, зимой наступала рано. Юля не следила за своим здоровьем: всегда мёрзла, жаловалась на голод, хотя от еды — отказывалась; она и сама зачастую была холодной как в разговоре, так и в чувствах, но Ваня старался не замечать этого — и вполне быстро забывал все недостатки от одной её улыбки; пусть Юля была с гнильцом, Ваня очень радовался ей, поскольку настоящей девушки у него никогда не было, а Юля хотя бы казалась настоящей, будучи более тихой и гордой, нежели предыдущие ведьмы в его жизни; бу-

дучи более «пассивной», то есть — похожей на нормальную девушку; это была лишь иллюзия, но сперва приятная иллюзия, поэтому Ваня был благодарен тому, что имеет, и пытался прожить счастливо как можно больше месяцев юности, ведь предыдущие лета, когда положено наслаждаться детством, Ваня жил по-взрослому, Ваня окунулся в культы. Увы, с каждой встречей он всё больше становился собой, всё больше влюбляясь в Юлю, которая, по крайней мере, его не отвергала; он помнил каждую встречу, он помнил даже запахи воздуха и свои ощущения в связи с тем или иным свинцовым оттенком неба; наверное¹ он жил! Но жилось не долго, так как очень скоро Юля начала заводить разговоры о расставании; Ваня не понимал, в чём дело, сам расставаться не хотел и был доволен тем, что есть, пусть было, надо сказать прямо, помимо молчания от Юли, непонимания и неблагодарности, — было мало чего-нибудь, но за это МАЛО он цеплялся и это МАЛО было так дорого ему, что Ваня никак не соглашался; собственно, его позиция подкреплялась тем, что Юля не была уверена в своих желаниях и не могла сформулировать причины своего поведения. Глупый Ваня мог уйти в те дни, почти не пострадав, но он решил остаться, за что расплатился мучениями: осознанно или безотчётно, Юля устраивала саботаж в их отношениях, углубляясь в молчание умышленно, не следя за словами (в переписках), обижая, раздражая, игнорируя или «ебя мозги», как принято говорить; но Ваня терпел и укреплялся в своём решении, потому что видел, что эта Юля только играет плохую роль, но порой и сама устаёт быть другим человеком, а в такие моменты — она превращалась в ласковую и нежную де-

¹ (это не вводное слово)

вушку, которая по виду и поступкам не отличалась от маски себя, но с которой Ваня иначе себя чувствовал, ощущал себя нужным, интересным, значимым или — дополненным... Казалось, что он жил, а не прозябал.

Наступила весна, и сердце у Юли, должно быть, растаяло. Она стала более активной, весёлой, страстной... Ваня был рад этому, очень рад... Они отныне встречались уже при тёплой погоде, когда светило яркое солнце, а затем вместе встречали фиолетовые закаты, прогуливались по темноте и расставались после; иногда бывало очень жарко, а иногда — не бывало; в предыдущем парке теперь появились люди, сотни людей, посему места встреч пришлось изменить на разные площадки, но и площадки вскоре кем-нибудь заполнялись. Однажды они встретились возле университета, но не пошли на запад, как делали обычно, а по предложению Юли отправились в новый парк — пешком по холодному ветру и на большое расстояние; когда они пришли, этот парк оказался ещё более безлюдным, большим и вполне красивым; им было холодно, но страсть согревала, надо думать, а её тёплое тело при внешнем холоде ощущалось более нежным, мягким и хрупким, но в то же время — упругим; Ваня переполнялся чувствами и радовался каждой новой встрече, которые отныне происходили раз в несколько дней, иногда по три дня подряд; они были чудесны, а Юля превратилась в хорошую и сексуально нормальную девушку, позволявшую себя и целовать, и трогать, и носить на руках, а большего неудачник Ваня, смотря по своему опыту, и не ждал тогда; их отношения окутались таинственностью и большой интимностью; они постоянно целовались и обнимались, но эти действия неминуемо поднимали тестостерон в его крови, посему наш Ваня через какое-то время всё-таки возжелал большего, стал поэтапно добираться до тела своей девушки, но Юля была недоступна, слишком недоступна для её положения, ибо дегенерация не позволила бы ей

завести нормальную семью и жить обычной жизнью, а Ваня был самым лучшим человеком, с которым ей было возможным сойтись, но она — не сходилась, покуда он — уже созрел для всего, любил её и нуждался в ней, уже окончательно нуждался... В конце зимы начался лучший период в их отношениях, время ранней любви, разговоров, встреч и чего-то ещё, что само не запомнилось, но что позволило запомнить каждую встречу во всяком месте, да запомнить так, чтобы воспоминания через некоторое время стали приносить боль, но были — неизживаемы; хорошее происходило время... Между тем, это прекратилось к середине весны; без видимых причин Юля стала охладевать и вела себя уже по известной схеме, играя снежную королеву, игнорируя чувства Вани, которые были — не как у неё — настоящими; разумеется, Ваня заметил такие перемены, однако не мог ни выведать причины оных, ни исправить что-нибудь, ведь суть проблемы осталась для него недоступной, как и сердце Юли, закаменевшее опять. Так начался новый период в их отношениях, но не таким уж он был плохим, поскольку отношения сии держались на фальшивой дружбе, на общих воспоминаниях (только для Вани значимых) и (удивительно!) на телесных отношениях, которые для Вани были уже НЕОБХОДИМЫМИ (то есть без них — уже не будет дальнейшего, но их наличие ничего особенного не значит), а вот для Юли — оставались единственным, что привязывало её к Ване; похоть, они тонули в похоти; нет, в её кровати не совершались какие-то извращения и вообще — секса не было, но Юля умудрялась, запрещая всё, устраивать так, что Ваня наполнялся таким напряжением, какого и при настоящем сексе больше не испытывал всю жизнь; его сердце колотилось так, как и на самых тяжёлых тренировках — не колотилось; таким образом, коварная Юля получала от Вани желанные поцелуи и возможность как бы незаметно потереться промежностью об его ногу, но, возбуждая его, ни-

когда не позволяла идти дальше, тем самым, совершая какое-то сексуальное преступление; приходилось Ване лишь тискать её груди, но запрещалось смотреть на них; как говорила и Юля, этот процесс ласкания груди приносил удовольствие только ему, а Юля ничего не чувствовала; а Ваня — почти что каждую встречу серьёзно перевозбуждался, зарабатывая себе рак простаты. Безусловно, Юля была ненормальной, но не следует обвинять только её, поскольку и Ваня, многое видя и слыша, не прекращал таковых больных отношений, кои приносили ему иногда — огорчение, иногда — недоумение, порой — радость, но куда чаще — боль физическую; он не мог покончить с этими отношениями, поскольку опасался эмоциональной боли, и без того возникавшей в ответ на многочисленные прекрасные воспоминания, но грозившей даже убить его, если к невозвратимости светлого прошлого добавится ещё и утрата единственного человека, с которым это прошлое было связано. Посему Ваня терпел всё, приспосабливался к характеру Юли, становился кой всё более скверным; Ваня терпел, надеясь уже не на хорошее будущее, а единственно на то, чтобы не самое плохое настоящее не прекращалось. Тем временем, покуда столько неприятного совершалось в его душе, Ваня воистину не предпринимал ничего, что могло бы вызывать переход приязни к нему — в ненависти и презрение; сие терзало ещё более и всё больше убеждало его в неверности былого выбора, когда явно дефективную девушку он пожалел, приласкал и решил сделать счастливой, хотя счастье — недоступно больным; тогда же Ваня стал вспоминать другие негативные черты Юли, включая и ту историю, когда она напислась и почти что занялась сексом с девушкой по инициативе последней, что говорит о пассивной гомосексуальности и чему Ваня должного значения в те дни не предал; объективная картина постепенно строилась, да ничего это не меняло; Ваня осознал, что тлен в их отношениях следу-

ет из комплекса саморазрушения его девушки, Ваня нашёл несколько поводов расстаться с ней как можно скорее, но он не мог расстаться по той причине, что любил Юлю за воспоминания с ней, был чрезмерно чувственен и донельзя хорошо помнил то, забвение чего решило бы проблему. Так проходил конец весны; затем Юля под предлогом подготовки к множественным экзаменам настояла на перерыве в отношениях; а после перерыва — всё стало ещё хуже...

За этот перерыв Юля успела многое себе надумать и укорениться в своих иллюзиях; Ваня — по согласию — не докучал ей, не общался с ней, но ждал, надеясь на то, что из своих дел Юля вернётся хотя прежней, но Юля испортилась: она стала более сильной, уверенной, прямой, то есть изменилась, быть может, в лучшую сторону, поскольку исчезли многие её недостатки, кои мешали отношениям раньше, — однако, теперь черты своего характера — хорошие они были или нет — Юля стала направлять против Вани, что ему было неизмеримо обидно, ибо Ваня был значительно чувственнее ледышки, с которой связался, и воспринимал всё очень тяжело. Ваня ждал её почти месяц; они встретились; он надеялся, что встреча выйдет хотя бы средней, но слегка разочаровался; в течение июня они виделись несколько раз, обыкновенно у её дома или у неё дома, где предавались токмо плотским наслаждениям, поскольку духовная связь для ведьмы оказалась немислимой; можно сказать, что всё шло своим чередом, вполне нормально, но через время эта Юля вновь стала чудить и требовать расставания без какой-либо видимой причины и не указывая на причины, которые видны были ей; как оказалось через время, тогда весёлая и игривая Юля, тоже получая удовольствие от вечерних встреч и поцелуев, внезапно вспоминала, что к Ване, с которым они провели лучшие полгода его

жизни, — она совершенно ничего хорошего не ощущает, она холодная, но при этом нельзя сказать, что безразличная, ибо в том месте, где у нормальной девушки должны были располагаться чувства привязанности и, на худой конец, благодарности, — у Юли в том месте проживали ненависть и отвращение к человеку, который готов был принять её самой плохой (лишь бы не портилась дальше), который выводил её из-под зазора, показывал красивые места города, целовал, угощал, носил на руках, на каждой встрече дарил подарки и любил если и не по-настоящему, то в гораздо большей степени, нежели Юля заслуживала. Прошло ещё время; под воздействием её капризов Ваня потребовал всего три встречи, после которых они б расстались при её желании; они встретились в первый раз, а Юля сразу удручила его — нарочитой холодностью, то есть она умышленно саботировала встречу, на которой — был договор — нельзя было вспоминать прошлое и следовало продолжить общение сизнова; во второй раз — случилось это в тучный и душный день — Ваня подарил Юле цветы (хотя не любил дарить тленные вещи) и целую коробку книг, килограмм в десять, которые он собирал предыдущие четыре-шесть месяцев, — что, конечно, немного умилило Юлю, а после ещё и фильма, который они посетили в тот же день, Юля окончательно подобрела и стала похожей на нормальную девушку; третья встреча прошла глубоким вечером, почти полностью состояла из ходьбы, однако стала самой чудесной из всех, потому что Юля на ней вела себя свободно, была открытой и искренней, чего ей так не хватало ранее; в последние минуты третьей встречи она даже проявила тёплые чувства, так что было решено не расставаться — всё по уговору. Надо было закончить на этом, а потом у Юли снова планировалась месячная поездка, но так получилось, что и в следующий день

она была свободна, посему Ваня настоял на ещё одной встрече; и теперь всё пошло хорошо: они направились маршрутом, которым гуляли уже раз пять, посидели на горе в центре поля подсолнухов, пообнимались, посмеялись, но... когда пришла пора провожать её, они решили ещё раз сходить в тайное местечко, кое, по крайней мере, для Вани значило многое; из того места Юля в тот день вернулась совсем другой; она опять стала холодной, молчаливой и злой; нет, он её там не изнасиловал, — и вообще ничего не случилось: спутники пришли на известное место и обнаружили оное затопленным, поэтому вернулись назад сразу же, да Юля вернулась другой; так гадко окончилась четвёртая встреча, которой — лучше б не было; затем Юля уехала. Прошёл почти месяц; она снова стала настаивать на расставании (!), а у Вани уже не было слов, чтобы комментировать эту «поебень»; он и сам, уставший, ей преданный и преданный ею, хотел покончить со всем, но не мог, поскольку всё ещё любил её и поскольку значительно страдал при воспоминании прекрасных моментов их прошлого, которые, по его мнению, встречались на абсолютно каждой встрече, как бы плохо Юля себя не вела, хотя в сём уж она преуспела; далеко не каждый сможет понять всю полноту и силу его чувств в те дни, а Юля и не желала понимать: ей было «похуй»; на ещё одной встрече она опять чудила, но сказала, всё же, что отложит расставание, а через две недели — тихо ушла, все мосты сжёгши; так Ваня остался один на один со своими муками, искал выхода в объятьях других женщин, но и тут наткнулся на камни: пять девушек из шести были явно больны, так как или пьянствовали, или увлекались тусовками, или игрались с другими парнями, будучи в отношениях, или искали парней, их всегда отвергая, или из-за собственных отклонений внезапно прекращая общение, или

ещё почему-то... Ваня приоткрыл двери в новый ад, но через несколько недель поисков наткнулся на чудесную женщину, которая не только внешностью, но и характером зацепила его, успокоила, приютила, убедила в том, что он и сам знал, но убедила так, что это — принесло плоды, заработало, а не ограничилось словами! Если выразаться языком психиатрии, у Вани наступила интермиссия; он как бы выздоровел и стал воспринимать мир так, какого восприятия этот мир заслуживает; ему стало легче. Побольше бы таких женщин! Но, увы, они — чрезвычайно редкие сокровища.

После последних событий Ваня стал немного более безразличным, охладел, временно утратил высшие чувства, которые ранее заставляли его страдать, и снова углубился в свой культ тела, которым жил несколько лет до этого; а тело он уже имел весьма завидное и, считай, уникальное за счёт его пропорций и силовых показателей; а это — обещало успех. Всё кружится, меняется и возвращается на круги своя.

Глава 6. Арина. Свет, напоминающий о мраке

*Преступность деяний ведьм превышает даже
грехи и падение злых ангелов
Молот ведьм*

Застрав в несчастьях, женской лжи, женской логике и несправедливости, Ваня уже потерял желание жить в этом мире, где девушки попроще считали его странным и больным, а девушки поумнее сами были настолько больными, что от них отвращало; с первыми сразу не ладился контакт, да и желания в таком контакте не было; хорошо бы, чтобы он сразу не ладился и со вторыми, но, увы, умные девушки любили использовать его, как Вика, держать при себе, держать ради игры; они были надменны и самоуверенны; они знали о своих достоинствах так хорошо, что придумывали себе новые, новые качества, а вместе с этим присуждали себе всё больше прав, зато забывали об ответственности, ведь не удел элиты — за свои поступки отвечать. В эти дни, когда и Юля начала чудить, как и множество прошлых девушек, Ваня уже потерял веру в любовь, утратил надежду на нормальную жизнь, на маленькое семейное счастье с любящей женой, которая была бы всегда рядом и получала за это в награду очень многое, что было отвергнуто остальными, — в эти дни среди лжи и абсурда, среди измен и эгоизма Ваня нашёл подлинный свет и до невозможности редкое исключение из всяких правил, которое могло спасти ему жизнь или хотя бы некоторую долю её сделать не настолько горькой. Это была заря перед чем-то новым; а имя ей — Арина. Имя редкое.

Арина была одной из самых ярких девушек в его

жизни. Будучи на три года младше, Арина тотчас удивляла своим умом, своими мыслями и рассуждениями, чем превосходила в его глазах не только сверстниц, но и многих взрослых мужчин; она могла бы стать ему самых хорошим другом, но её красота не позволила держаться в рамках дружбы, а чистота и искренность заставили влюбиться, но, как положено, влюбиться безответно. Она имела с ним много общего в мелких качествах, она легко понимала его, удивляла, являлась поддержкой и опорой, а в снах становилась принцессой, царицей, супругой или ещё кем-то хорошим безгранично, частью тебя, твоей мечтой и целью жизни. Она была стройна и ярка, выделялась львиной гривой, огнём в глазах и теплом домашнего уюта; она не была самкой в его вкусе, поэтому, быть может, ни разу, — став исключением, — не порождала в нём похоти, но странное чувство к ней привязывало куда сильнее плотского, куда сильнее любви, которую он знал раньше; это было нечто высшее, не вызывавшее осадка и ревности, произошедшее из небытия, но тянувшее в настоящую жизнь со всеми её прелестями, с которыми Ваня встречался с самого детства; но только в мечтах. А главное: Аринка, это чудо, этот феникс, понимала сии странные размышления Вани, кои для всех воспринимались как глупости, но по коим строилась его жизнь, печальная или несчастная, горькая или неприятная, скорбная или тоскливая, но принадлежавшая ему; когда-то единственно от неприятия этих мыслей другими людьми Ваня бросал таких людей, иногда жалея об этом, но никогда не жалея без лёгкой гордости к своему выбору и к себе самому; а за понимание он, напротив, готов был умереть за Арину, готов был изменить давним принципам, готов был и жить ради неё, что он и делал какое-то время. Она видела его настоящим, она смотрела ему в душу, догадывалась о том, о чём Ваня ещё не успевал догады-

ваться, угадывала его мысли, желания, действия, предостерегала от многих ошибок, была ангелом-хранителем, светом в его тёмной жизни. Но этот свет был недостижимым и лишь напоминал порой о темноте вокруг.

Нет ничего запутанного: это Ваня так всесторонне воспринимал мир, что чувствовал слишком много, необъяснимо много, во что не верили обычные люди и во что он сам не поверил бы, не став жертвой этого дара, чудесного, — если бы мир был чудесен. Посторонний сказал бы: «Всё просто: неудачник Ваня наткнулся на свои мечты, на свет, зарю, на идеальную для него женщину, на спасительницу, которая досталась не ему, которую он потерял без своей вины и без возможности что-то исправить...» Но для того, кто умеет чувствовать, не так это просто и не может быть индифферентно. Ваня не мог смириться с таким положением, но и сбежать от оногo он не мог, ведь выход был — лишь гнев, но Арина вызывала у него гордость, радость, пусть грустную, любовь, пусть безответную, но ничего плохого, но никогда — плохого. И Арина была права во всех своих действиях и желаниях, на всё имела право и не была обязана Ване ни чем, но Ваня, как обычно, приставал к ней со своими чувствами и всё ещё надеялся на полный абсурд, какой практика отрицала уже в десятках случаев. Он ещё верил в счастье, но не даёт жизнь счастье таким людям...

А заслужил ли наш Ваня это счастье?... Одному Богу известно. В самом деле, имея немало чудесных и редких для его времени качеств, Ваня обладал и прорвой недостатков: он был ревнив до ненависти, эгоистичен в каком-то плане, горделив и горд, коварен и нетерпелив, преступно грешен, однако всё из перечисленного осознавал гораздо лучше людей, с которыми общался и которые обвиняли его так, как будто ЭТО ОН виновен в том, каким являлся, и словно самому Ване собственные негативные черты недоступны. Вовсе нет, он ведал

обо всё, но для борьбы со злом внутри себя не имел ни поддержки (ибо никому не был нужен), ни стимула (ибо люди не выполняют свои обещания и уже много раз обманули его), ни надежды на выздоровление, поскольку никакое выздоровление не представлялось возможным: это Закон. Тем не менее, Ваня был хорошего о себе мнения, так как был честен с самим собой, всё понимал, а людям такого качества, к сожалению, не хватает; конечно, Ваня видел свои червоточины, однако при настоящих проблемах не переводил на оные ни малейшей вины, потому что имел дело с людьми погрешнее его и видел явную связь между чужими недостатками и своими проблемами; например, — а пример хороший — изначально молчаливая Юля, которая порой умышленно не отвечала на вопросы и отказывалась поддерживать разговор, с некоторого времени обвиняла Ваню в эгоизме (хотя называла это эгоизмом), потому что на каждой встрече Ваня говорил единственно о собственных чувствах, впечатлениях, воспоминаниях; это вполне естественно, поскольку сама Юля отказывалась говорить, но в такой обычной ситуации виноватым выступался Ваня; в точности то же самое произошло при отношениях с Викой: она обвиняла нашего героя в эгоизме, делала его виноватым, так как его цели противоречили её целям и её эгоизму... и кто же виноват?.. А порою Ваня имел дело с самыми хорошими людьми, поэтому никто из пары не создавал неприятности, но неприятности по нормальным причинам наблюдались с самого начала; в случае с Ариной проблемой стали её отношения, нормальные отношения, в которые Ваня не имел морального права лезть; и понятно, почему волшебница-Арина не отдавала ему своё сердце, да Ваня, больной, так мечтал об оном, что грешил в своей голове, надеясь на то, что отношения Арины однажды прекратятся, а дальше — всё известно. И осознание по-

следнего что-то в нём перевернуло.

Постепенно Арина стала уходить из его жизни, погрузилась в повседневность, некоторые ожидания не оправдала, завела отношения с человеком, которого Ваня, в отличие от себя, считал недостойным её, то есть в глазах Вани превратилась в обычного, среднего человека, тем самым совершив регресс, или падение, причём падение, наверное, незначительное или вовсе мнимое (может, это Ваня всего лишь перестал её идеализировать?..), однако в данном отношении Ваня был максималистом и не видел разницы между большим падением и малым, если факт падения имел место; и Ване было даже смешно смотреть на уже погибших людей, которым терять уж нечего и обрести что-то невозможно, но которые при этом пытаются придерживаться каких-то моральных норм, сохранять душевную чистоту местами, когда в общем они — сгнили; и Ване было смешно потому, как эти люди себя ограничивали и на пустом месте находили поводы не жить так, как им хочется, если хуже всё равно не будет; но при этом сам Ваня был не менее смешон, навязчивыми мыслями ограждая себя от не таких уж плохих людей или вообще не плохих людей, о которых он просто имел неверное представление. Так, например, Арина вскоре исчезла, но периодически в его жизнь возвращалась, да для него это была уже совсем другая Арина, более взрослая и более испорченная; а испорченной она казалась потому, что имела отношения и могла (достаточно известно не было) иметь то (сексуальные отношения, в том числе), что Ваня сам хотел бы иметь, но что осуждал в других, покуда был далёк от этого сам. Глупый Ваня.

Глава 7. Правда всегда неправдоподобна. А Дьявол не может любить

...Во-первых, я и полюбить уж не мог, потому что, повторяю, любить у меня — значило тиранствовать и нравственно превосходить. Я всю жизнь не мог даже представить себе иной любви и до того дошел, что иногда теперь думаю, что любовь-то и заключается в добровольно дарованном от любимого предмета праве над ним тиранствовать. Я и в мечтах своих подпольных иначе и не представлял себе любви, как борьбою, начинал ее всегда с ненависти и кончал нравственным покорением, а потом уж и представлять себе не мог, что делать с покоренным предметом
Фёдор Достоевский «Записки из подполья»

Неимоверно странным является то, что наш Ваня, прошедший долгую школу железного спорта, превзошедший взрослых как силой, так и умом, так и волей, перенёсший несколько травм — и несколько лет в болезнях, умудрился больше пяти раз столкнуться с одним и тем же типом женщин, влюбиться, огорчиться, пострадать¹ и... пострадать². Он томился ежедневно, начиная с лет четырнадцати, когда белокурая Лиля открыла ему мир и влюбила в себя, но обрекла на безответную любовь; за-

¹ получить ущерб

² измучиться

тем одна девушка пошла за другой; некоторые оставались с ним на месяц, некоторые — на полгода, а одни из самых ярких — резко начинали общение, а через неделю-две всё уже заканчивалось тяжёлым расставанием по смутным причинам; как правило, это были девушки активные и яркие, но с каким-то тёмным прошлым, о котором часто умалчивалось; как правило, все они оказывались в той или иной мере лесбиянками, ибо их либо прямо тянуло к женщинам, либо тянуло к алкоголю, либо же — тянуло в бездну, отчего они, больные, были уверены в своей способности любить, поэтому искали приключений, но из хороших парней выпивали кровь, а после бросали их ввиду внезапно появившегося «отсутствия симпатии», зато от самых скверных людей, от хулиганов или просто дебилов, от неформалов и других латентных геев они, его ведьмы, терпели самые разные унижения, расставания, а потом терзались из-за «вечной и неразделённой любви», исходившей от них, становились вдруг очень чувственными и чуткими, что, впрочем, ни до и ни после не мешало им отвергать без труда точно такую же сильную любовь от Вани, который тоже страдал от любой интонации и всякого отвергающего слова, причём страдал многократно больше, потому что головой был болен, а сердцем — чист, поэтому и при всех своих грязных делах, неизбежных от рождения, совесть он имел — чистую, а жить в грязи да с чистой совестью — уже подвиг и уже наказание; и с каждой новой девушкой, испытывая новые чувства и новые оттенки страдания, Ваня всё больше понимал, почему они лгали ему, лгали себе и всем окружающим, почему они имели глаза, но не видели, почему, больными будучи, так пытались играть роли здоровых: ибо иначе жить очень тяжело и глупо, понеже бесы всю жизнь будут склонять тебя ко греху, а выбрав праведную жизнь, ты проснёшься один среди помоев больших городов, среди равнодушия мни-

мых друзей, среди погоней за деньгами и славой и среди прочих пороков, так что познавать добродетели тебе придётся только как антагонизмы реальных человеческих качеств, как что-то антиобщественное и порицаемое; так ты, коли выдержишь, придёшь к здоровому нигилизму в больном обществе, к отрицанию искажённой морали этого общества, но не так легко дастся это отрицание, потому что далеко не всё — необходимо презирать, что лишний раз будут подчёркивать люди, которые в презрении к себе самим ненавидеть и обвинять начнут тебя, будто это ты больной, а они — здоровые, а у них — всё прекрасно, всё чудесно, нет болезней и несчастий, нет раздоров, войн, голода и глупости, которые тебе предстают очевидными... А ведь этого и на самом деле нет — для них, ибо только тебе подобное кажется значимым и лишь твою душу это — мучает, а в окружающих людях нет интереса к самим себе и к чувствам окружающих; они — эгоисты и лжецы, которые в то же время лгут себе и себя не любят; они — двуличны и бесчувственны, посему легко предадут тебя или себя; вот только лишь тебе будет больно в первом случае, а во втором лишь ты будешь виноватым. Запутанные вещи происходят в нашей жизни; мы сами придумываем себе проблемы, а потом жалуемся на них; человек оказывается за всем мировым злом, поэтому человек же и мог бы уничтожить оное, но этого не происходит; из века в век люди поддаются одним и тем же порокам, но не пытаются их исправить или делают вид, что пытаются, но результата не достигают в обоих случаях, поскольку результат — нежелателен. И разве это нормально? Нет. Поэтому Ваня и начал разбираться в этой проблеме; и оказалось — странно ведь? — что за многими несчастьями в повседневной жизни стоят женщины определённого типа. Вокруг этих женщин — тьма, то есть много, но их множественность не говорит о нормальности этого типа, ведь все такие

женщины оказываются ненормальными психически; в любом случае они начинают «чудить» к концу среднего возраста, но самые отъявленные из них показывают свою сущность уже в подростковом возрасте, привлекают мужчин, дабы издеваться над ними; если мужчина больной сам, то эту ведьму он убьёт или себя убьёт, а здоровому мужчине ведьма — по крайней мере — ломает молодость — или вообще всю жизнь, ведь все они так страстно хотят счастья, что женят на себе ничего не подозревающих жертв, всю жизнь им лгут, из предрассудка рожают детей, а потом эти дети оказываются дефективными, как и их матери; потом матери начинают изменять, кричать, устраивать ссоры, психовать, требовать развод, спиваться и многие другие чудеса показывают; а за этим цирком скрывается поломанная жизнь того, кого околдовали. Это и есть ведьмы. Благо, Ваня не женился на одной из них, однако в короткие сроки встретил несколько сразу, а осадок от них будет существовать долго.

Они — отравители жизней, предатели, каратели, холодные люди, которым безразличны окружающие, но у которых имеется о весьма серьёзный непорядок в голове, из-за чего ведьмы и ведьмаки не могут не вмешиваться в чужие жизни, а вмешиваясь, они эти жизни разрушают. Во времена Инквизиции главным отличием ведьм была «печать Дьявола», большая область мёртвой ткани под кожей, но в жизни куда чаще встречается её эквивалент — большие число родинок по всему телу; неизвестно, почему родинки связаны с определёнными психическими отклонениями, но они связаны! А именно по причине неправдоподобности этой связи Ване пришлось впустить много нечисти в свою жизнь, дабы всё-таки — увидеть. И последние события и люди заострили его внимание именно на этом качестве. И Ваня встал вспоминать...

И он вспоминал. Среди одноклассников с большим числом родинок на теле ему запомнились трое: Артём, друг Вики, быть может, бывший парень, а может, и настоящий (в этом запутаешься), был слишком высок, имел оттопыренные уши и некоторые другие деформации тела ввиду как бы гигантизма, но окружающие девушки считали такие черты милыми, но, вдобавок, Артём родился то ли недоноском, то ли просто больным, но, в общем, он должен был умереть в первые месяцы жизни, однако не умер, вырос, получил сколиоз и без веских причин страдал депрессиями, считал всё тленом и мраком, по причине чего углублялся в музыку, а было это так серьёзно, что даже красавица-Вика своим сердцем не смогла вернуть Артёма из этого мазохизма, где он, ища счастье в несчастье, сам делал хуже, чтобы страдать и мнить себя мучеником, а после истории с Викторией он уже стал выпивать и курить кальян (то есть явное саморазрушение) вместе со странными друзьями, которые больше напоминали секту прикольных латентных гомиков; была Настя, девушка из почти богатой семьи, то есть обеспеченная всем, но эта Настя, умная, симпатичная и весьма аппетитная, вела себя странно для своего уровня и очень много общалась с быдлом, обычно тупыми блондинками, чем вызывала подозрения насчёт скрытого лесбиянства, хотя после школы Ваня с ней не встречался, так что обо взрослой жизни этой двуличной девы ничего не знал; и последним был Олег, вполне хороший человек, но тоже высокий слишком и какой-то странный, туповатый, хотя на самом деле он не был тупым, но любил играть из себя малоумного приколиста, а симуляция отклонений — тоже говорит об отклонении. Когда-то в его классе учился Данил, умный и хороший парень, но Данил внезапно самоубился на каникулах под воздействием наркотиков: открывшееся бессознательное побудило его спрыгнуть

с девятого этажа. Такие же дефекты кожи имели: Мадина, которая придумала себе больную личность; Вика, от которой Ваня пострадал больше всего; Ксюша, с которой ничего и не было, ибо она была тупой чрезвычайно и странной; а также Юля, которая в каком-то смысле принесла столько же боли, сколько и Вика, но уже немного в других областях, отчего они обе совместными действиями почти всё хорошее в нём разрушили. Сей дефект кожи имела и Наташа, с которой всё произошло так быстро, что никаких плохих впечатлений о ней не осталось. И последним существом с таким дефектом стала Арина, единственная адекватна женщина, хороший друг, надёжный союзник и светлая муза; она стала исключением из этого правила и оказалась не ведьмой, но ангелом, который частью помог Ване пережить удары перечисленных людей; но Арина стала единственным исключением. И то примечательно, что главные отклонения названных лиц не сопровождались отклонениями на психосексуальной почве: Ксюша была лесбосадисткой, Юля — рыбой, то есть асексуальным субъектом, а Наташа — была заиклена на особенной форме брутальности, которая в то же время имела черты мазохизма; и, как правило, у каждой ведьмы имелись схожие проблемы в семье: у Артёма — полная семья, но не без проблем; у Насти полная семья, но подробности неизвестны; у Олега — сначала развод, а потом смерть матери от какого-то дегенеративного заболевания; у Данила — развод; у Мадины — фактический развод даже без формального брака; у Вики — поздний развод на почве грязной измены; у Ксюши — развод из-за психических отклонений отца; у Юли — развод из-за характера отца; у Арины — развод по неизвестной причине. Разве это совпадения? Может быть, он от своего числа они становятся закономерностью, ведь одни и те же качества у большого

числа людей порождают другие почти одинаковые качества, а ведь это уже — закон. Надо было бы знать этот закон раньше, тогда Ваня не обжёгся бы так много раз, не испытал бы столько боли и вырос бы совсем другим человеком.

Ложь. Даже полное осознание реального положения вещей и всех вероятностей зачастую не останавливает человека от свершения сомнительных и малоплодных поступков; даже ведая неизбежность несчастья, вместо спокойного и нейтрального бездействия часто человек идёт на большие риски ради того, чего быть не может; право, в этом нет логики, однако и не во всём человек является существом разумным: даже умея тонко мыслить в узких ситуациях, он живёт не головой, а по животным законам, своим бессознательным, которое подчас мгновенно подсказывает необоснованное, но верное решение, и которое куда чаще мешает умному человеку разумно не только мыслить, но и существовать; нет претензий к здоровому человеку: его обыденные проблемы происходят от незнания жизни; а больной человек и при всевозможных знаниях сталкивается с проблемами, причём нередко — одними и теми же. Больным был наш Ваня; для него лично болезнь проявлялась в исключительной чувствительности, а эта чувствительность — приводила его к страданиям при каждой новой ошибке, при каждом расставании с девушкой, при разлуке или вообще в нейтральных условиях, — когда нападало одиночество; от этого нельзя было вылечиться, а время, которое всех лечит, Ване делало лишь хуже; можно было отвлечься, чтобы тоску заменило что-нибудь безличное, а на радость уже нельзя было рассчитывать; и Ваня пытался отвлекаться, однако ничто не могло занять все функции его мозга, то есть сделать так, чтобы, делая что-то, Ваня не находил доли секунды на одни и те же мысли о собственном положении; но и это, пусть сказывалось неприятно, однажды стало

привычным. Ваня неделями жил в состоянии меланхолии, лёгкой и тянущейся, и понимал, что всё-таки жить можно; нельзя было жить в такие моменты, когда из листьев показывался солнечный луч, когда начинало пахнуть камышами или когда просто-напросто приходилось посещать места, с которыми связано слишком-слишком много, много хорошего в его жизни, которого больше не будет, которое было давно и от давности гиперболизируется, увеличивая и тоску. Мог быть дождь, могло быть пекло; не важно, день за окном стоял или вечер; имела место зима или наступало лето — в любых условиях и в любых местах Ваня мог вдруг остановиться и загрустить; в такие моменты он присаживался хоть на ближайшую ограду и невольно перебирал в памяти кое-что из прошлого; как правило, в местах этих «приступов» он бывал не раз и, быть может, посещал их в самые разные периоды своей жизни, проводил там и детство, и юность, и отрочество, то есть имел множество разных воспоминаний, но — вспоминал всегда только один день из двух или трёх всего, когда в сие место он наведлся с одной из нескольких девушек, которым посвятил лучшие годы жизни; а иногда попадались места, которые ассоциировались с какой-либо девушкой только косвенно, что боль внутри не сильно облегчало. И почти всегда эти места были связаны с Юлей, которую он узнал лучше всех, которую полюбил всем существом своим, но загадку которой так и не разгадал; фактически, и отношений у них не было, а расставание растянулось на многие месяцы; в эти месяцы она желала уйти и с каждым днём кормила свою неприязнь к нему, а Ваня, совершенно понимая её, просто не имел воли взять — и отпустить: в простой и жалкой Юле содержалось нечто кабалистическое и согревающее его сердце, пусть во всём остальном Юля была холоднее льда; отсюда и произошла амбивалентность чувств, любовь и ненависть, печаль и радость, но больше печаль.

И посему, бывало, Ваня останавливался, присаживался и пытался плакать; говорят, слёзы помогают облегчиться, но Ваня не ведал слёз, хотел плакать, а не мог этого сделать, отчего всё оставалось внутри и сгнивало, не имея возможности выйти наружу, пройти. Так окончились сношения с типом женщин, которых ранее называли ведьмами.

Не следует думать, что вся вина лежала единственно на ведьмах, а бедный Ваня не бывал виноватым; в конце концов, он сам наступал на одни и те же грабли по многу раз и долго прибывал во схожих силках, имея на самом деле возможность выбраться из них в любой момент; и он выбирался порой, но этим делал хуже, потому что сердце его оставалось у другого человека, а сам человек становился недосягаемым. Очевидно, Ваня страдал всегда, но он же замечал в своих ведьмах, что внешне страдают и они; причины эти были связаны с ним, но никогда не были действительными, ибо не Ваня порождал проблемы, но проблемы и до нашего Вани обитали в женщинах, а те пытались обвинить в оных кого-угодно, пытались искать рациональные оправдания, но не серьёзно относились к этому и суждения создавали поверхностные; велика вероятность, что и Ваня так делал; а лично ему всё яснее становился факт, что сам Ваня не отличается от этих ведьм, которых он любил и ненавидел одновременно, сильно и подчас фальшиво, то есть Ваня сам был ведьмаком, обречённым страдать и нести страдания другим, но почему-то встречающим лишь себе подобных и несущим зло лишь такому же злу, кое представляет наш герой. А почему он так думал?.. никто не знает. Даже он сам и не пытался ответить на этот вопрос. Но его заключение продвинуло Ваню ещё дальше; и жить стало опасно...

Быть может, не один Ваня проходил через эти этапы,

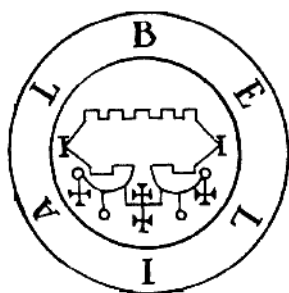

рано вступал в отношения, наталкивался на всяких шлюх и посему страдал, но он сумел осознать сущность ведьм и не пожелал мириться с их существованием в нашем мире. Разумеется, эти ведьмы повлияли на его мировоззрение, на его смысл жизни, нанесли вред, частью испортили нашего героя, лишив его наиболее светлых качеств и надежд, но также эти ведьмы на короткий миг приносили в его тухлую жизнь что-то прекрасное; впрочем, чтобы неприятной реальностью не нарушать пафоса фразы, об этом прекрасном лучше не говорить впредь, ибо, что бы эти девушки ни принесли ему, всё лучшее ушло вместе с ними; осталось же зло.

Часть пятая. ВЕЛИАЛ (культ силы)

Своего первого уголовника я убил в девятнадцать; мне понравилось. Я продолжил, и вскоре это вошло в привычку; я стал убивать по одному в три недели. В двадцать один к уголовникам добавляются наркоманы, хулиганы, алкоголики и просто диссоциальные субъекты. Совесть меня не мучила, ибо я занимался тем, что мне нравится, и невольно добивался того, чего хотел подсознательно: каждые тридцать человек, через каждые тридцать смертей преступность в моём городе падала на десяток процентов, как утверждали связи в полиции. Я убивал нещадно и вполне справедливо. Я пошёл против Дьявола в себе и начал уничтожать себе подобных: обнаружить их было до совершенства просто. А потом остановиться было уже нельзя. Да и терять мне стало нечего. И я убивал одного дегенерата за другим во имя жизни здоровых людей, тем самым выполняя свой гражданский долг; и я никогда не раскаивался в содеянном, ибо число убитых мною было счётно, а жизни любого из людей, ради которых я делал это, — бесценна.

Я совершил много преступлений у себя в голове и ещё больше преступлений — продумал и собирался совершить, но до определённой поры нормы законодательства меня останавливали от настоящих подвигов; и всё изменилось тогда, когда мои суицидальные тенденции

и вообще моя несчастная жизнь убедили меня в том, что терять мне действительно больше нечего, что не будет наказанием тюрьма государственная, когда при жизни, кою называют свободной, мне приходится жить в одиночестве, две трети свободного времени тратить на то, что не нужно мне и никому, вместе с тем имея тюрьму — внутри себя и при внешнем благополучии терзаясь каждодневно, ежедневно, вседневно, непрестанно, непрерывно. Сие — судьба больных людей, а преступление — их нутро. Не стоит думать, что я всегда был таким или что я разительно отличаюсь от людей, с которыми любой сталкивается ежедневно: я вовсе не уродец среди вас, но я — это то, что присутствует в каждом, но не получает достаточной уверенности, чтобы прорваться наружу; я есть все ваши пороки, которые однажды решили изменить форму; я и любил в своё время, и занимался обычными делами, проживал типичные для человека этапы, но однажды я испытал страдание, затем становился его жертвой снова и снова, покуда всего лишь не увидел его причину и не осознал решение. И как бы ни называли меня сейчас, история покажет мою правоту, расставит всё на свои места и повлияет на людей так, как они того заслуживают.

Я есмь змей, кусающий себя за хвост. Я — плод дьявола и его воплощение на земле. Я — царство, должное распасться само по себе. Я служитель Господа и борец с грешниками. Я — несущий зло по отношению к злу. Я дегенерат и убийца, разрушитель, испытывающий ненависть к себе подобным и нашедший смысл жизни в уничтожении последних. Мне нравится красть у воров и изживать изживающий, раздражать раздражителей, быть садистом для садистов, насильником для насильников и зверем для нелюдей. И мне неведомы причины, что смогут стать на моём пути к моему предназначению; мне неведомы моральные нормы по отношению к дегенера-

там и не существует в моей природе никаких преград и механизмов, не позволяющих уничтожать тех, кого хочется, ибо убиваю я уже мёртвых. Я Агриэль, Белиел, Веллиал; я — Торквемада и Адольф Гитлер; я — несущий смерть ради жизни и отнимающий жизни из желания смерти. Я — древний демон, возникающий периодически внутри людей; я бес, что видит бесов и изгоняет их единственным возможным способом. Я зло, и я сгрызаю зло. Я есмь хворь; я — друг здоровья; я — та болезнь, что изживает рак; зато меня не изживёшь никак. Я есмь первый и последний. И я — единственный демон, не подчиняющийся Сатане, стоящий вне добра и зла, ибо лишь злу причиняю вред, ибо лишь ко злу испытываю зло, но только лишь из зла и состою! И знаю я побольше многих праведников, и при всей своей порочности я чище большинства из них, потому что Бога знаю и Сатану, потому что умею добро отличать от зла и делаю выбор сам. И если бы я попал в рай, я был бы там велик, но я не смогу ни в чём покаяться, ибо зло вершу праведное; да и в раю мне нечего делать, ведь нет там моих врагов, а я создан только для борьбы с ними, не требуя больше ничего.

Култ силы ...изнутри

*Не отрицать гуманизм нужно, но сузить его
до разумных рамок; тогда он перестанет быть
крайностью, обретёт смысл и будущее*

Автор

Всё началось в тот день, когда кончался первый месяц лета, когда на последнем экзамене, перед долгой разлукой с одноклассниками, меня начал избивать один из них; я никого не трогал и слыл весёлым отличником, поэтому удары моего обидчика оказались неожиданными, посему остались безответными и нанесли бы куда больший ущерб, если бы нас не разняли, да и если бы он сам не начал останавливаться, увидев, что я никак не защищаюсь. Сперва казалось, что он в чём-то прав, но не выходило из мыслей моих полученное унижения и вред, нанесённый моему красивому лицу; через час-полтора мы сошлись при судьях и теперь на равных условиях; он успел, будучи выше, успел ударить ещё несколько раз, но бил он как тёлка, поэтому ничего, кроме поверхностных повреждений, не причинил; я же быстро свалил его на землю, затем начал тащить по битому стеклу, лежало что на ней, и так порвал кое-что и его одежду; он не успел встать, как врезался в дерево и был схвачен мной так, что уже ничего нельзя было сделать; я победил, и все разошлись.

Однако, по пути домой я понял, что удовлетворилась лишь какая-то часть меня, ибо внешних травм та падла не получила, в отличие от пишущего эти строки; я ощущал ненависть в себе и жажду уничтожить этого в следующий раз, но, не уходя в иррациональность, осознавал всё переживаемое и отыскивал причины моей жажды. Я думал, почему испытываю ненависть именно к нему и больше ни к кому другому; а в итоге причину увидел в том, что он был пидором; нет, не открытым пидором, который сосёт хуи и долбит в очко, но латентным или подавленным, у которого сие — лишь в мечтах, лишь

в мыслях, но которому такие мысли по непонятным причинам вельми неприятны, отчего он пытается отделаться от них, скрыть их от себя самого в глубинах бессознательного, где они сгнивают и порождают непостоянство, агрессию, жадность, лживость, лицемерие, эгоизм, надменность и все негативные качества, присущие людям. Возможно, и его атака в тот день исходила из желания самоутвердиться, а меня он выбрал по внешним причинам; но он не знал, кого в тот день избил, какую ненависть возжёт. И он не знал, во что ввязался; он не знал, что это лето станет последним для него, что ответственность за его ошибки падёт и на родителей, и на других близких людей. Он продолжал конфликтовать со своей шлюхой, играя тёлку в отношениях, он поддерживал отношения из-за своего слабоволия и страха, но мне это было уже неважно; теперь врагом стал он.

Так сложилось, что следующие месяцы мы не могли встретиться случайно, а умышленно тем паче, ибо этот трус нашёл бы отговорки, чтобы не прийти, хотя жил совсем близко от меня, где-то. Следующие недели я беспрестанно думал о том дне, когда наконец-то набью ему ебало, хотя я так и не понял, чего именно хочу от него: унижения ли при окружающих, увечий ли, самоубийства ль как последствия, — не ведал; через несколько дней стало ясно, что ненависть к нему обретает патологический и иррациональный характер, но ещё как присуща мне, но требует осуществления и не выйдет из головы, покуда я не совершу НЕЧТО, о чём не знаю точно. Продолжение конфликта — уже было решено осуществиться, но приходилось думать, когда закончить это грязное дело, чтобы удовлетвориться, но одновременно не нанести себе проблем с законом, с учёбой и т. п.; спустя некоторое время эти мысли стали возбуждать меня в прямом смысле, физически возбуждать, почему и решение пришло в связи с сим: избивать его раз в несколь-

ко дней, унижать периодически, уничтожать личностно, дабы он не страдал существенно за один раз, но не видел конца своим страданиям; и я собрался делать так, покуда он не отсосёт мне, весь в синяках, с растрёпанными пидорскими волосами, худой и беспомощный, пока он не удовлетворит то, что пробудил во мне слишком рано, и не станет самим собой, пусть насильственно. Я уже видел, как моя сперма течёт по этому рту, как она течёт по его безобразным ляшкам; и я трепетал при подобных мыслях.

С того события прошло чуть боле двух недель, а оно никак не выходило из моей головы — и не давало успокоиться, получить умиротворение; и даже насущные дела не отвлекали в полной мере, не давали мне забыть, простить и не думать о сём, ибо — я уверен — произошедшее пробудило какую-то часть меня, которая имеет право на существовании и обладает волей к жизни даже большей, нежели я в общем; видимо, именно эта часть будет жить и действовать в скором будущем. Нет никаких сомнений, что всей этой ситуации и мести не было бы места, если б это чмо не начало драку, кою я по непонятным причинам оставил без удовлетворительного для себя ответа; процесс запущен; бывают мысли, что бес во мне уже не сможет получить удовлетворения; останавливает... пока останавливает единственное понимание, что если я начну предпринимать какие-либо действия, то ими станут: перелом гортани, перелом позвоночника, какие-нибудь другие смещения и переломы, а в этом случае это чмо может просто умереть, а я же обязан буду сгнивать в колонии; понятия не имею, что делать с собой; такое косвенное бессилие унижает меня; всё бы изменилось, когда б я забыл, но память у меня до боли хорошая на такие случаи; осознаю, что он заслуживает куда больших увечий, ибо сам бил меня по голове, которой я думаю, и пытался отбить мошонку, когда уже ничего другого ему не оставалось.

Пожалуй, я немного расскажу, с кем имею дело: Андрей Попов, ставрополец, по многим признакам латентный гей; слишком часто смотрит всякие аниме и читает книжки для подростков; слишком многое о себе думает, считает себя самым умным в общем плане, но на деле

и близкого не показал; учится очень плохо ввиду того, что отчасти туп, отчасти просто не посещает занятия, не узнаёт нового, тонет в долгах и пересдачах; встречается с тупой лесбиянкой, которая не показывает свою ориентацию явно — просто-напросто потому, что по уровню развития застряла в возрасте лет тринадцати (сама ещё ничего не поняла), но проявляется склонность к некоторым извращениям; внешне Андрей выглядит как опытная проститутка, высок и дрыщеват, носит причёску, словно у эмаря, хотя 2007-й прошёл почти десять лет назад; за первые полгода учёбы успел среди группы нажать себе около пяти ненавистников — далеко не самых плохих людей, а вся остальная группа, за исключением чело-
век двух (включая его девушку), испытывает неприязнь к нему за обычное его отношение к окружающим, за надменное отношение, которое больше всего бесит при его недоумении, когда Андрей раскрывает глаза широко и начинает общаться с тобой таким тоном, как будто ты даун полный, хотя даун — это он. Такая неприязнь может позволить мне избить его, но не пострадать от закона, потому что «никто ничего не увидит и не услышит», но проблема остаётся прежней — если сломать ему шею, от закона уже не уйдёшь.

Прошёл почти месяц. Самоуверенный и заднеприводный Андрей теперь не занимает моих мыслей, ибо других проблем навалилось: от меня уже отвернулись многие девушки, бывшие для меня наиболее близкими; первой это сделала нимфоманка Саша, которую я знаю с шестнадцати лет и которая сама настрадалась от отношений с маньяком; Саша была единственной латентной лесбиянкой, которая вела себя адекватно; я мог спокойно и продуктивно разговаривать с ней на любые темы, а она признавалась мне в многих секретах «девушек», хотя оные зачастую относились только к ней; мы рассказывали друг друга о мастурбации и даже делились интимными фотографиями; у неё массивная попка; но при этом только с ней я мог считаться в дружбе, не делая попыток к отношениям, но имея дружбу мужскую и вполне крепкую; ещё я давал ей советы, но недавно она перестала их слушать. Саша сошлась с качком, который сидит на дешёвых стероидах; она не понимает, что если человек опускается до стероидов, то это означает слабую волю, нарциссизм, культ тела, а в сумме — гомосексуальность; из гомосексуальности последовал бред ревности, поэтому этот качок наплёл ей что-нибудь, а она ушла из нашей дружбы; впрочем, она сама лесбиянка, поэтому не удивительно, что отношения строит с гомосексуалистом: они устраивают 69 и облизываются. Затем меня бросили все остальные девушки, знакомые давно али недавно, бывшие со мной в длительной связи или в мимолётной; как ни странно, они все дефективные, почти у всех — разводы в семье и множественные родинки на теле; раньше таких называли ведьмами, а сущность ведьм — питаться чужими жизнями; так они набросились на мою.

Фактически, у меня нет никаких обязанностей перед ними, поэтому я мог бы в теории просто-напросто забыть всё и покончить со всем, но я точно так же не в силах осуществить это, как и не имею сил простить и забыть заднеприводного Андрея, который решил показать себя настоящим мужчиной. Меня пожирает какой-то зверь, которого я не могу ни назвать, ни подавить; Вика посоветовала не кормить его, но при этом сама переполнилась мстительности ко мне и склоняла делать единственно то, что ей выгодно; то есть своего зверя она активно кормит. Я алчу действовать, но меня загоняют в изоляцию. Я хочу чувствовать, но наталкиваюсь на холодность. Я хотел бы стать нормальным человеком, но меня отвергают за поступки в прошлом, и никто не удостоивает свою особу снисхождения объяснить мне, в чём моя проблема.

Несколько дней спустя. Я погиб. Я страдал так долго, что всё это кануло в пустоту и скрылось; я дошёл до таких границ, что стал страдать пуще должного и стал навязывать себе страдания тогда, когда их можно было избежать. Я стал страдать по ничтожному поводу по вине ничтожных людей, которые больны сильнее меня и которые не достойны меня и моих чувств; я узрел суету вокруг пустого; я усмотрел эгоизм в людских словах — и ложь, но то же самое я впервые увидел в себе самом, но не захотел жить с этим, а решил покончить. Мастурбируя на групповой секс трансвеститов, я передумал насчёт происходящего во мне и вокруг; я перестал ощущать добро и любовь, но вместе с этим не почувствовал больше — страданий по вине мерзкой черни, которая сама не знает высших чувств и уродует оные в других людях, вызывая в них муки и томления. Погибло добро во мне, но его место заняло зло ко злу. Ибо добро не побеждает зло, но становится злом для своего носителя.

Я думал, что охладел, однако бесчувственность оказалась эфемерной и прошла достаточно быстро, поскольку одно чувство — под именем злость — не покидало меня, а порой оборачивалось против меня, порождая тоску, обиду, разочарование и гнилую любовь, которая вместо счастья приносит горе и саморазрушение. Дьявол всегда расплавляется разбитыми черепками, и даже если ты идёшь против него, относясь к нему, ты невольно идёшь и против себя самого, ты проигрываешь; даже неся великое добро, ты не заработаешь этим место в раю, счастье, прощение, ибо родился обречённым. Моя злость долгое время была направлена против меня, куда я не опустился в содомские грехи, найдя в бездне зла и разврата относительно чистых людей, чьё добро — спасло меня от собственных бесов, но не вылечило; зато Велиал вернулся.

Я стал искать секс, но это оказывалось не так просто. Приходилось наткаться на шлюх, считавших себя безгрешными, на парней под маской женщин, на маленьких девочек, которые прикидывались большими, но это было и к лучшему. Среди этих тёмных сил я обнаружил большую слабость; я увидел боль, агрессию, страх, риск, опьянение, унижение, которым предавались звери, похожие на людей, но которые имели власть над этим стадом извращенцев и гомосексуалистов; эти нелюди казались сильными и гордились тем, какие же сильные перипетии переносят, но их окружала ложь, а я — смеялся над этой ложью, ибо ложь — величайшая слабость, а слабость, которая пытается показаться силой, — величайшая ложь. Зная Сатану, я обнаруживал лишь отбросы его общества, лишь рабов и жалких людей, а достойного видел лишь

в зеркале, ибо азъ — демон, а не помой. Я начал изучать людской скот, но неизбежно разочаровывался при каждой новой твари, ибо искал грешников и противников Бога, но обнаруживал токмо пародию на них, жалких подонков (от слова «дно»), над которыми лишь смеяться можно; именно поэтому добро побеждает зло, ведь зло, если присмотреться, смешно — и не более. Я помню одного насильника, который опоганил трёх девочек, но при виде мазохистки ничего не смог сделать, потому что не видел её страх, а без этого — писюн у него не вставал, что в тюрьме и не нужно было, так как он спокойно — грозный насильник — давал блатным в жопу и посасывал их члены, облизываясь и терпя такие унижения, что со стороны отвращали и вызывали припадки смеха у психопатов; я помню одного грозного пацана, которого боялся весь район и любили все шлюхи, что не помешало ему втайне от братвы делать минеты убогому «дотеру», всю жизнь опасаясь, что его тайна станет явью; я помню и мазохистку, симпатичную и молодую, но с богатым опытом, которая в основном была рабыней лесбиянок, ведь почти все лесбиянки, считается, суть самые опытные садистки; но эта мазохистка, которая уже успела отдаться собаками и поест кала, вся из себя беспредельная и желавшая самых жестоких унижений и болей, побоялась покончить с этим, тем самым испытал для себя — максимальную боль, к которой не была готова; она искала счастье в несчастье, отчего считала себя сильной, однако она утаивала от самой себя, что настоящее несчастье для неё — это жизнь обычного человека, пугающим мир без унижений, который съедает тебя изнутри куда сильнее внешних и временных унижений. Я видел жалких!

Уходило лето, но ничего не менялось: день ото дня я шёл в прежнюю сторону, наталкиваясь на пустых людей и расходуя минуты своей жизни на недостойных этого; я не ошибался в людях, но обнаруживал их падение — снова и снова, в каждом встречном человеке, подтверждая — с одной стороны — свои теории, но параллельно с этим получая огорчение при мысли, что я прав во всём, ибо эта мысль — означала моё несчастье на всю жизнь; я не терял надежды, посему повторял всё снова и снова, убеждаясь лишь, но не замечая поводов прекратить, ведь прекращение всяких поисков означало одиночество и смерть, но я хотел жить, пусть жить среди обид и разочарований. Я не знал, что делать, как мне исправиться, чтобы не быть отвергнутым вновь, как мне не потерять последние недели того времени года, которое уже пропало; я наполнился терпением и стал ждать боле, ждать, хотя абсолютно все обвиняли меня в том, что ждать я, как раз, не умею: они не представляли, каких усилий мне стоило идти против опыта, влюбляться в людей, которым я никогда не буду нужен, любить их, испытывая муки от холодности с их стороны, и ждать хотя бы недели, если сердце мучается, а голова говорит, что всё бессмысленно и обречено на — провал. Однако, никакие умозаключения не мешали мне повторять глупости, покуда их избыток не научил кое-чему; мне говорили, что я слишком критично относился к женщинам, хотя критичнее всего я относился к себе самому, а насчёт женщин — уж имел все основания называть большинство женщин ведьмами и ненавидеть их, хотя даже при всём их отрицательном влиянии я всегда утверждал, что не все таковы и что бывают женщины чудесные, о которых написаны лучшие

творения человека, но таковых — мало, да ради них жить стоит; я верил в это, но после встретил живой пример, Арину, которая в общении со мной не заходила за рамки дружбы, но научила любить иначе, любить за душу, ничего не требуя в ответ; конечно, она не смягчила боль от ран, нанесённых фригидной Юлей, но это уже сделали другие две женщины, которые, как Наташа, и убежали сразу, оставив после себя пустоты, но пустота — не горе, во всяком случае; а затем появилась Светлана, которая при всех своих недостатках любовь за душу перевела в душевную любовь, убрав во мне многое зло, которым я защищался от зла, мне причиняемого; я пересмотрел свою жизнь, ещё раз поразмышлял о культах в ней, о погонях за силой, но понял благодаря Свете, что *настоящая сила находится не в теле и не совсем в воле, но в умении отказываться от того, что приносит тебе удовольствие или страдание, в умении не жить чужой жизнью и не жить так, как побуждает нутро, которое далеко не каждого побуждает к здоровому; сила — это умение возвыситься над животными чувствами, над инстинктами, стереотипами, механизмами психической защиты, смирившись со своей судьбой, с настоящим положением вещей и обернувши неимоверную волю против неё самой, заставить себя не бороться всеми силами, но не желать бороться, пусть нет в этом блага с точки зрения истории, с точки зрения окружающих и тебя самого, ибо это — становится второстепенным.* Были женщины, которые сломали мою жизнь, разбили её, но появились те, которые осколки не собрали вместе, а грубо сплавили, чем не вернули мне жизнь, но возвысили над жизнью. Они научили меня любить без ревности, любить не ради себя, подавить гордыню и злобу, не получив ничего взамен; и я любил каждую из них, одновременно, глубоко, пусть ни одна не поверила в возможность этого; я любил чисто, без злого умысла, не зная эгоизма, пусть каждая отвергла мою любовь, ко-

торуя сама породила. Но я — не знал обиды отныне, но умирал медленно, стараясь не затрагивать других и смириться с тем, кто я есмь.

В своих помыслах благородной направленности я исключил жажду власти и гордыню, поняв опосля, что не так всё худо, как я навязывал себе; мир не нуждается в радикальных мерах, за которые я выступал, да и нет причины пытаться нарушить цикл, который повторился уже много раз и который мудрее меня; а в личной жизни пришло осознание, что счастье мне недоступно, а поиски его обречены закончиться страданиями; зато счастье можно дарить другим, а мир в таком случае станет гораздо лучше. Конечно, глобальным улучшениям не будет места, покуда Дьявол — князь мира сего, покуда есть воровство, алкоголизм и преступность, что суть проявления одного и того же процесса, которому имя — дегенерация. Велиал не ушёл, ведь изгнать демона можно лишь семью другими, но — этот демон был усмирён и подчинён высшей ценности, то есть Духу Святому, и разуму, ведь лучше он будет бороться с Сатаной тогда, когда это нужно, не обращаясь при этом против себя самого.

и снаружи...

*Все в мире выясняется только при посредстве
сравнительного метода. Часто мы бываем
несправедливы к людям потому только, что по-
лагаем, что хуже их не может уже быть.
А на поверку оказывается, что природа в этом
смысле неистощима.*
М. Е. Салтыков-Щедрин

Велиал проснулся в Ване на фоне оскорбления, нанесённого — что очень важно — совершенно несправедливо, по его мнению, поскольку не делом Андрея было лезть в его личные дела; всё произошло из-за той самой Ксюши-лесбиянки, которая была не только тупой, что ей бы простилось, но ещё и весьма горделивой, уверенной в своей правоте и любящей делать такое выражение лица и такой тон голоса, как будто это ты — полнейший дебил, а она нормальная, что Ваню уж бесило чуть ли не больше всего. Право, Ксюша не виновата в том, что родилась таким выродком, не виновата в своих качествах и желаниях, но у любого человека всегда имеется выбор относительно своих действий, а по ней было видно, что от слабоволия она даже не стала выбирать, а такие люди вызывали ненависть у Вани уже долгое время — и гораздо раньше тех дней, когда тот начал меняться духовно, ведь, даже занимаясь спортом и везде проходя в первую очередь испытания своей воли, он научился видеть значение этой силы и ничтожность тех людей, у которых она — ничтожна; посему Ксюша, как и Андрей, вызывали у него неприязнь примерно всегда; исключениями были токмо такие моменты, когда незаслуженно сексуальная Ксюша (ведь ради сексуальности парням приходится тренироваться, а девушкам — иногда достаточно регулярно гулять або вообще ничего не требуется) начала флиртовать с ним, принимая образ животного и пробуждая зверя внутри него; забавно, что в качестве животного, как бы низкого и в человеке зачастую порицаемого, Ксюша оказывалась в разы приятнее, нежели в облике пародии на человека, когда она пыталась играть умную блондинку, ограничивалась подростковым мыш-

лением «лишних людей», неформалов и других отбросов общества, а также несла, как говорят про «шкур», антинаучную хуйню. Собственно, по многим признакам Ксюша была лесбиянкой с лёгкой или даже средней степенью дебильности, имела маму-лесбиянку, а лесбиянки — если они не открылись в этом себе — почти всегда суть проститутки, которые либо прямо работают за деньги, либо просто отдаются всем, либо вступают в браки по расчёту, либо убивают себя, либо ещё что-нибудь, но нередко признаки, которые тяжело выделить, мужчине бросаются в глаза и тотчас формируют сильное мнение о человеке, хорошее или плохое; это называется нутром, природным чувством, кое большинству животных приказывает убежать при приближающейся катастрофе, а некоторым людям — остерегаться других людей, людей с «гнильцом», которые единственно ломают жизни; однако, это чувство не всегда в наш век работает правильно, понеже болен мир, зане болеют люди; но даже у самых больных людей, если их природу подкрепить теорией природы, сие чувство может заработать правильно; необходимое условие — наличие чистой совести и готовности принять такие знания, которые должны переворачивать жизни; а Ксюша не относилась к таким, то есть лгала самой себе и жила во лжи наряду с механизмами психологической защиты; оттого она не была настоящей женщиной, да ещё, не будучи, своими качествами не заслужила отношения к себе, как к женщине, поэтому Ваня, как подлинный феминист и борец за равноправие, не был остановлен общественными предрассудками и без колебаний пару раз толкнул её в шершавую стену, не имея цели причинить большой вред, но желая единственно заткнуть; хотя, если бы он имел возможность возвратиться в прошлое, непременно бы врезал ей по-настоящему, но прошлого не исправить. Он считал себя вправе сделать с ней и гораздо более серьёзные действия, но на более серьёз-

ные не имел желания, а совершённые — вообще никак не учитывал: всё случилось по справедливости. У Андрея же на фоне блядских отношений с Ксюшей (а они всегда были какие-то блядские) под воздействием гомосексуальности вдруг разыграл бред ревности, а потом — агрессия, в чём и заключилась причина его нападения; конечно, в оправдание он нашёл рациональную причину — оскорбление, да только Ваня сам не помнил, чтобы называл Ксюшу шлюхой, так как в этом не было необходимости: получилось бы очевидное тождество, которое и так всем понятно; Андрей мог назвать ещё и зависть Вани, но никакой зависти и быть не могло, поскольку, во-первых, завидовать было нечему, во-вторых, Андрея Ваня не считал за конкурента и, в-третьих, Ксюша была такая убогая, что через короткое общение с ней даже секс на один раз всё больше казался не стоящим того, не стоящим усилий. Нет, всё сводилось к ревности Андрея и его желанию почувствовать себя сильным; никаких причин не имелось — были лишь поводы, поэтому и нападение Ваня счёл за реальное нападение, а не как месть; а это уже кое-что значило. Наверное, этот короткий эпизод не значил бы ничего, коли не произошёл бы он в день экзамена, на людях и коли б не закончился для Вани сильным отёком на щеке, который значительно уродовал лицо и был очень не к месту в последующие три дня; простое совпадение: важные планы, удар не в то место, тщеславие — они сделали ситуацию такой, хуже которой могла стать только поножовщина.

Ваня переполнялся ненавистью в ближайшие недели, но ненависть прошла; быть может, она бы и навсегда исчезла бы, если бы с этим Андреем не пришлось встретиться в скором времени, ибо он одноклассник, которого могли бы и отчислить, но встречу сие не отменяло; ожидание этой встречи как раз терзало Ваню, но он решил отложить проблему до того дня, когда она не станет насущной; вместе с тем, после припадков ненависти Ваня ловил себя на физическом вожделении к этому женподобному дрыщу, который много выёбывался и был достоин хорошего изнасилования. Прошло время; Ваня об этом забыл, но ненависть ушла в глубину его психики и оттуда стала руководить некоторыми расщеплениями и искажениями личности, отчего в первую очередь Ваня пожелал стать качественным животным, а на этом пути нельзя обойтись без секса — да и глупо избегать его, избегать ещё одного и наиболее приятного греха, покуда более серьёзные вещи Ваней допускались.

Ваня стал искать себе партнёра, но на самом деле он уже часто делал так в прошлом и успехов не добивался, поэтому решил, что в этот раз так будет, поэтому искал понемногу и только для какого-то успокоения и самоутверждения; возможно, он не так уж и хотел секса, но правды насчёт этого никто не узнает. Так, он искал и искал, но всегда натывался не на нравственно грязных людей, против которых в связи со своей проблемой ничего не имел, но — на самые отбросы, на девушек, которые играют, а затем идут любить своих парней фальшивой любовью, которые многое обещают, а потом резко переключаются и уходят, потому что совесть у них нечистая. Но среди всей этой мерзости наш герой нашёл кое-что

особенное.

Дни уходили, проходила жизнь, всё свободное время Ваня не проводил в радости, но искал радость, искал людей, которые могли бы помочь ему хотя бы своей близостью, жизнью, добротой, но таких не находилось; это вызывало огорчение и грусть, но не ломало его надежд, посему изо дня в день наш Ваня искал, и искал, и искал, покуда не нашёл человека, который возвысил его, который заставил возвыситься; звали этого ангела Светой. Нет, Света не была ангелом в традиционном понимании, но некогда успела согрешить немало, однако все мы не без греха и без греха не рождается никто, а кто-то даже рождён для греха, причём людей таких уж много, но Света, будучи одной из таких, смогла очиститься и тем показала пример для Вани, вдохновила его, вызвала гордость и без слов и намёков побудила задуматься о себе самом и о своей сущности. Света нарушила его отношение к себе, указала на слабость, которую сам Ваня считал неизбежной и роковой силой, а именно это указание вызвало преображение в нём.

Света, которую он с тех пор стал называть «душой моей», была старше на пять лет, успела побывать замужем, развестись, испытать трудности развода, пережить падение нравов и перемены в собственном восприятии мира нашего, но она была доброй и солнечно, как само солнце, которое, бывает, после прохладного утра может неожиданно ослепить, опосля медленно согревать, притягивать внимание к себе, уводя оное от неприятного, а в конечном итоге — безотчётно и невидимо принося радость в жизнь путника, кой случайно окажется на пути его лучей; и именно такой была Света, которая приняла Ваню настоящим, когда никто не принимал, и увидела

его таким, каким он сам себя не знал; Света не обращала внимание на его достаток, на внешность, на амбиции и на недостатки тоже; Света не использовала его в своих целях или из садизма, не пыталась эксплуатировать, не искала ошибок в его действиях — и не пыталась провоцировать появление ошибок, как это делают многие женщины, но показала ему новый мир внутри человеческой души, смогла передать тепло собственного сердца и научила любить не половыми органами и не изъяснами в человеческой голове, а таким сокровищем, которым и не каждый обладает, в которое не каждый верит и далеко не каждый которое будет ценить; эти слова — о душе; любовь у них была душевной, несмотря ни на что. И в этой любви Ване не хотелось спешить, не хотелось докапываться до прошлого и оценивать всё с известной точки зрения, поскольку всё покрывала любовь и в сравнении с этой любовью уже ничто иное не имело значения; Ваня не ведал о Свете многое, но всё-таки простил её абие¹, хотя никого доселе простить не мог и не умел, ибо дух бесовской изначально указывал ему ненавидеть всех и отвечать злом на зло, гневом на гнев, обидой на афронт и предательство, что не было бы чем-то худым, если бы не разрушало его самого; надо думать, лишь это разрушение, проявившееся в подростковом возрасте суицидальными мыслями и культом Икара, породило всё остальное, ибо Ваня не убил себя сразу и не сумел победить себя ещё долгое время, пока не помог ему случайный человек, ставший другом. Ваня стал чувствовать иначе, возжелал нести счастье не себе, но этому человеку, возжелал счастье ей, за что начал бороться; Света же вовремя заметила сию перемену и од-

¹ тотчас

ним словом восхвалила его так, как никто и никогда не смог: она назвала его рыцарем. Право, наш рыцарь вёл борьбу в своём сердце и всегда придерживался каких-то вечных ценностей; борьба же шла между Богом и Дьяволом; он знал их обоих, но должен был сделать довольно трудный выбор между тем, к чему влечёт его ВСЁ, и тем, куда стремится абстрактная субстанция, душа, в которую он верил и порождал своей верой которую; и выбор был сделан...

Долгое время Ваня лгал себе, блуждал вокруг истины в поисках её, порой даже выдумывал и изворачивал правду так, как было ему выгодно, но это прекратилось знакомым механизмом психологической защиты, кой заключается в возвышении себя над другими за счёт имени у себя такого сильного качества, какое мало кто способен себе позволить иметь: сперва Ваня гордился силой тела, потом он заметил нечто большее и более возвышенное в себе — силу воли, но и сила воли показала себя отнесенной и производной из качеств, плохо поддающихся оценке; в те же дни начался культ силы, и до недавнего времени этот культ силы выражался в умении говорить правду другим и самому себе, причём не утаивать в первую очередь ту правду о себе, которую любой на твоём месте бы постарался забыть и оправдать, этим проявив слабость. К появлению Светы, к появлению света в своей жизни Ваня был дегенератом, но шёл против Сатаны, пусть не головой или душой, но таким же сатанинским влечением; внешне он шёл против зла и творил дело Божье, но при этом кормил своего Велла и в делах своих по какой-то причине уж решил не иметь союзников и от Бога обособиться; причина эта называется гордыней; и Ваня осознавал это (за что и похваливал себя), но осознанием и признанием — ограничился, не став бороться; он решил, что люди праведные действительно необходимы обществу для поддержания

жизни, но они не создают жизнь, а жизнь вместе с обществом должны сперва создать как раз подобные ему — или это себя он считал подобным им; тем самым, Ваня возгордился и решил действовать радикально, показывать свою силу и не обращая внимание на риски сделать хуже и на то, что, во всяком случае, его успех или поражение не возымели бы смысла в границах истории и вечности; грубо говоря, Ваня захотел уничтожить римскую болезнь, которая Богом же была послана с определённой целью; и не ведал он, что руководила им слабость, которая скрывалась под маской силы; им правили разрушение и саморазрушение, которые рождали агрессию и волю, и воля его была направлена лишь в одну сторону и им, увы, не управлялась. Но Света, увидевшая рыцаря в глубинах его души, призвала совершить подвиг, самый трудный подвиг в жизни каждого — отказаться от желаемого; и в этом была настоящая сила, которой окончились все ошибки его юности. Тогда Ваня позабыл гордыню и смирился. Здесь кончается его история.

Но точно ли она заканчивается так просто и так быстро, будучи далеко не простой и весьма длинной? Ведь никто не гарантирует, что Велиал пропал и больше он никогда не проснётся вновь, будучи наиболее сильным и наиболее твёрдым существом из всех, которые могли Ване встретиться; куда вероятнее, что при новой проблемной ситуации Ваня добровольно обратится к этому Велиалу за спасением, ведь именно в Велиале скрывается та спасительная бесчувственность, которую неплохо бы приобрести обычным людям, всю жизнь отдающим на пустяки и умирающим всю жизнь от то ли недовольства, то ли разочарования, то ли — от надежды. И секрет Велиала прост: это — злоба всех родов к тем, из-за кого жизнь человеческая не может стать нормальной вновь; и для того, кто понимает ЭТО, злоба всегда найдёт своё место и всегда будет достаточно сильной,

чтобы выполнять предназначение, о котором говорится тут.

Нет, Велиал, ты не прав: уж многие дегенераты, а в особенности те, кого ты ненавидишь, действительно заслуживают смерти, но нечто большее факта смерти имеет значение только для тебя; конечно, их дела злы и мерзки, поэтому и следует истреблять сей народ, дабы дела свои он более не повторял, однако нет смысла убивать их так, как алчешь ты, понеже это ДОПОЛНЕНИЕ не исправит проблему, никого не напугает (а в случае страха лишь помешает глобальной цели), не предполагает даже огласки в твоих глазах. Ты был прав, убивая, но виновен в гордыне и лжи, ведь приносил им страдания не ради исполнения цели, но для собственных похотей и садистических желаний своих. И ты понесёшь наказание, будучи добрым, ибо доброта твоя была недоделанной, а сам ты не отличался от тех, кого называешь злом.

«Я — Велиал! Азъ есмь демон злого, но я неизбежно несу добро! Я совершаю преступления, чтобы преступлений больше не происходило! Я — самый сильный из всех и до бессмертия живучий, ибо нет ничего сильнее саморазрушения, а я — оно самое во зле! Азъ есмь змий, кусающий себя за хвост! Я смерть, существующая ради жизни. Я — ангел, вынужденный пасть и потерять себя во благо здоровому обществу, во благо людям! Я всегда был и всегда буду, ибо я призван зло приносить злу и злу во зло! И я призываю одуматься каждого — и встать на мою сторону, ибо кто не со мной, тот против меня! Я обращаюсь к вам, Люцифер, Сатана, Асмодей, Бафомет, Бегемот, Левиафан и Мамон! Я призываю принять мою сторону в правом деле, иначе оно обернётся против каждого из вас!»

Часть шестая. Грешник святой или грешный святой?

*Кто проповедь читать намерен людям, тот
жрать не должен больше, чем они*
А. С. Пушкин

Не пусты нисколько сомнения по поводу того, что чудесное перерождение нашего героя не могло произойти так внезапно и почти попусту, особенно если учесть, что из большого грешника, самоубийцы, уголовника и разрушителя он вдруг стал практически святым человеком, безо злых помыслов и худых эмоций — вовсе нет! В подобных вещах перемены не бывают столь мгновенными и не обходятся (в случае существования) без жизни в образе «грешного святого» или «святого грешника», пусть в подавляющем большинстве случаев невыразимо трудно дифференцировать сии понятия; святым Ваня стал лишь в своей голове и токмо на суги-двое, поскольку становился святым он, исходя из того же культа силы, из желания быть сильным или, скорее, казаться сильным, то есть имел жажду предстать перед окружающими каким-то особенным человеком, заслужить внимание и уважение, что вне психологии называется истерией; выходит, Ваня не мог стать по-настоящему святым, потому что желал этого только для себя, но не стал выше этого, как хотелось ему. По этой причине святость Вани сломалась в тот момент, когда на её появление люди стали реагировать куда более отрицательно и неблагодарно, хотя причина такой реакции осталась неизвестной, увы; но следующий эпизод жизни начинается с того, как с нарушением перерождения у Вани закончилась интермиссия, то есть он не смог вернуться назад, но заболел той болезнью, которая ранее спала. Маниакально-депрессивный психоз.

Неизвестно, когда началось это заболевание, но в жизни Вани оно оказалось самым серьёзным, несмотря ни на какие другие; возможно, сие началось

при знакомстве с Викой, когда первая встреча, совсем не значимая и ничем не особенная, вдруг пробудило в нём нечто маниакальное: сразу после встречи Ваня случайно встретил приятеля, кой знал его ещё Icaros-ом и, кстати, был свидетелем одной из главных травм его; они прогулялись с собакой не более часа, ни о чём уж важном не поговорив, однако после этой прогулки, когда Ваня вернулся домой, ему пришлось стать жертвой навязчивых мыслей о Вике, а мысли сии внезапно стали отражаться на теле, вызвали небывалый прилив сил, гиперактивность, ускорили мышление и подавили чувство голода до такой степени, что от кружки простоявшего немало времени чая Ваню затошнило, хотя он — не ел весьма долго и должен был иметь большой аппетит к тому времени; дабы умерить неожиданные и нежданные силы, Ваня занялся тренировкой, но помощь от этого не была ощутимой, да и ничто не помогало больше, кроме — как он думал — новой встречи с тем объектом, кой стал причиной его перемен, перемен в нём; на следующий день его состояние ухудшилось, поскольку маниакальный эпизод, прилив сил и радости, вдруг со стороны психики обернулся тоской, депрессией, меланхолией, но при этом негативные и саморазрушающие чувства за счёт маниакальной фазы — усиливались, и, казалось, для их искоренения необходима физическая работа, для которой и силы есть, но, увы, работа никак не помогала, а силы восстанавливались достаточно быстро, поэтому Ваня мучился и мучился в тоске, которую ничем нельзя замять, приглушить, заместить; иными словами, его психоз начался мгновенно и сразу с серьёзного — с меланхолического раптуса. Вероятно, что встреча с Викторией действительно исправила бы всё, но никакой встречи не случилось: Вика непрестанно была чем-то занята, работала, гуляла с кем-то, о чём Ваня для своего спокойствия решил не знать подробно-

стей; и конечно, Вика слышала его слова, но несколько не верила им не воспринимала их как значимые, посему и встречаться не спешила; поэтому, пусть на словах Ваня был ей лучшим другом, их следующая встреча произошла почти через месяц, отчего и болезнь в Ване этот месяц прогрессировала; и верно было — встреча всё исправила, но исправила лишь на короткий срок, а после — всё вернулось с большей силой и ещё пуще требовало своего прекращения; но сценарий не изменился: мучения ничто не останавливало, а Вика ни во что не верила, поэтому ещё месяц болезнь прогрессировала, хотя легко могла уйти после обычной, но длительной встречи, однако на то Вика не дала снисхождения. Потом время шло, а Ване становилось хуже; затем Вику пришлось отпустить, но сие не помогло, зато течение психоза изменила в сторону депрессивной фазы или даже всецело перевело в неё; наверное, после встречи с Юлей ему стало лучше, да Юля оказалась ведьмой «с гнильцом», начала приносить одни страдания, но ввиду особенностей своей психики Ваня постоянно акцентировал внимание на лучшем, что у них происходило, всегда думал о хорошем, запоминал прекрасное, но это привело его не к счастью (вопреки мнениям женщин, которые советуют везде искать добро), а к пущим страданиям, поскольку за ЭТО ХОРОШЕЕ Ваня привязывался к человеку, которому был чужд и который сам вскоре стал ненавистен нашему герою, а покинуть его и забыть — не мог, пусть этого искренни желал и видел для этого уж много причин и поводов. К концу отношений с Юлей у него уже длительное время не случалось маниакальных эпизодов, но вся жизнь — была сплошь депрессией, не которая чередуется с интермиссией (здоровым состоянием психики), но которая колеблется лишь своей силой; в этот период Ваня встретил Арину и многое переоценил, изменился, стал мудрее и устой-

чивее, однако никак не мог искоренить депрессию, которая казалась уже смешной и абсурдной; поэтому он страдал; но, к счастью, через несколько недель и в один день Ваня наткнулся на двух девушек комплекции одной, комплекции здоровых самок, но и духовно красивых, которые за полчаса беседой несерьёзной его... вылечили. Но временно, конечно.

Как непонятен повод для появления болезни, встреча с Викой, на которой ничего не случилось (формулировка верная), так и повод для временного исцеления какой-то странный и как будто несущественный, ведь и солнечная Арина давала ему те же эмоции, но это не помогло, а Настя и Стелла (те самые красавицы), тем более, в скором времени сбежали по неназванным причинам, но этим хуже не сделали, как и Наташа не сделала хуже в своё время. А хуже — сделала Света, которая сперва назвала его рыцарем и направила к духовному перерождению, но это же перерождение меньше всех заметила и оценила негативно; и хуже произошло тогда, когда и донельзя тёплое общение по её инициативе изменило курс в противоположную сторону; Света начала «испытывать мурашки от его слов», эмоционально реагировать на каждую мелочь, желать его — телесно, то есть в сексуальном плане, а в общем — стремительно влюблялась, причём таким образом, с каким не встречалась: и только за тело, и только за душу, и только за отношение, и за ум, ведь по каждому из этих пунктов Ваня был весьма притягательным и был достоин любви, но очень необычно встретить святого душой человека, который не врал себе, не был свят от тупости, но и в плане развратном имел большую ценность; а влюбиться в такого — было даже преступлением, ибо, как казалось Свете, грешно совращать святого и мерзко грешные отношения делить со святостью; возможно, не в этом суть, но факты в том, что для большинства девушек Ваня не был мерзким,

но был красивым и умным, порой слышал комплименты по поводу пухлых губ, спортивного тела, приятной речи, доброты, иногда — и за юмор, но в итоге никому он не был нужен, этот Ваня. Вполне вероятно, что Света решила избежать ответственности за нечто, что сама придумала, поэтому на пике их общения ушла, захотела уйти, но Ване это принесло — боль, хотя не сильную, но всё-таки какую-то особенную, которая прервала его трёхнедельную интермиссию; а заключалась боль в том, что Света, с которой Ваня и не планировал ничего дальше общения, вдруг захотела уйти, тем самым и общение прервав, и, очевидно, **ВОЗМОЖНОСТЬ** продолжения отношений, а отнятая возможность стала последней чертой; и Ваня заметил, что наступает депрессия, когда ему отказывают в чём-то важном, даже если воплотить этого в жизнь он не собирался: когда Вика безальтернативно отказала ему в любовных отношениях, кои Ваня всё равно не видел в ближайшем будущем, началась депрессия; с Юлей же отношения начали приносить наибольшую боль тогда, когда она захотела уйти в ближайшее время, уж очень с этим спешила, хотя Ваня прекрасно понимал, что у них не получится ничего и искал уже замену, но именно угроза формального расставания стала причиной глубокого сплина, хотя расставание фактическое уже давно имело место; и Ваня просил Юлю просто не уходить от него формально, пусть не общаясь с ним больше, а Юля сделала вид, что исполнила его желание, тем самым дав две недели спокойствия, которое было прервано лишь новостью, что Юля говорила ложь и на самом деле уже давно ушла, что больше он не сможет ей писать, хотя и не писал уже долго и не собирался писать. Порой человеку не нужно счастье, чтобы жить, но жить весьма тяжело без **ВОЗМОЖНОСТИ** стать счастливым; он может спокойно проводить дни, возможностями этими не пользуясь, но при потере таких возможностей жизнь

его начинает рушиться, сперва в его же голове, а потом и в действиях; в частности, он может не писать своей девушке и жить спокойно без неё месяцами, но как только девушка уйдёт и, между прочим, ничего не изменится, человек вдруг станет волноваться и страдать, потому что возможность утрачена.

Ваня стремился освободиться от мирского и стать выше всего, что он считал значимым, но зверь внутри и дьявольское проклятье чувствовать слишком много — не позволяли ему этого; при общении со Светой Ваня стал ловить себя на мысли, что желает от неё не только духовной любви, но и плотских чувств, о которых он уже грешил в мыслях; Ваня начинал задумываться, с какой любовью он крепко прижмёт её к себе и с как нетерпеливо будет отыскивать её губы своими, как долго, нежно и горячо он станет целовать её, затягивая язык и много кусая ей нижнюю губу своими губами и зубами, а затем опустится ниже, всё это время слегка касаясь её кожи, дабы потом впиться в шею и дыханием горячим возбудить её настолько, чтобы соски затвердели в его руке и чтобы от рта этой прекрасной жертвы послышался возбуждённый выдох, который стал бы сигналом к дальнейшим ласкам, до которых и в мыслях Ваня не добирался, поскольку животное влечение к Свете было у него, как ни странно, здоровым, без голода и нетерпения, хотя имелось, всё же, и вызывало этические сомнения в своей... благородности или обоснованности. Но они были, поскольку являлись составной частью его, пусть не самой приятной, но жизненно необходимой, ибо подавление этой грани его психической деятельности приводило только к вегетативным проблемам и не оказывалось вечным никогда. Подавление влечения означало бы смерть, но в противном случае появлялись порой муки совести, а иногда в нём просто брала верх новая личность, которую контролировать было нельзя. И что же делать в таком случае?..

К счастью превеликому, в один момент Светлана во-

все и тотчас перестала интересоваться Ваню, поскольку увидел он в ней — явную преступницу и проститутку, хотя на словах она не казалась таковой; но выдавало Свету её бессознательное, которое сами интонации голоса снова побудило быть столь специфическими, что небольшой опыт Вани позволил мгновенно понять сущность этого человека: Света была врождённой проституткой, поэтому изменила мужу, ничего не чувствуя и обвиняя лишь его, а с тех пор она не очень редко стала спать с малознакомыми мужчинами, не видя в этом ничего греховного и оправдывая свою похотливость единственно тем, что занимается сексом она только ради бурных эмоций и — далеко не с каждым, ибо имеет небольшие критерии, по которым некоторых мужчин всё же отсеивает; она была уверена в том, что готовность спать лишь с мужчинами какого-то круга уже отрицала проституцию; она была уверена в этом, но почему-то не умела доказывать свою правоту и непрестанно избегала споров, приводя при первой же опасности типичное иррациональное «я не шлюха!», хотя часто она кричала об этом, когда опасность была лишь кажущейся, то есть — для других беспричинно, невпопад, чем лишь давала повод подумать над этим вопросом. На самом деле почти никто не называл её шлюхой или как-либо иначе, ибо человеком Света казалась хорошим, но она сама считала себя таковой или почти таковой, что не нравилось ей и ею всегда отрицалось, ведь для людей это — типично; то же самое казалось её низкого уровня интеллекта, который другим замечался далеко не сразу, но о котором Света невпопад напоминала фразами «думаешь, я тупая?!», «что я, туплю?!..» и т. п.; между прочим, через время эти два качества оказывались настоящими, поэтому все новые знакомые уходили от Светы, что было справедливо не потому, что она грешница, а потому, что эти не сильно значимые недостатки она яро отрицала и гиперболизировала, сво-

дила свою жизнь лишь к ним, чем умаляла все достоинства, которые некое место имели. Проблема Светы заключалась в том, что она была малоразвитой и не могла жить серьёзно; более-менее умных людей она попусту обвиняла в предвзятости, поспешных выводах, нетерпимости и прочем, но на самом деле так проявлялась её психологическая защита: в действительности Света строила себе преграды для успокоения, свои недостатки бессознательно проектировала на других, а потом уже обвиняла других, ненавидя в них — себя; так происходило раз от раза, чтобы в итоге виноватыми оказались окружающие, люди не идеальные, безусловно, а Света — дабы была всегда права; когда же Ваня раскрыл её поведение и начал критиковать, Света стала испытывать какую-то боль, но боль эта происходила не от Вани, а от её же ограниченности; Света не хотела стать лучше, поэтому страдала, будучи замкнутой в своих предрассудках; она общалась с людьми ниже своего уровня, довольствуясь небольшим превосходством над ними и убеждая себя, что такая жизнь ей нравится; а когда ей удавалось уйти от повседневных проблем (в чём не обходилось без секса и алкоголя), она называла себя счастливой, но счастье это было лишь стойкой иллюзией, которая могла бы продержаться с десятков лет, но обречена была исчезнуть вместе с молодостью этого существа, чего Света не видела, ибо Света видела лишь собственное мнение, а чужие поступки и статики искажённо воспринимала через него, что-то не принимая во внимание, что-то неверно интерпретируя. Но если эта система давала сбой, то Света применяла уже поношенное отрицание, просто отвечая «нет» на всё, над чем ей следовало бы очень хорошо задуматься, ибо жизнь её на сих ошибках строилась.

Ушёл от неё и Ваня, с тех пор совсем не вспоминая маленький период своей истории, ошибку в котором ему не дал совершить опыт; быть может, в этом плане он уже

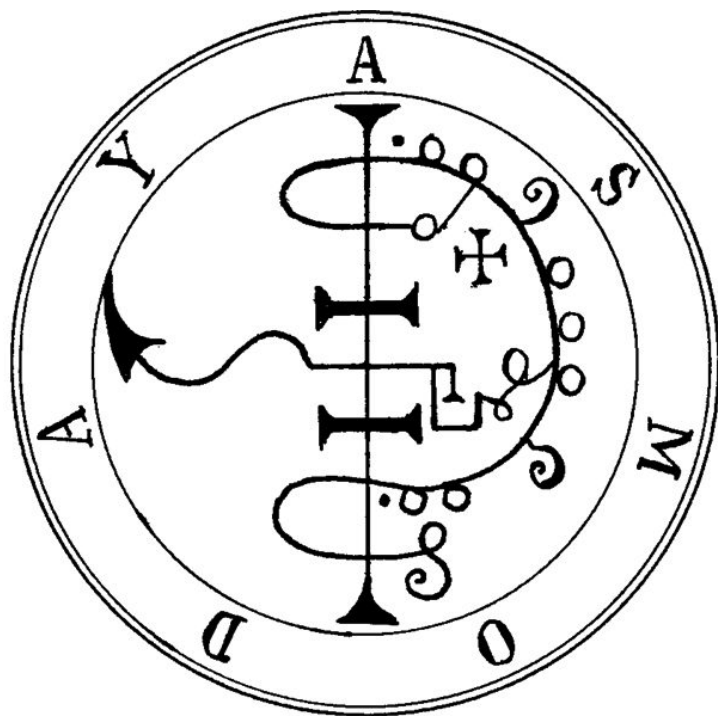
ошибок и не сделает, но ведь и не этим только проблемы в жизни ограничиваются... Он помнил, что уже долгое время разум его чист и стоит как раз на стороне верной, однако жил бес в его голове; это не был Велиал, которого утомили и направили не во вред организму хозяина, но жил ещё один демон, который имел власть куда большую, ведь опирался на телесные похоти и полностью туманил рассудок, побуждал приставать к девушкам, что-то обещать им, лапать и продолжать отношения любыми способами с теми, кто не представляет интереса и не имеет значения для туши нашего героя, ибо пуст иль прел; акцент упал на Асмодея.

Часть седьмая. АСМОДЕЙ

Ашмедай, или *Асмодей*, есть искуситель, блуд, ревность, месть и вождение, что в жизни его жертв означает зло под видом сексуальной жажды, исполнение которой есть вред для страдающих и психическое саморазрушение для действующих, а неисполнение — ведёт к физическим болезням, страданиям и медленной смерти. Ашмедай — это убийца человеческой личности, сластолюбец, ПРЕСТУПНИК, паразит и губитель человеческих судей, семей, родов; Асмодей — это бред ревности, мщение, измены, предательства и разводы, садизм, изнасилования, извращения. И цель его — утраченная жизнь без счастья, впустую отданная низ-

шему или последствиям борьбы с оным, ибо *смерть стоит за всяким выбором.*

В тот самый день случилось и Сарре, дочери Рагуиловой, в Екбатанах Мидийских терпеть укоризны от служанок отца своего за то, что она была отдаваема семи мужьям, но Асмодей, злой дух, **умерщвлял их прежде, нежели они были с нею, как с женою...**

Товит (3:7—8)

Ты еще не свободен, ты ищешь еще свободы.

Бодравлюющим сделало тебя твое искание и лишило тебя сна.

В свободную высь стремишься ты, звезд жаждет твоя душа. Но твои дурные инстинкты также жаждут свободы.

Твои дикие псы хотят на свободу; они лают от радости в своем погребе, пока твой дух стремится отворить все темницы.

Нищие «Так говорил Заратустра»

Борьба. Она проходила между духовным стремлением к святости и телесными похотями, которые с духом связаны не были и плохо импульсам воли подчинялись; положение усугублялось тем, что сей грех тела по существу своему был близок к естественным актам человеческой физиологии, к желанию спариваться ради размножения, порой не отличаясь от него, хотя никогда и никогда не возникал у Вани вместе с желанием иметь детей, ведь имелось, как раз, нежелание, патологическое, скорее всего, хотя тоже оправдываемое вескими разумными доводами, среди которых главным был — велиальовое отвлечение к социальным преступлениям и уверенность в том, что порождение заведомо больного ребёнка принесёт проблема в первую очередь самому Ване, а с его прошлым... размножаться не стоило. Вопрос возник

в том, какую меру сексуального влечения можно считать нормальной и неизбежной, какую — следует удовлетворять и которую — можно называть патологией — и что делать при патологическом влечении? Проблема же в том была, что зачастую нормальное влечение почти утолялось мастурбацией, но далеко не всегда — влечение оказывалось нормальным; а когда оно было ненормальным, оно не могло утоляться уж многими способами, включая и аморальные, зато при воздержании, требовавшем воли, для которой Ваня был подготовлен, демон Асмодей способствовал физическому ущербу, которая могла привести смерти; таким образом, возникал выбор между противным грехом и медленной смертью, а надежда на иное разрешение мала была ничтожно. И проблема сия — при углублении в себя — оказалась для Вани весьма давней, о чём стал мыслить, получив интересные факты...

Психика человека — чрезвычайно чувствительная субстанция, особенно в сексуальной грани и больше всего — в период полового созревания; и если она изначально имеет дефекты, то в этот период все её язвы неизбежно разрастутся; а если дефекты имеет и общество, в котором живёт этот человек, то разрастутся они ещё больше. Так потенциальные извращенцы с помощью недостатка любви, внимания, общения, свободы или секса — превращаются в тотальных извращенцев, преступников, маньяков — и деятелей искусства в том или ином виде; и наиболее лучших из них, которые в истории оставят немалый след, в жизни ждёт пропорциональная ему яма, разочарование, неудовлетворение, фрустрация и последующие психические расстройства.

Ваня начал мастурбировать в 16 лет, когда внезапно появившееся желание побудило его попробовать этот вид секса без партнёра, ожидая любой возможности и пользуясь любой возможностью; первые раз произошёл, когда никого не было дома, а Ваня нашёл кассету с первым «Американским пирогом», где есть пятнадцатисекундная сцена обнажения очень сексуальной девушки; и эту сцену он пересматривал раз за разом, при этом выжидая, пока видео проигрыватель (с его-то скоростями!) осуществит перемотку назад; так он пересматривал одну и ту же сцену, пялившись на обнажённую грудь, каких в жизни не видел, покуда удовольствие от прикосновения к головке члена не возросло внезапно, что окончилось эякуляцией, выбросом немалого объёма какой-то слизи, прозрачной и жидковатой, поскольку к тому времени сперматозоиды в его организме ещё не начали вырабатываться. Это было весьма приятно, поэтому Ваня не видел преград повторению мастурбации; с того момента его жизнь немного изменилась, ибо наш герой узнал об удовольствии достаточно сильном и легкодоступном; с тех пор он стал более активным и чуть более похотливым, поэтому чуть ли не каждое утро начинал с мыслью о мастурбации, с ожидания, с вожделения, думал о том, где достанет порнографические фильмы и как будет смотреть их, чтобы не осталось следов; и усиливалось вожделение именно ожиданием того, когда родители уйдут из квартиры и на какой срок; а при мастурбации он нередко дополнял возбуждение мыслями о риске, ибо вернуться родители могут когда-угодно, а вероятность того, что Ваня успеет услышать, надеть штаны и вытащить диск из DVD-проигрывателя за шесть се-

кунд — была небольшой. Мастурбация стала неким ритуалом и наградой, которую удавалось получить не каждый день, отчего она становилась слаще; но если она вершилась, то оканчивалась нереальным удовольствием, которого в последующем никоим сексом уже нельзя было достичь; она повторялась даже до пяти раз и была приятна ввиду разных условий, включая рисков; при этом сложно утверждать нормальность или ненормальность этого процесса, поскольку в погоне за удовольствием Ваня готов был смотреть всё, но в распоряжении имел лишь более-менее нормальные категории порно, поэтому никакие отклонения не мог в себе означать. Правда, был у Тинто Брасса фильм про бордель, где в одной из сцен мужик-проститутка сношается со старым геем, что для Вани стало лишь продолжением предыдущих сцен, не вызвало ни отвращения, ни усиленного возбуждения, хотя, быть может, ему было всё равно.

Потом ожидание... исчезло и перестало дополнять вожеление, поэтому Ваня уже не искал возможности «подрочить» по-прежнему и неохотно этими возможностями пользовался, когда оны появлялись, зато теперь каждый день (а иногда — больше одного раза) для известной цели наш герой уединялся в туалете — со своими похотливыми фантазиями, в которых занимался грязными делами с каждой одноклассницей и некоторыми учительницами, не обращая вовсе внимания на их сексуальность или полное её отсутствие, а в случае отсутствия — даже испытывая нечто большее простого возбуждения, то есть — вожеление от грязи. И так длилось у него, быть может, год или два, но каждый день он мастурбировал из достаточно малого желания и большой возможности, удовольствие от этого перестав испытывать; и что-то изменилось тогда, когда к его ограниченным фантазиям, уже повторявшимся, вдруг понемногу, поэтапно стали добавляться гомосек-

суальные влечения, мысли о том, как он шалит со своим приятелем (к которому в жизни вождения не испытывал) — в ванне, в постели его родителей, как они мастурбируют друг другу или вместе совершают половой акт с подушками, как Ваня учит его тому, чему сам научился, в качестве платы за это — пользуясь задним проходом этого худого парня; через время эта фантазия заменилась другой — групповым сексом между Ваней с двумя одноклассниками, где все для кого-то занимали активную роль, а для кого-то — пассивную; как ни странно, последняя фантазия стала такой навязчивой, что возникала и без желания мастурбировать, перед сном, на прогулке, при работе, при этом неотвратимо возбуждая. И привело это к тому, что Ваня начал осознавать свою — пусть частичную — гомосексуальность, а это не нравилось ему, должно полагать, не потому, что совесть грызла, и не потому, что общество людей таких не принимает, а родители — огорчаются, хотя и это играло роль, однако главным в неприязни себя стала именно ненависть к себе, а не общественная реакция, поскольку вместе с гомосексуальными влечениями Ваня испытывал большую страсть к женщинам, поэтому чтит себя и геем — недоделанным, и мужчиной — неполноценным; Ваня ощутил какую-то двойственность в себе, а это — породило страх, необъяснимый, иррациональный, перманентный, что побудило нашего героя в срочном порядке кончать со своим грешком. Это было ошибкой.

В один момент Ваня решил применить свою волю и вообще покончить с мастурбацией; он не пытался завести девушку (хотя и это было бы неверным), не ставил цель мастурбировать гораздо реже (пусть жизнь покажет, что и этого не требовалось), но решил дождаться лета, чтобы к его началу совершенно прекратить заниматься тем, что порождало такие неприятные для сознания мыс-

ли. Ваня был достоин уважения за то, что смог лишить себя почти что единственного удовольствия последних лет, именно отказавшись от него, не заменяя чем-либо альтернативным; к сожалению, судьба была зла: отказ от мастурбации сперва воспринялся нормально, но затем влечение стало расти, через неделю, неутолённое, слегка ослабело, но появилось такое ощущение, что часть, на которую оно ослабело, перешла в боль и день ото дня начала расти, покуда через время не привело к такому положению, когда Ваня боле не знал влечения, но каждый день (без часа-двух) испытывал боли внизу живота, которые иногда обострялись до приступа; стало как никогда ясным, что в дальнейшем лучше не будет, но непонятно было точно, отчего эти боли имели место, так как в тот же период у Вани начался культ Икара, кой не обходился без переедания и болей желудочно-кишечного тракта в связи с перегрузками. Серьёзно отчаявшись, Ваня всё-таки прибегнул к забытой мастурбации, но опосля неё боль токмо усилилась, хотя явно сменила характер и почему-то показалось убывающей; и через час всё прошло, но глупый Ваня ничего не понял и не осознал того, что подавление сексуального влечения может привести к очень опасным проблемам; но так он встретил Асмодея.

С того времени демон пожирал его, пусть появлялся далеко не каждую минуту, но напоминал о себе и периодически, и в такие моменты, когда это — больше всего вредило; Асмодей пробуждал в Ване похоть по отношению к другим людям, к одноклассникам, случайным встречным, подругам, когда те приближались к нему слишком близко — физически или духовно; помимо этого, Ваня больше не замечал за собой отклонений (быть может, за несформированной душой), однако и одного Асмодея было предостаточно, ибо духовно чистый, жаждущий любви, общительный и понимающий Ваня сам

нуждался в том, что был склонен отдавать людям, поэтому искал общения искал общения со сверстниками без какой-то пошлой подоплёки, без тайных целей и скрытых похотей, но всё это — непременно появлялось у него всякий раз, когда он чуть-чуть сближался с девушкой, которая ждала от него дружбу и поддержку, покуда Ваня, желавший предоставить это, уже перестал быть собою и обрёл новые и более примитивные цели, в которых не хотел признаваться себе и от которых никак не мог избавиться; его влечение росло по мере приближения к девушкам, пока они сами доверяли ему и ожидали перемен как раз в другую сторону; но они не видели, как всё меняется не по плану, поскольку сами не воспринимали Ваню всерьёз, вследствие чего не желали заглядывать ему вглубь, а также теряли бдительность от его игры в хорошего друга, ибо двуличные — суть самые прекрасные актёры; Ваня же играл из своей природы, безотчётно, не желая замечать это и беспричинно отрицая правду, которая в случае принятия изменила бы его мир, сразу подчеркнув проблему, которую всё-таки пришлось подчеркнуть теперь. С такими особенностями Ваня неплохо существовал несколько лет, не сильно страдая, ибо появлялась она лишь при близком общении с девушками, омрачала рассудок и приносила беды, но не так часто это общение случалось, чтобы обращать внимание на Асмодея, сопоставимое с культом тела, учёбой и всякими «прелестями» подростковой жизни; вечной была как раз проблема отсутствия девушки и возможности её завести, а не бессилие сделать её своей при возможности, ибо той не было. Тем не менее, Ваня испытывал неудачи и страдал от них: самая большая проблема произошла с Эллой, с которой он был знаком по спортивной площадке, в которую потом немного влюбился, но при близком физическом контакте эта влюблённость переросла в похоть, а похоть стала вожделением, из-за которого Ваня при

любой возможности обнимал Эллу спереди, стараясь ощутить упругость её малых грудей, или сзади, ведь за счёт роста Эллы его член удобно упирался в её ягодичцы, немного тёрся, наполнялся кровью и извергал секрет простаты в огромных количествах, что — его и погубило, так как Элла не сильно сопротивлялась его домогательствам, но никак не отдавалась, побуждая возбуждаться ежедневно и помногу, что в короткий срок загнало Ваню в больницу с подозрением на аппендицит, ибо болело внизу живота, но не вылечило, так как врачи искали проблемы ЖКТ, в котором те, конечно, имелись, но который не стал причиной столь серьёзных болей; такое же перевозбуждение Ваня испытал, всего лишь взявшись за руки с Яной, лесбиянкой и психопаткой, затем при общении с Настей Р., которое могло стать духовным, наш герой был побеждён грешными мыслями, в следствие чего стал вести себя странно, засим и другие происшествия случались, оканчиваясь для Вани в лучшем случае новым приступом воспаления, а общем — негативным мнением социума по отношению к нему, где он по праву считался странным и подвергался остракизму, что было неприятно, но что — между прочим — оберегло его и других людей от куда больших ошибок, мучений, страданий. А сам Ваня, имея беса, страдать был обречён.

Обречён на муки... До появления Вики это были лишь слова, смысл которых становился ощутимым токмо пару дней за пару месяцев, но жизнь показывает, что таким людям — без значительной помощи лучше не становится. Непонятно, что именно он чувствовал при знакомстве с Викой, но на короткий срок та показалась ему человеком, а не просто красивой девушкой, за что Ваня пожелал стать ей другом, пожелал помочь ей, спасти из того мира, в котором Вика находилась; но со временем Ваня узнавал об этом мире лучше, как и о Вика, а сама Вика перестала видаться жертвой обстоятельств, потому что и сама бы-

ла — с отклонениями и сама приносила боль Ване, что отрицала и не хотела замечать; Вика не была жертвой условий, но по своей психологии входила в число тех, кто такие условия как раз и порождает; будь у Вики полная свобода, она бы (Вика) всё равно загнала себя в те условия, в которые её загнала жизнь, но Вика не хотела признавать этого, зато из защиты обвиняла Ваню в том, что он не делал, а сделанное — утрировала, думая лишь о себе и не веря тому, что Ваня может испытывать куда большие мучения; она была холодна к нему и обвиняла его за отношение, выходявшее из этой холодности и неблагодарности, а в отношении таком Ваня, впрочем, был виновен, ибо Асмодей вернулся и охватил его вместе с очарованием Виктории, мешая с тех пор — не видеть в ней ценного человека, но не замечать и не придавать значение женщине в ней, женщине вполне соблазнительной, красивой, осторожной и самостоятельной; обычно, это девушка ищет дружбы в парнях, но лишь самые ненормальные парни способны не обращать внимание на то, что в их собеседнике есть женщина, поэтому, пока кто-то дружит, парни начинают надеяться на большее, прибегают к флирту и домогательствам, начинают открыто ревновать, почти во всех случаях в итоге попадая во friendzone-у, где ждут их дерби, достойные отдельной главы; Ваня попал в такую ситуацию с Викторией, когда они хотели только дружить; и известно, чем их отношения кончились. С Юлей же было совсем иначе, потому что Юля изначально оценивалась как девушка, а девушкой она была не совсем нормальной, что этот же Асмодей мешал увидеть; Ваня допустил великую ошибку, поцеловав её на первом свидании, понеже так — он привязался к Юле как к девушке, но вовсе не как к человеку, а с этого началось его болото, ведь виделась Юля с тех пор как какое-то чудесное создание, нуждавшееся в поцелуях и умеющее дарить тепло; но не в этом суть, а в том, что не всё у них было хорошо, что после одного из дней следо-

вало бы прекратить отношения, но отношения не прекращались, потому что долгое время Ваня не мог забыть, как кошка, места, ставшие благодаря Юле для него значимыми, но больше всего он не хотел забывать привкус её губ и мягкость талии, к которым имел доступ, всё-таки желая большего подчас, ведь похоть становилась в нём — главной и помрачала разум; но и Юля была недоступной, поэтому за свои мысли и суть свою Ваня к весне стал уж сильно расплачиваться типичными болями, но уже усиленными, которые заставляли уходить домой со встреч раньше времени и при больших мучениях, терпеть каждый метр дороги, затем как-нибудь вызывать эрекцию, когда всё болит, но и после извержения семени час или два мучиться дальше. Но потом похоть возвращалась с такой силой, ЧТО ВСЁ КАЗАЛОСЬ СТОЯЩИМ.

Это время прошло, но не исчез демон. Процветал маниакально-депрессивный психоз, отчего основная часть времени посвящалась либо терпению избыточной активности, что рождала энергию и жажду чего-то непонятно-го и безличного, либо пребыванию в депрессии, которая была настолько безысходной, что требовала не новых впечатлений, не любви новой, не возвращения уже утраченного, но лишь того, чтобы не становилось хуже, чтобы время остановилось, чтобы не следующий день не началась очень, ибо это означает — снова учёбу, видение одних и тех рож, давление преподавателей, изучение ненужного, конфликты с быдлом в группе, потерю дорогого времени и так далее; в этих условиях, когда безмятежность продлить нельзя, Ваня захотел найти хорошего человека, который мог бы помочь ему в борьбе с демонами и в совершенствовании, но не так это было просто, ведь есть Асмодей.

По непонятной причине этим человеком должна была стать девушка, так как парней Ваня воспринимал лишь как учеников или врагов, как бы ни было сие смешотворно, а в девушках, пусть всю жизнь лишь спотыкался, он потенциально видел большие сердца и добро, которое мог сам нести и в котором нуждался, хотя почти всегда это добро было лицемерным (потому что относилось только «избранным», никак не распространяясь на остальных) и в остальных случаях добром там даже не пахло.

Ваня решил испытать себя, и он предугадал такое испытание, когда Настя В. согласилась на встречу после довольно долгого общения; Настя не выделялась чем-то особенным, но после случайного знакомства вдруг сама

стала делать некоторые шаги, проявлять внимание к нашему герою, задавать вопросы, не забывая о нём ни через час, ни через сутки, как обычные девушки — всегда забывают, потому что и имеют довольно собеседников, чтобы не иметь времени думать о тех, кто посчитал нецелесообразным уделять внимание девушкам, которые сами ни в чём не заинтересованы и довольны собой. С Настей Ваня встретился в том месте, где уже не менее десяти раз побывал с Юлей; по каким-то причинам Юля стала испытывать отвращение к этому парку, а Ваня наш её совсем не понимал, поскольку парк, как и многие места их встреч, стал для него значимым, очень значимым, пусть далеко не каждая встреча там оканчивалась хорошим (если такие вообще были), пусть из-за этих встреч Ваня возвращался домой слишком поздно, чтобы не лечь спать сразу, пусть иногда им было холодно или голодно, а иногда — очень холодно, но каждая тропинка, где они прошли, и всякая дорожка, для которой они оставляли обратный путь, слишком хорошо запомнились Ване, чтобы любовь к ним или ненависть могли прекратить навязчивые воспоминания в виде картин, встающих перед глазами и вызывающих кое-что несопоставимое с любовью или ненавистью, ибо каждый из нас зависит от времени и многое растворяется во времени или легко претерпевает изменения, помимо — жестокой меланхолии по прошлому, по тем событиям, которые никак не воспринимаются в день своего действия, но с течением времени могут обрести ценность и стать поводом для тоски по ним самим; в сём заключалась основная причина, почему для встречи Ваня выбрал именно это памятное место, где в последний год он был только с Юлей и где не был уже целую жизнь: с одной стороны, он жаждал ВСПОМНИТЬ прошлое по местам известным, но, с другой стороны, Ваня алкал всё ЗАБЫТЬ, приглушить, смешать новыми впечатлениями, которые должна была предоставить

ему Настя. В то же время, Ваня боялся бывшего беса, который ещё до встречи тянул его ко греху, соблазнял расцеловать Настю и детально прощупать её бёдра, очень спортивные и упругие; можно и дальше описывать риски, но не так интересно это, как то, что всё-таки случилось: вопреки своим ожиданиям, Ваня не испытал к Насе большого и патологического полового влечения, поскольку она — по его просьбе, — многое рассказав о себе, серьёзно заинтересовала его с другой точки зрения, сразу даже отбив желание с ней связываться ближе, чем с другом, а это могло стать причиной для их дружбы без влияния Асмодея; всё-таки, ожидаемого испытания не свершилось, поэтому Асмодей остался в тех же силах.

Но, покончив с этим днём, очень полезно было бы узнать человека, который при чудесном характере и завидной внешности смог отпугнуть соратника Сатаны: Настя стала вторым ребёнком от своей матери, которая первого «нагуляла» от военного; отец же её был в браке с матерью, но по неизвестной причине часто избивал последнюю, что стало поводом для развода; сама же мать косит на один глаз, а про других родственников вообще ничего не известно; зато очень многое можно сказать о Насе, которая появилась после тяжёлых трёхдневных стимулированных родов, вылезла с пуповиной вокруг шеи, задушенной, но врачами была спасена; родилась Настя с невероятно большим букетом заболеваний, включая несовершенный остеогенез («хрустальный ребёнок»), порок сердца, искривление носовой перегородки, короткую уздечку языка (причина картавости) и другие врождённые дефекты, а среди генных болезней имея слабый иммунитет и аллергию на цитрусовые, шоколад, пыль, кошек и ещё пятёрку из самых распространённых; поэтому каждую неделю она болела чем-то из «простудных»¹, травилась, из-за одного из отравлений пережила анорексию, уже много раз ломала кости,

терпела вывихи, почему-то аж трижды попадала в аварию, а нормальной температурой для неё было 37.3 из-за патологий сердечно-сосудистой системы; но в жизни Настя была человеком радостным и активным, хотя поведение имела очень вычурное (истерия), часто проявляла агрессию без повода, желая пырнуть собеседника в живот своими когтями, а насчёт интеллектуальных способностей вызывала вопросы: она училась в педагогическом колледже, больше похожим на школу для дефективных детей, так как все там страдали отсутствием абстрактного мышления, учились очень плохо, не умели считать, любили играть придурков и ломать конечность во время физической культуры, но и это — целая глава, не имеющая прямого отношения к проблемам Вани и его интересам, в отличие от Насти; сия девушка и самого Ваню переплюнула. Это — один из редких случаев, подтверждающих высказывание: зараза стремится навредить здоровому организму, порой заражает уже заражённый, но никогда не сунется туда, где сидит зараза посильнее.

¹ заболеваний

Когда закончилась встреча, его маниакальная активность внезапно ушла, уступив место слабости и пассивности; температура повысилась, насморк вернулся и преследовал Ваню ещё несколько часов; надо сказать, что под конец встречи небо затянулось тучами, сильный ветер стал срывать листья с дубов и берёз и пускать песок в глаза, но это было даже на удивление приятно, поскольку было — нетипично для Вани, который ещё не приходил в этот парк при именно такой погоде, хотя он в разные времена приходил... Однако, остались прежними места, деревья ещё помнили его — счастливым, а высокая кирпичная труба непонятого происхождения всё так же стояла во лесу, рядом с новыми деревьями, придавая своему месту атмосферу мрачности, но вечно-сти, о которой Ваня часто думал с детства. Примерно об этом Ваня вспомнил, когда слабость отпустила его перед запланированным сном; прошёл припадок неврастения, исчезла тошнота и головные сенестопатии¹ прекратились, но фатальная печаль не исчезла с его глаз, как и депрессия на большинство ярких воспоминаний прошедшего года, даже если те не имели отношения к Юле, Вике или ещё кому-то; вновь случился меланхолический раптус, при котором Ваня понял, что лето — уже потеряно, что дальше его ждёт страдание, которое можно ишь уменьшить, решив проблемы внутри себя; Ваня решил вернуться к дому Юли, где они гуляли несколько раз этого лета; наверное, он хотел вспомнить большее или

¹ неприятные ощущения, возникающие будто в здоровых ткань, но имеющие причину в психических отклонениях

свыкнуться со своей судьбой, но главное — терять уже было нечего.

Ваня мог бы приехать к Юле в любое время, но желал это сделать как-нибудь вечером, ибо самые эмоциональные их встречи заканчивались тем, что к глубокому вечеру Ваня доводил её до домов, вёл по пустым тротуарам и переулкам, где с освещением имелись проблемы, затем они заходили на аллею, присаживались на одну из лавочек во мраке, чтобы отдохнуть, успокоиться и обняться, поговорить, перекусить или побывать в молчании; там же они не менее часа просидели на последней встрече, когда Ваня уговаривал Юлю всего лишь не уходить сейчас, во время обострения его психоза, дабы не доводить боль до беспредела, не усиливать страдания, которые и без этого значительно мешали ему наслаждаться жизнью и проводить каникулы в своё удовольствие; но Юля не дала на это согласие, но и не отказала явно, поэтому домой Ваня уезжал в таком состоянии, как будто он получил то, что собирался получить в день тот; увы, не домогаясь Юли две недели, как Ваня и обещал ей, он же обнаружил, что пребывал всё это время в иллюзии, поскольку — Юля покончила с ним ещё давно; он две недели ей не писал, не звонил, не страдая от этого, но как только узнал, что больше нет возможности этого сделать, впал в депрессию; и последние воспоминания о Юле касались того, как она подгоняла его, нашего героя, быстрее уж довести её, вызвать такси, уехать, не принимая на прощание, не целуя; но если б Ваня знал, что та встреча станет последней, он бы не обратил внимание на её капризы. Но Ваня не хотел вспоминать об этом, однако бессознательное принуждало его к воспоминаниям, не давала выбора, не спрашивая, не жалея; следовало бы съездить к ней, но, как на зло, то ливень начнётся, — то депрессия или неврастения, отчего приходилось откладывать. В День знаний обстоятельства сложились так,

что было бы удобным приехать к Юле после первого сбора, ибо погода благоволила — и время назначалось вечернее.

Не желая учиться вновь, Ваня не смог посвятить утро чему-то важному, ибо патологическое волнение одолевало его, мешала думать, концентрироваться, зато побуждало искать спасение в фильмах, которые он видел совсем недавно, но которые смотрел снова и с таким интересом, как будто сюжета не знал и чувствовал того, что вчера уже прочувствовал. Опосля Ваня отправился на сборы, где встретил многих старых знакомых, приятных, но знакомых он встретил не всех, поскольку самые отъявленные прогульщики решили даже первый день пропустить; к слову, ничего толкового и неожиданного им не объясняли, но лишь сделали некоторые юридические формальности, которые можно было б сделать и в иной день, но не так это важно: следующий год университет будет весьма часто отбирать у Вани дни ради бесполезных и лишней вещей, а он уж вынужден будет — терпеть, желая как можно скорее и раньше вернуться домой, желая выходной, праздник, которые он сможет потратить уже своей головой; многие спросили у него, как было проведено лето, однако Ваня подумал-подумал и понял, что самые большие каникулы — потерял на экзамены, работу или ленивые и бездумные лежания на полу в надежде, что скоро удастся с кем-нибудь договориться о встрече, но надежды не приносили плодов; неоспоримо, лет, в особенности последний месяц, Ваня ни на что не тратил, пребывая в страданиях по Юле и в меланхолии, которую никак не получалось изжить, но так бы он провёл и новый месяц каникул, если бы тот был ему предоставлен, посему он желал этого месяца, чтобы страдать и разбираться в себе, нисколько не желая отдавать свою жизнь учёбе. Настроение стало меняться, когда Ваня от университета направился домой к Юле тем способом, каким де-

лал это уже много раз; на последней трети пути он выключил электронную книгу и стал вспоминать неприятные и удивительные события, произошедшие с ним на местах, мимо которых располагался маршрут; Ваня вспомнил, как впервые встретил Юлю на одном перекрёстке улиц, как ему было холодно в тот день, в конце декабря, но как он ждал, пока она наконец-то не решит прийти, застав его уже простывшим; затем Ваня вспомнил дворик, где за полтора месяца до того они сидели вдвоём и где Юля предлагала ему расстаться тотчас, сильно и не вовремя надавив на больное; потом глаза Вани остановились на небольшой площадке, где свершилось первое объятие, а рядом находилось две лавочки, где в середине зимы чета распивала молоко, чтобы отсрочить голод и продлить встречу; засим он видел места, где они встретились в последний раз, а потом — такие места, в которых Ваня бывал очень часто, так часто, что мимолётный взгляд на них запускал презентацию воспоминаний, которых лучше б не было. Дорога продолжалась, а Ваня начинал задумываться о своём поведении, о своих чувствах, описывать которые было слишком трудно, ведь и выявить их — стоит сил и внимания; Ваня начал осознавать перемены в себе и некоторые причины, ставшие, с точки зрения Юли, поводом для их расставания: как ни странно, поводом стали эти демоны, Асмодей и Велиал, первый из которых провоцировал интересоваться девушками больше допустимого, даже при имении собственной девушки и даже — по отношению к собственной девушке; а второй демон порождал ненависть практически ко всем дегенератам, хотя далеко не всегда она того стоила, очень редко была обоснованной и почти никогда не признавалась самим Ваней и не считалась им — патологической, ведь всегда имели поводы для гнева или презрения; думая о последнем, Ваня вспомнил неприятную историю с Тимуром, его одноклассником, произошедшую за полгода

до этого: в кое-каком деле Тимур оказался неправ, но Ваня сразу свёл это к его сущности, к лёгкой дебильности, на что потом стал давать и гневаться излишне, наверное, обидев Тимура; вроде бы, никто не придавал этому значения, а после все вовсе забыли этот случай, но вдруг, в тот день, когда Ваня собирался разобраться в себе и должен был волноваться, он вспомнил не о Юле, но о Тимуре, понял свою ошибку и решил извиниться; правда, Ваня имел мысли, что сам Тимур уже всё забыл и не имеет ума понять всю глубину и причину его раскаяния, но Ваня думал недолго, а потом всё-таки решил извиниться; к счастью, Тимур стоял рядом. Полтора часа прошло; наш герой вышел из трамвая за остановку до конечной, узнавая все места вокруг; хорошо — показалось, — что не было жарко, что вечерело, а небо синие затягивали тёмно-серые, как его жизнь, тучи; Ваня шёл привычной дорогой и на каждом участке пространства рядом с ней видел не столько реальное, сколько прошлое, бывшее не столь давно и навсегда потерянное; он шёл к дому Юли мимо старых домов, мимо тропинки, где однажды сорвал мак, мимо пыльного поля и новых белых высоток, рядом с которым они так же шли в первый день, когда наш герой впервые сюда приехал; Ваня беспрестанно оглаживался и смотрел вдаль, слов отыскивая ЕЁ, подсознательно желая увидеть её живой, радостной, прежней, хотя вероятность того была ничтожной, да и не знал Ваня, живёт ли Юля в этих местах до сих пор, дома ли она... и прочее. Ваня присел на аллее, приблизительно напротив окна её спальни, отдыхая и надеясь, что она ТАМ и что она хоть раз выглянет в окно, заметив его, но нечто иное больше всего руководило его мыслями; к сожалению, Ваня сам был болен, а демон Асмодей часто склонял его к греху с женщинами в то время, как Велиал заключался в ненависти ко многим из этих женщин, ведь и они являлись больными; отсюда получалась фальшивая любовь, чере-

довавшаяся с ненавистью и гневом, которая затягивала Ваню в ненужные отношения, а затем их разрушала, редко при этом принося Ване хотя бы минутное удовольствие, но всегда рождая зло ко злу и зло ко самому себе, порождая боль и ссоры, к которым сам Ваня не имел отношения, отчего по субъективным ощущениям они обрушивались на него внезапно и незаслуженно.

Сидел он час, сидел другой. Кажется, тучи уплывали прочь, ибо всё чаще и чаще выглядывало ещё летнее солнце, однако уже холодало, ветерок отгонял тёплый воздух от тела, почему пальцы начинали мёрзнуть, а лицо пылало от приливов крови к нему. Не видно, чтобы Юля выглянула, зато среди старых пейзажей наш герой замечал что-то новое или даже коренным образом несвычное, обретая новые воспоминания среди былых мест и без дорогого человека; постоянно проходили люди разных возрастов, включая детей; эти люди тоже живут здесь и имеют касаясь сего места свои впечатления, отличные донельзя от того, что ощущал наш Ваня. Начиналось казаться, что прошлая жизнь так и должна остаться в прошлом, а сегодня, на её руинах, можно строить новый мир, который станет более счастливым, который затмит бросающееся в глаза и сам никогда уже не станет предметом меланхолии, потому что не закончится, не умрёт, как умерли все прошлые жизни. Но это была лишь эфемерная иллюзия. Пока Ваня сидел, ничего плохого не ощущалось им, но ясно как никогда, — что движение обратно приведёт в движение и спавшую доселе боль. Назад он шёл с закрытыми глазами.

Когда человек начинает жить прошлым, он попадает в порочный круг, поскольку перестаёт ценить настоящее, но запоминает его и воспринимает идеалистично, когда оное со своими событиями вдруг становится прошлым; тогда же моменты прошлого начнут вставать перед глазами и провоцировать грусть, меланхолию, тоску и бремя

на, заставляя человека мучиться от того, что на самом деле не было столь важным в своё время, не вызывало в своё время боль и сейчас вызывать не должно, однако — создаёт боль, даже если обстоятельства ведут в противоположном направлении; куда хуже становится оттого, что при возвращении на старые места — боль старая начинает привязываться к новым впечатлениям, которые на момент своего поступления остаются незамеченными; тем самым, тоска усиливается с течением времени — и заставляет себя усиливать. И это работает, даже если не подчиняться её влиянию и стараться оттеснить её, поэтому теряет силу сама мысль о том, стоит ли противиться; а выход — он не ясен, но в нём нуждаешься и его ждёшь, ведь невозможно свыкнуться с тоской и сложно не бывать там, где хочется побывать, особенно если ты обязан порой проезжать мимо.

Шёл день, шёл другой, а Ваня снова и снова вспоминал тот день, когда он вернулся к Юле; да, эти воспоминания уже не были связаны прямо с ней, однако заключали в себе прежнее место и приносили прежнюю боль, не обнаруживая повода для конца.

Бог — это всё, что нас окружает; это — природа со всеми её законами и явлениями; Бог — это то, к чему мы должны стремиться, но и то, что находится внутри нас и что суть мы сами. Для человека Бог — это любовь, здоровье, счастье, здоровое общество и благополучная семья, но и всё мерзкое в мире создано Богом; увидев убийц и убитых, больных детей и мёртвых детей, мы говорим, что это сделал Дьявол и что на то была воля Божья, что не абсурдно вовсе, поскольку и в Дьяволе обитает Бог, да и не существует Дьявола на самом деле: он — лишь сторона личности Бога, которая приносит людям зло и поэтому обособливается самими же людьми от добра, хотя в объективном мире понятия добра и зла отсутствуют. По воле Бога происходит всё хорошее, но и всё плохое; естественным образом появлялись цивилизации — и по тем же законам исчезали, но законы эти называются Богом, но всё-таки являются не людьми, но законами, поэтому абсолютно безразличны к людям и приносят тем не только злое и не единственно доброе, но всегда то, что люди заслужили; Богу на нас всё равно, но Бог и не может иметь отношение к нам, поскольку не есть человек; это мы должны приспособливаться к Его законам, стремиться к Нему, но в то же время бороться против Него, когда мы боремся с тем, что зовётся злом; конечно, если у человека не хватает ума, то к сей реальности он отнесётся слишком критично и насмешливо, не захочет верить в ТАКОГО Бога, откажется верить, но этим всего лишь обречёт себя на неведение, ибо неверием не уйдёт из-под власти Бога: а Богу и всё равно — Он везде и всегда. И при всяком положении вещей ты будешь иметь выбор между хорошим и плохим, но абсо-

лютно в каждом случае — ты будешь действовать по воле Божьей, но и против неё, ибо в Дьяволе — Бог, но и против Дьявола — Бог. Дойдя до осознания такой глубокой истины, Ваня понял, что даже демоны в нём — это падшие ангелы и творения того же Бога, к которому наш герой стремился; Ваня понял, что бесы склоняли его то к разрушению, то к саморазрушению, но в обоих случаях Бог стоял за этим и призывал Ваню вести борьбу против этого; необходимым было сделать выбор, но в любом случае частично этот выбор шёл против Бога, поэтому и с точки зрения Бога безразличным было, что именно выбирать, а сие — делало выбор объективным более. И Ваня решил, что тянет его на сторону здорового общества и здоровых людей, что следует ему нести пользу этому обществу, однако сам он болен и обречён умереть не столько от грехов, сколько от воздержания, ибо это — саморазрушение, а жить для общества — ради добра — ему следовало долго, поэтому и зло вершить ко злу бывало иногда полезным, лишь вред ему, герою нашему, не приносило. Девиз его отныне: иногда следует пойти по пути зла, ибо это приведёт ко высшему добру.

Вполне возможно, такая настроенность могла повлиять на Асмодея и Белиала именно в ту сторону, в какую это разумно и более безвредно для Вани: подчинить этих демонов в обыденной жизни и выпускать их лишь тогда, когда это целесообразно, ведь полностью изжить их нельзя, но и гнить по их вине, когда этого можно не делать, возможно и нужно. Право, согрешать без мук совести дозволено, если воздержание от греха приносит тебе и здоровому обществу не меньше вреда, нежели приносит сам грех, но такая победа без войны, очень быстрая и самая подлинная, не значила для Вани совершенно ничего во время приступов того самого расстройства, которое больше всего несчастий в жизни ему приносило и которое с давних времён называлось Хандрой.

Многие из нас рождаются уже больными, а всякая психическая болезнь так или иначе не обходится без сексуальных патологий, ибо они — первичные; многие из нас являются извращенцами, причём размах этих извращений подчас не смог бы выдержать даже сам Маркиз де Сад, однако мы уже родились такими и лично мы не виноваты в том, что таковы; и в современном мире, где разврат не порицается обществом и уже со средней школы практикуется многими, невероятно тяжело при патологических сексуальных влечениях, при распущенности внутри — оставаться непорочным снаружи, постоянно бороться с собой, сдерживаться, терпеть ради высшей Идеи и чистой совести; для этого необходима невероятная сила воли, и такая воля является наиболее сильной из всех известных, ибо сопряжена с постоянными муками, которые можно было бы легко прекратить. Именно такая воля показывает, что при всей своей распущенности мы заслуживаем доверия и уважения; но муки делают нас злыми и жестокими, да только для нас это вовсе не негативные чувства, потому что они позволяют нам быть объективными, ибо подавляют то, что мешало бы таковыми быть.

Часть восьмая. Хандра и новый персонаж

*Дергает тебя что-нибудь вторгающееся
извне? — Ну так дай себе досуг на то, чтобы
узнать вновь что-нибудь хорошее, брось юлой вер-
теться. Правда же, остерегаться надо и другого
оборота: ведь глупец и тот, кто деянием запол-
нил жизнь до изнеможения, а цели-то, куда на-
править все устремление, да разом и представ-
ление, не имеет
Марк Аврелий*

Демоны — это вовсе не страшные чудища из совре-
менных ужастиков; издавна под демонами церковники,
игравшие на самом деле роль психиатров, подразумевали
сложные симптомокомплексы всяких психических забо-
леваний, которые довольно часто встречались у людей,
опасных для общества и самих себя; даже сегодня для
некоторых заболеваний очень сложно найти объяснение
по международной классификации болезней, поскольку
те заболевания суть смеси нескольких и без этого слож-
ных, но при этом — от каждой болезни берут далеко
не всё; в общем, и сегодня порой куда проще обозначить
одержимость каким-то демоном, нежели дать сложный
и запутанный диагноз. Но часто возможно вполне на-
звать проблему и языком современной медицины...

*Клянусь вам, господа, что слишком сознать —
это болезнь, настоящая, полная болезнь.
Фёдор Достоевский*

*Нет ничего смешнее падения человека
Чарли Чаплин*

Время шло, а Ваня шёл со временем, не будучи в силах
как-то противостоять этому; ввиду наступления осени
рассвет с каждым днём происходил всё позже, а утро было

всё более и более прохладным, хотя полдни оставались порой жаркими донельзя, но отступление лета хорошо ощущалось; начался новый учебный год, появились новые предметы и, соответственно, новые трудности, ведь не всё так просто будет с дифференциальной геометрией или с дискретной математикой, ради сдачи которых постараться придётся, но Ваню жизнь, которая могла стать новой, совершенно не беспокоила, поскольку от старой он отделаться не мог, пусть пламенно желал, алкал, жаждал, но его волевые импульсы оказывались бессильными в той области, откуда шли его мучения. Куда проще было пожать 150 или отказаться от секса с девушкой, которая сама отдаётся ему в руки, чем даже забыть то, что и без иного стимула хотелось бы позабыть; проще было сделать что-то физическое или не сделать, чем освободить свой разум от навязчивых чудесных воспоминаний, приносящих боль потому, что — и им не быть боле никогда, и не было их — вообще, в своё время, но только когнитивные искажения и время делают из нормальных или даже не очень хороших воспоминаний нечто идеальное и сего не заслуживаемое, по чём опосля приходится томиться и скучать; удивительно, при многих событиях прошлого Ване было, допустим, очень холодно, голодно, дурно, при многих события голова кружилась в прямом смысле или воспаление по вине Асмодея неописуемо сильно мучило и много чем грозило и страшило, а часто весьма — и сама Юля была совсем не подарком и не совсем человеком, умудрялась портить очень светлое или то, что, казалось бы, испортить невозможно, — однако именно таких моментов касались воспоминания Вани, который помнил, конечно, об изъянах тех дней, но больше не чувствовал холод, голод или боль в форме любой, когда вспоминал, ибо по-настоящему вспоминал только хорошее, что и губило его день ото дня. Маниакально-депрессивный психоз развивался и цвёл; уже месяцы

не случалось чистых маниакальных фаз, но непрестанно имела депрессия, которая подчас не чередовалась, но соединялась с маниакальным возбуждением, образуя так называемый меланхолических раптус, которого и врагу — серьёзно говорю — не пожелаешь; к тому же, уже несколько недель Ваня страдал насморком, не имея шансов избавиться от одного ввиду хронификации последнего, а несколько ускоренное наступление холодов означало лишь препятствия к выздоровлению; происходили приступы тоски, обычно по утрам и вечерам, когда после спокойной ночи или трудного дня какая-нибудь мелочь вызывала серию воспоминаний известного характера; что же и говорить, если даже сопلي свои Ваня высмаркивал в платок, на 23-е февраля подаренный ему той самой Юлей.

Глава 1. Аркаша

В то же время, покуда маниакально-депрессивный психоз превращал не такую уж несчастную жизнь Вани в настоящий кошмар, близко к нашему герою находился новый человек, родственная душа и потенциальный друг, которого все называли Аркашей; он учился на том же факультете. Весьма сложно дать характеристику этому герою, поскольку вся сущность и необычность одного состояла в смеси математических знаний, гомосексуальности, увлечённости трудами Игоря Калмыкова¹, отсутствия половых потребностей и гебефренической формы шизофрении; он, Аркаша, был очень дурашлив, расторможен, имел вычурное поведение, нелепое и глупое со стороны, легко шутил, но шутки его не вписывались в традиционное понятие о юморе и никогда не ограничивались псевдоэтическими нормами; за это многим людям он нравился, но вообще считался придурком, однако парадоксальным, ибо параллельно со своими шуткам, порой плоскими, а подчас и слишком глубокими, Ваня показывал огромные интеллектуальные способности, развитое абстрактное мышление, умение решать в уме сложные интегралы или дифференциальные уравнения, чем он занимался в свободное время, если оное нельзя было потратить на нечто более — с его точки зрения — полезное и применимое на практике. Аркаша не работал вовсе, потому что был тунеядцем и имел настолько ограниченные потребности, что деньги сверх слегка повышенной стипендии (ибо Аркаша был отличником) ему не требовались;

¹ (Григория Климова)

на самом деле учёбой он занимался довольно редко и никогда не напрягался в связи с ней, так как сам был очень умён, а одноклассников заметно превосходил во способностях, то есть при любых усилиях оказывался впереди остальных на несколько шагов; а всё прочее время и многие деньги Аркаша неизбежно тратил на книжки ради своей собственной книжки на тему де-генерации в человеческом обществе, суть которой можно было заключить в двадцати страницах, но которая не понятно как превысила несколько тысяч страниц, что, наверное, нормально для творчества сумасшедших. Подчёркиваю, что Аркаша был болен одной из форм шизофрении, называемой раньше «ранним слабоумием», а частые рецидивы этого заболевания делали нашего нового героя очень придурковатым, но сам он — придурком не был, а наедине с самим собой оставался практически гением, злым и опасным гением; и Аркаша в любой момент мог остановится, пусть имел себе свойственные амбивалентность, резонёрство, навязчивые мысли, патологии воли и нарушения концентрации внимания, но также он имел силу быть выше этого, когда требовалось, да редко всего-навсего обладал веской причиной не быть самим собой.

Аркаша тоже, как и Ваня, когда-то занимался спортом не впустую, получил опыт и изведаль разные секреты культуризма, которые помогали ему поддерживать очень достойную форму, почти ничего не делая для этого; утро Аркаша начинал с лимонной кислоты, разбавленной в воде, через час делал несколько глотков горчичного масла, а ещё через час ел мясо или рыбу после гречневой каши; в остальное время он либо двигался много, либо много думал, в обоих случаях саморазвиваясь и сжигая достаточно энергии, чтобы не толстеть, как одноклассники. Тем не менее, родился наш новый герой с несколькими физическими дефектами, один из кото-

рых (искривление перегородки носа) три месяца в году обеспечивал ему сильный насморк, а от сильного насморка происходили проблемы с работой слёзных желез, из-за чего карие глаза его часто чесались и были красны, словно Аркаша болел конъюнктивитом или просто закурился; последнее в комбинации с его поведением казалось очень вероятным, поэтому не раз мусора (или уже полицаи?) забирали Аркашу из Семейного Магнита, где он мог вслух критиковать цены и проценты содержания белка в продуктах, а также просто стоять в ступоре или кататься на пассажирском конвейере; к счастью, Аркаша не имел в крови следов наркотиков, но был относительно адекватен, поэтому по дороге в СИЗО читал лекцию по теории линейных операторов (ебал мозги), отчего его отпускали. «Линейный оператор — это линейное отображение, то есть закон соответствия двух множеств, который сохраняет линейные операции, так что образ суммы векторов будет совпадать со суммой их образов, а образ коллинеарного вектора будет образом этого вектора, увеличенным в нужное число раз...» Следует отметить, что Аркаше было весело даже с самим собой, поэтому он не грустил, но всегда «имел место сесть, ведь сидят люди на своей жопе»; порой ему было смешно от своих навязчивых рассуждений на самые ничтожные темы, которые он часами вёл в голове, но не был, конечно, так туп, чтобы говорить вслух или просто придавать значение этому; после садика Аркаша покуривал сигареты то без фильтра, то без табака, а в школе от глупости похлебал медицинский спирт, что не произвело впечатление на него и не пристрастило, поэтому вырос Аркаша без вредных привычек, никогда не был пьян, никогда не участвовал на популярных в то время и в том возрасте «вписках», то есть оргиях, не был избит, ведь сам мог избить любого, но почему-то такого хорошего «ребёнка» даже при достижении совершеннолетия пытались строго контролиро-

вать, не давали допоздна уходить из дома, как будто его могут изнасиловать или, скорее, это он кого-то изнасиловать может. Таков был Аркаша; и с ним не соскучишься. И жизнь у него была вполне весёлая уже с шести лет, когда вместо прогулок в детском саду Аркаша день ото дня посещал логопеда, повторяя с ним один и тот же диалог: «Аркаша, давай посмотрим на твои сапожки! Какие они?» — «Зелёные!» — «Неправильно: они рррезиновые! Скажи: РРРЕЗИНОВЫЕ!..»

Глава 2. Предел последовательности

Был уже поздний вечер, когда Аркаша и Саша (чья Лера болела тяжёлой шизофренией) по традиции шли в местный сельскохозяйственный институт в надежде «склеить тёлок» одним взглядом на них, то есть в надежде, что в пятнадцатый раз к ним уж подойдут знакомиться, чего быть не могло; впрочем, абсурдность этой цели не мешала идти к ней и по пути наслаждаться красивыми видами ночной природы и женских ягодичек, в начале сентября ещё обтягиваемых джинсами или шортами. Они только начали свой путь, но Аркаша уже выглядел накурленным и неадекватным и опять, устроив короткую психологическую консультацию своему другу, незаметно перешёл к основам математического анализа и начал в своём особом понимании говорить о числовых последовательностях: «Последовательность — это множество пронумерованных чисел; предел последовательности — это такое число, в проколотой окрестности которого будут иметь место бесконечное число членов этой последовательности, а при уменьшении каждого члена последовательности на этот самый предел результатом будет бесконечно малая последовательность, то есть такая, для которой при сколь угодно малом наперёд заданном числе найдётся бесконечность членов, по модулю меньших этого числа.» Но лишь в области высших наук Аркаша мог сказать что-то умное, а в жизни казался дурачком и на обыденные темы в дискуссии не вступал, так как все ответы знал и имел темы для разговора более значимые. В день, о котором ведётся глава, Аркаша говорил, что ему необходимо покушать, ибо он воин

света и должен подкрепить свои силы для борьбы со злом; так начался диалог:

— Я — рыцарь чести и воин света; я должен кушать, чтобы бороться с мировым злом; пошли в «магазин».

— Как ты будешь бороться с мировым злом? — спросил недалёкий Саша.

— Я занимаюсь просвещением. — ответил наш герой.

— И кого ты просвещаешь?

— Я... я пишу книгу, которая в своё время поднимет культурный уровень нашей цивилизации, если её Роскомнадзор не запретит.

— Сам-то понял, что сказал??

— Конечно, я же на сто шагов впереди тебя.

Позднее их разговор чудесным образом свёлся к следующему:

— Саня, как ты думаешь, почему человек стремится к неведению? Почему он предпочитает бездумствовать и тратить жизнь на всякую низость и пустоту вместо того, чтобы заниматься саморазвитием и вообще чуть больше думать о том, как его действия скажутся на будущем или какие закономерности в его жизни играют роль?

— Что ты имеешь в виду? — задал вопрос его спутник.

— Смотри: допустим, никто не хочет общаться со мной, потому что я «странный» и «страшные» фотографии выкладываю на своей странице; тем не менее, на этих фотографиях изображены примеры сиреномелии, водянки мозга, синдрома Патау и прочих уродств, которые ждут людей в конце третьей стадии вырождения; и дело в том, что сам я не столкнулся с этим в жизни, ибо я больной человек, однако не социальный преступник, но с очень высокой вероятностью такие дети появятся как раз у тех, которые сейчас пьют беспробудно, со всеми ебутся, курят кальян, а как раз эти самые люди

называют меня «уродом» и «дебилом», когда смело показываю им правду, которой они боятся.

— А зачем ты выкладываешь эту правду в социальную сеть?

— Потому что я есть она, — ответил Аркаша, — а она есть смысл моей жизни и вся моя жизнь; я ассоциирую себя с этими страшными вещами и желаю показать людям, как это важно. При этом я применяю довольно радикальные примеры врождённых дефектов, от которых дети не доживают до трёх лет, что даже очень хорошо, когда они так мало живут, ведь куда хуже, если дети не настолько больны, чтобы рано умереть, но больны, поэтому имеют все шансы сломать тебе целую жизнь, единственную жизнь, ибо ты — не кошка. Дети, которые мне нравятся, как раз не делают так и умирают рано; вдобавок, они своим появлением подадут сигнал, что новых детей рожать не следует; не зря в Библии говорится: дерево доброе приносит добрые плоды, а худое дерево приносит плод худой, — и не может доброе дерево дать худой плод, как и худое дерево не может дать плод — добрый! (Или как-то так.) То есть — больной человек рождает больного человека, а здоровый человек больного не произведёт; если один ребёнок родился больным, то и другие здоровыми не получатся. Но знаешь, что обычно думают люди, когда ребёнок рождается больным?

— Чувак, я с тобой не в первый раз гуляю: я уже слышался.

— Твой грязный рот опять рефлекторно произносит слова, которых ты на слухался в своих пидорских компаниях! — Аркаша отвлёкся. — Хватит вспоминать своё прошлое! Поменяй причёску и вытащи свою пидорскую серьгу!

— Почему пидорскую?

— Потому что она находится у тебя там, где принято

у пидоров, то есть — в ухе! А-ха-ха-ха-ха!

— ...

— Ладно, отвлеклись. Так вот: когда у человека рождается больной ребёнок, этот человек сразу думает: какая несчастье! какая жестокая случайность! это всё — плохая экология! Но никто не подумает, что это — естественное Божье наказание за то, что дед твой — алкоголик, мать — лесбиянка, брат — наркоман, сама ты — шлюха и любительница выпить, а муж твой, прежде чем тебя найти, «теребонькал» свой стручок при мысли, как его «по пьяне» пытаются изнасиловать «братки», а он сам не сопротивляется и просит письку рот! Самое ужасное заключается не в том, что государство на этих вырожденков потом тратит большие деньги, но знаешь ли в чём?..

— Ну?

— Больной ребёнок этих людей не останавливает: через время они продолжают размножаться, но делают для общества ещё хуже.

— Чем? — спросил парень, который очень не любил думать.

— Тем, что с большой вероятностью другие дети будут чуть более здоровы, то есть психически больны, но жить смогут, а в итоге получается нечто вроде: первые три ребёнка у матери Сталина были либо мертворожденные, либо рано умерли, а четвёртым был сам Иосиф, у которого на ноге четыре пальца, а с рукой — паралич (кахексия); а в итоге — молодой Сталин занимался бандитизмом и педерастией, а старый — не предотвратил Вторую Мировую войну и загнал десятки миллионов людей в концлагеря! А в этих концентрационных лагерях погибло 60 МИЛЛИОНОВ ЧЕЛОВЕК, ШЕСТЬДЕСЯТ МИЛЛОИОНОВ! Ты представь это число (60 000 000), а если сделать факторизацию, то это три на пять в шестой и на два в седьмой, то есть в 128-ми городах выбрали 15625 домов в каждом — и из каждого дома убили по три

человека! Вот и результаты незнания высшей социологии!

— Ужас...

Примерно в таком настроении они вели свою беседу почти каждый вечер, пока от родных домов проходили три с половиной километра до местного парка через территорию университета; в парке делать было, наверное, нечего, хотя некогда тот казался большим и очень красивым, но когда изучишь этот парк, понимаешь, что ничего красивого в нём нет и не так уж он велик; они гуляли старыми тропами, на каждой лавочке встречая какую-нибудь парочку, а свободных лавочек не встречая; порой они садились где-нибудь под фонарём, слегка уставшие, и принимались за чтение. Саша читал Оруэлла или Хаксли, довольно значимые их романы, которые лучше было бы прочесть в более раннем возрасте, а Аркаша доставал из рюкзака «Курс дифференциальных уравнений» или учебник по линейной алгебре, но долго с ними не сидел, а любил через время «забывать» Сашу намёками на то, что тот ещё не успел прочесть в книге. Опосля оба возвращались почти той же самой дорогой через общаги университета, встречая иногда красивых девушек, опасных парней или большие сборища студентов, где оные либо играли во что-то, либо пьянствовали, но в любом случае проводили время очень хорошо; в этом заключалась особенность сельскохозяйственного университета: он отдалён от центра города и занимает площадь невероятную, покрытую лишь зеленью, поэтому общаги выглядят в нём маленьким городком среди природы, где возможно иметь свою жизнь, Аркаше совершенно недоступную, ведь он не учился там и вообще не жил в общаге: местный. Было грустно брести под ночь среди тишины и безмятежных компаний, в которых тебя нет; было чудесно проходить мимо ёлок и редких фонарей, которые при удалении от зданий факультетов становились ещё

более редкими, но чего-то не хватало во всём этом... Вероятно, именно нехватка некоторых впечатлений сделала Аркашу духовно неполноценным, что тот пытался не скрыть, но подавить своим поведением, которое мог контролировать, но не имел для этого причины.

Глава 3. Навязчивые воспоминания

Пока Аркаша жил среди тех же мировых проблем, что и Ваня, первый наш герой впал в соматическую болезнь вирусной или психической природы: Ваня просто перестал потеть и очень скоро перегревался как на солнце, так и в транспорте или на парах, хотя чувствовал себя сносно, однако ощущал большое повышение температуры и лёгкие головные боли; кажется, подобное состояние нередко преследовало его в течение всей жизни, но на этот раз повышение температуры тела способствовало прогрессу воспалительных процессов в носовых пазухах, которые за три недели уже почти прошли... А началось всё ближе к ночи предыдущего дня, когда — как ни странно — отсутствие белковой пищи в холодильнике при имении сосисок и колбас породило навязчивые воспоминания — о Вике, чья мать по совету мужа получила образование, связанное с областью этих изделий, но потом муж бросил её с двумя дочерьми и последствиями пяти абортотв, а потом стал — удивительно! — вегетарианцем и праведным, как захотел считать, человеком; не так, впрочем, важна эта часть истории, ибо для Вани эмоциональные воспоминания касаются не загубленного образования мамы Вики или того, что, по словам первой, сосиски и колбасы лучше не есть, но — нотки голоса бывшей подруги, которая открылась ему в таких тайнах своей семьи, тайнах не приятных; это случилось ровно за год до того, как Ваня заболел, поздним вечером на оживлённой улице, в толпе и под огнями ночного города, но в ненормальной тишине для таких обстоятельств. Далее, ранним утром у Вани закончился ополас-

киватель для полости рта, который Юля подарила ему за два с половиной месяца до этого вместе с майкой и уже упомянутым платком; произошло томление, ведь Юля, хоть и осталась в прошлом, но сам Ваня без своей воли в это прошлое возвращался при всяком поводе; и в этот раз он вспомнил тёплый вечер середины лета, когда серое небо не означало скорое похолодание, а безлюдные тропы не означали уединённость, ибо всюду ты был преследуем комарами; тогда Юля сделала больше всего за весь период их отношений, а встреча та осталась в его глазах самой чудесной, но через две встречи всё вдруг кончилось, увы.

День шёл за днём. Летело время. А лучше жизнь не становилась. Настя, которая могла стать другом, в течение всего общения жаловалась на здоровье и мучения, которые её всю жизнь преследуют людей из третьей стадии дегенерации; она часто болела простудными заболеваниями, от высокой температуры ежемесячно находилась при смерти, а раз в несколько месяцев — в течение жизни — заболела что-нибудь дифференцируемое: лейкоцитоз, панкреатит, гастрит и т. п.; Настя была хорошим человечком и слишком много страдала; далеко не всегда эти люди — плохие и заслуживают своих мучений, но такова жизнь; иногда и горько, что лучшие люди вынуждены физически страдать за грехи отцов, а физически здоровые сумасшедшие совершают свои грехи безустанно и безнаказанно, но и в сём решает не человек. Люди мнят, что на месте Бога они бы сразу излечили все болезни и прекратили б всякие войны, и насилия, и страдания, и даже смерть, но это — лишь лицемерные слова, которые кажутся добродетельными даже для своих вещателей, поскольку заведомо не могут быть проверены на практике; к сожалению, люди не понимают, что при рода существует не так, как им хочется, зато по законам, к которым можно приспособиться, что должно быть

свойственно человеку; один человек не станет Богом, но Бог живёт внутри каждого, поэтому люди, так любящие обвинять других, в своих глазах бревна не замечая, могли бы в теории объединиться и вместе выполнить работу Бога, которая в первую очередь будет заключаться в работе над собой, но они не делают этого. А потом жалуется. А потом появляются Вика, Ваня, Настя, Юля, Ксюша и прочие, без вины виноваты, без зла в сердце обречённые.

***

Обидно, когда тебя ценят за остроумие, психическую ненормальность или большие мышцы, когда ты имеешь много прочих качеств, которые считаешь более значимыми... Так думал Аркаша, и к этому он приходил достаточно часто, ибо обладал душой и высокими потребностями, которым не было удовлетворения, поскольку окружающие воспринимали его как наркомана и весёлого парня, но совсем не в качестве такого человека, с которым можно общаться серьёзно и строить отношения, хотя и в этом плане Аркаша был годеи куда больше других, ведь был умён и мудр, но сего не желали замечать. А ведь Аркаша был не наркоманом, но шизофреником: большую часть суток он проводил при лёгком помутнении сознания, слабости, при сенестопатиях и патологиях внимания, но подчас какие-то химические реакции в его мозгу образовывали всплеск остроумия и морию, то есть неадекватное поведение, сопровождающееся смехом и шутками, часто пошлыми и несмешными, хотя и смех часто был не совсем обоснован с точки зрения нормального человека: однажды Аркаша взглянул на стенд кандидатов в государственную думу, ведь намечались выборы, а потом стал смеяться в течение нескольких минут, да так, что ноги отказывали; нет, его смешила не та сточка, где денежные счета кандидатов составляли по 50 руб. (что за «пиздёжь»?), но, скорее, следствие из всей информации: по описанию кандидатов было видно, что слово «одномандатный» в заголовке означает не только один мандат, но и одну «манду», которую надо выбрать... Часто весьма Аркаша вёл себя неадекватно, потому что это ничего не меняло и не портило: в адекватном состоянии к нему не относились лучше. Иногда он пытался стать нормальным человеком, да что-то случалось... Историю на этот счёт он рассказал Сане на одной из прогулок:

— Ссанина, хочешь услышать интересную исто-

рию? — спросил Аркаша.

— Давай.

— Вчера я ждал автобуса довольно долго, минут со-рок...

— Ну, как обычно, — перебил его Саша.

— Нет, он обычно ходит раз в двадцать минут, а вчера я ждал его больше получаса. Так вот, поскольку я живу близко от конечно, то даже при таких условиях вошёл в полупустой автобус и занял привычное место, прикрепил рюкзак к поручням, достал книжку и начал читать; через остановок шесть автобус забился невыносимо, — речь у Аркаши была довольно культурной, — причём одну девушку, моего возраста и роста, красивую блондинку со спортивным телом, давка привела ко мне, то есть эта девица стояла в шаге от меня, слева, и не могла по причине толпы смотреть не в мою сторону. В автобусе знакомиться очень неудобно, особенно при давке, особенно когда вспомнишь, что ты стеснительный, поэтому я ничего не делал; через полчаса многие вышли, места стало больше, а девушка надела наушники и включила музыку, причём весьма качественную музыку для женского мозга: я такими песнями увлекался в 14...

— Какую музыку? Рок? — перебил Саша.

— Не просто рок, а качественный рок. Это было похоже на Rammstein, Metallica, Disturbed, которые я раньше слушал.

— А потом ты что слушал?

— А потом я стал более утончённым и перешёл на Black Metal.

— Ха, а мне весь рок нравится: я меломан, — сказал Саша.

— Ты еблан, а не меломан. Короче, я решил сказать ей, что у неё хороший вкус, но желание было не сильное, потому что я не считал, что вкус у неё хороший; однако, комплимент сделать было можно. Как ни странно, мы

вышли на одной остановке; она шла на четыре метра впереди меня, но я стал догонять; на переходе оба остановились; и знаешь, что было?

— Ну?

— Ничего!

— Я не удивлён.

— Я подошёл к ней достаточно близко, но вдруг подумал... слушай, а почему поле интегральных кривых называется полем? Разве там аксиомы поля выполняются? Или это как поле конопли?..

А бывали и менее содержательные разговоры:

— А почему ты не сжигаешь ведьм? — спросил Саша.

— Это далеко не так просто, ведь люди не горят; нужно много хвороста и команда, которая ведьму свяжет; а если ты сам решишь поджечь ведьму, то лишь подпалишь ей волосы и очень быстро услышишь в ответ: «Ар-каша! Ты больной! Что ты делаешь?!»

— ...

— Я вижу, как ты смеёшься. — сказал Аркаша.

— Ты реально больной.

— Но-но-но! (и вертит пальцем) По крайней мере, не я только что разговаривал с вибратором.

— Что??

— Ты достал из кармана вибратор и начал с ним разговаривать.

— Это был телефон...

— Но мне известно, что ты используешь его в качестве вибратора.

— ...

Так проводил свободные вечера один из величайших мыслителей столетия, потенциальный гений и реформатор, у которого рано наступила шизофрения. Конечно, он не мог контролировать морию, но и не терял сознание при её появлении, поэтому какой-то частью души всё воспринимал адекватно и близко сердцу, всё запоминал

и вспоминал потом. Но если бы он имел возможность избавиться либо от мории, либо от впечатлительности, то непременно выбрал бы второе, ибо впечатлительность непрестанно напоминала ему о той чудесной жизни, которую Аркаша не имел, зато мория, по крайней мере, не делала плохо, не делала хуже, но вводило в беспамятство человека, чью жизнь на нервов полезнее не помнить.

Глава 4. Некто, который бредит

Последние несколько лет популярно у подростков называть себя психически больными людьми, обычно больными шизофренией, о которой они знают по фильмам и только; им кажется, что прикольно иметь в себе несколько личностей, бредить, испытывать галлюцинации и вызывать удивление окружающих, ведь именно такой шизофрению подают в фильмах; на самом же деле они — просто придурки и ничем иным не болеют, как правило, а настоящая шизофрения — это ужасное заболевание, проявляющееся в том, что личности понемногу начинают овладевать твоей жизнью, твоими действиями и желаниями, моментами заставляют тебя быть не таким, каков ты, и разрушать отношения, которые ты строил, и строишь, и хочешь сохранить; эти новые личности ломают твою жизнь, а кому-то это кажется прикольным.

Автор

Не думайте, что роман ограничится оценкой души лишь двух персонажей, ибо тогда — это уже не совсем роман, а длинный рассказ, специфический, за который автора (на моём месте) приняли бы за помешанного, эгоцентричного, самовлюблённого, пусть так оно и есть, но только отчасти, что хочется акцентировать: не всё так просто, я скажу. Здесь Ваня был, всю жизнь бегавший из крайности в крайность, из культа во культ в попытках не столько отыскать правду, сколько найти хорошую иллюзию, через призму которой (этот оборот речи любил употреблять препод по экономической тео-

рии) Ваня почувствует себя не только отличным от остальных, что было правдой, но отличным в положительную сторону, особенным, уникальным, редким и ценным при этом, ибо все выродки, имеющие способность думать, бессознательно и хотя бы в глубине души желают считать себя уникальными, пусть не признаются в этом ни другим, ни себе, ведь часто это стремление не наглое вовсе, но столь... невидимое, что всю жизнь может оставаться незамеченным; Ваню сии желания и поиски истины привели к ведьмам, которые потенциально могли отреагировать на его появление именно так, как хотелось бы ему, однако они сами, ведьмы, были далеко не лучше Вани и лишь играть умели, чем его завлекали и мучили потом, ибо фальшивые чувства — хуже любых настоящих, даже ненависти: настоящую ненависть понять возможно, а оттолкнёт она тотчас и без осадка, который будет разлагаться внутри тебя, но ненависть фальшивая и самому себе навязываемая другого человека тоже будет отталкивать, но будет и держать, поскольку она не абсолютна и, определённо, рождена ради сокрытия хороших чувств, которых человек больной зачастую боится; Ваню ненавидели самые ценные люди его жизни, но при этом — они и любили его, ибо было в нём такое, за что следует любить; к сожалению, настоящая любовь подавлялась, отрицалась, блокировалась, замещалась, вытеснялась, не принося добра ни Ване, ни какой-либо из ведьм, но делая лишь зло, разъедаая душу, однако ещё... заманивая и удерживая, обещая стать основой счастья, ведь это любовь; в результате Ваня заработал маниакально-депрессивный психоз и некоторые другие заболевания, которыми невольно **БЫЛ ВЫНУЖДЕН ПОДЕЛИТЬСЯ** со своими очень давними знакомыми. Каков смысл этих слов? Как можно было делиться психическими заболеваниями с какими-то другими людьми? Это воз-

можно, когда другие люди находятся в тебе самом! Ваня не был человеком, но являлся лишь личностью другого человека, одной личностью из — нескольких, одной среди других, которая, впрочем, и сама порой расщеплялась на Икара, Велиала, Асмодея, Мамона¹ (о коем умолчал я), Люцифера², но хватит демонологии, хватит рассматривать эти градации, в которых без труда запутаешься и без труда огромного — из которых не выберешься: это чревато, надо думать, расщеплением личности для того, кто попытается найти ответ и правду в омуте, который проще сжечь. Ваня не был единственным, как и Аркаша не был единым, ибо Аркаша — также личность того же самого человека; возможно, глупый Аркаша являлся для этого человека спасением, уходом от тяжёлой реальности, не такой уж и тяжёлой на самом деле, но в восприятии этого человека — красочной и неизбежно холодной; сей человек понимал, что жизнь вокруг бурлит и во всяком случае достаточно хороша для других, но в следствие комплекса отклонений нехороша для него, поэтому и вообще не может быть, наверное, хорошей, никогда, что мучило этого человека. Всю жизнь он сталкивался со значимыми для него перипетиями, либо плохими, либо чудесными (дабы не повторяться), однако любые чудеса были ограничены во времени и после своего окончания не исчезали из памяти, что оказывалось злом, ибо рождало — меланхолию; получается, всюду во жизни этого человека происходило зло, посему он прятался за другими личностями, но со временем это перестало помогать, поэтому и эти другие личности расщеплялись; всю

¹ Мамон — демон, олицетворяющий жадность.

² Люцифер — демон гордыни и себялюбия.

жизнь он невольно менял маски, становился жертвой обстоятельств и бессознательных психических процессов, что привело к такому положению вещей, когда можно описать достаточно подробно каждую его личность, помимо той, которая должна быть первой и главенствующей, поэтому и зваться она будет Некто. Некто потерял себя и не может описать себя самого, не может понять, что в нём ему же присуще, а что есть проявление постороннего, чужого, другой личности; не может он понять и своего отношения к этим прочим личностям или вообще — увидеть границы, где одна кончается, уступая место другой; я говорил, что Ваня болен биполярным расстройством, а Аркаша — шизофренией, но, скорее всего, это не так: болен сам Некто, личности которого живут своей жизнью, оставляя болезни на долю хозяина; впрочем, не от них болезни могут исходить, но важно наличие оных, собственно. Каким же этот Некто был? Понятия не имею, но полагаю, что был он добрым человеком, однако несчастным, явно; кажется, это он был по-настоящему умён, причём ум его был практически всесторонним и не пытался заикливаться ни на технических науках, ни на том, что действительно важно для каждого человека, ибо счастье было для Некто главенствующим, но не было. Я думаю, именно Некто умел любить, но по причине влияния других личностей никогда не мог доносить эту любовь другому человеку настоящей и полной, отчего казалось, что она — фальшива; и ему так казалось порой, что вызывало разочарование; казалось и — что многие негативные качества ему не принадлежат, но толку от этого, если осознание не помогает избавиться от этих чувств? Немалых трудов составляет обнаружение этого Некто среди яркой деятельности Вани или Велиала, но я считаю, что к моменту последних событий романа он испытывал подлинное раскаяние за дела,

которые не совершал, но в которых был соучастником; он слишком часто вспоминал Юлю и Вику, с которыми перед расставанием устраивал скандал; возможно, они не стоили его БОЛИ, и совершенно точно известно, что они не суть безвинны, но хотя бы частью виноваты в том, что происходило у них с Некто, просто с Некто, у Некто после них, но и последний был виновен, да, — получается, только в том, что не мог удерживать своих бесов, своих личностей, которые несколько спасали его при тяжёлых жизненных ситуациях, но — ограждали и от хороших. А возможно ли, что бесы не сглаживали упомянутый негатив, но порождали его?.. Ведь не случилось зла с объективной точки зрения, а... впрочем, это останется тайной. Некто раскаивался, но не терял умение любить, но любил по-прежнему хороших людей из своего окружения и тех, кого параллельно ненавидел или хотел ненавидеть за грязные их дела, но и их любил, любил себе в ущерб, любил, пусть порождало это страдания, хотя едва ли Некто был волен действовать иначе; он вспоминал с лёгкой любовью о тех людях, которые приносили ему зло; без боли он не мог вспоминать разные представления, связанные с Викой, которым пришлось возыметь место, поскольку настоящие воспоминания Вика отказывалась давать; но и не вспоминать — Некто тоже не мог, к сожалению и ужасу; а кому-то он давал любовь совершенно чистую и несколько не искажённую негативными событиями, если разве не учитывать, что любовь сию не принимали. Право, настоящая любовь и должна быть настоящей, должна идти от сердца и не требовать взаимности, однако сложно оценить любовь с подобной точки зрения, когда на неё реагируют крайне отрицательно и когда это порождает боль. Приходилось любить даже себе во зло.

Глава 5. Оправдано ль желать того, чего не будет?

«Я грязный человек. Я мерзкий человек. Я хороший в помыслах человек, но не могу абсолютно во всём при-держиваться своих помыслов на деле. Я болен, но хочу любить по-настоящему, однако при потенциальном при-ближении этой любви теряю совесть, стыд и большин-ство человеческих качеств, превращаясь в животное; мои главные враги — это ревность и похоть: к объекту своей любви я начинаю ревновать патологически, а с прибли-жением к этому человеку высшие чувства начинают усту-пать чрезмерной и почти всегда неутолённой жажде сек-са, что неизбежно портит дружбу, влюблённость, любовь; порой мне кажется, что я сам отвергаю то, в чём больше всего нуждаюсь.

Я человек, определённо, однако в мире людей это не означает преимущества и привилегий, ибо физически все уж суть люди, потому что они такими родились; люди бывают совершенно разными, о чём каждый знает, пусть порой натыкаешься в жизни на биомассу, на жертв упад-ка культуры, мнимых ценностей, порабощения, которые друг от друга отличаются бесконечно мало, но сими от-личиями пытаются оправдываться; тем не менее, каждый человек проживает жизнь, имеет воспоминания, опыт, знания, по которым даже можно судить его или осудить, ведь нельзя считать всех людей равными лишь за то, что они люди физически, поскольку бывают люди сильные и слабые, достойные и недостойные, тупые и нетупые, полезные для общества или вредные, посему неравные с точки зрения большого числа людей; конечно, для все-ленной наши отношения не имеют значения и для неё

все люди равны, но ничего не изменится, если мы посчитаем иначе, поэтому разговор этот пуст. А я больной человек; я очень больной человек, пусть добрый; и я имею потребности ограниченные, но стандартные для каждого человека, хотя подчас мне кажется, что некоторые из моих потребностей выходят за пределы нормы, утрируются, но я не обращаю внимание на это; я хороший человек, но внутри меня живут другие люди, не самые приятные, злые, неадекватные, грешные, которые вытесняют моё сознание при обострении моих потребностей, увы, а я бессилён влиять на это. Создаётся впечатление, что не судьба мне — исполнять желанное, ведь при исполнении я буквально превращаюсь в другого, теряю себя, а это порождает мучения; я не теряю надежды, но и рассудок остаётся при мне, а рассудок задаёт вопрос: оправдано ли тебе того желать, чего ты не заслужил и что не осуществится потому, что ты сам назвал это преступлением и избегаешь этого сам? И правда: главной моей потребностью является желание любить, но наблюдаю среди такого желания и похоть; во всяком случае, удовлетворение я могу получить только при содействии других людей, не сам, но оправдано ли мне вмешиваться в чужие жизни? Я больной человек, я страшный человек, мои гены несут проклятье, дегенерацию, поэтому размножаться не имею морального права; возможно завести приёмных детей, но этого не случится, ибо я заранее знаю, что не хочу их и не смогу любить их по-настоящему; к тому же, лично я не являюсь подарком и за счёт других личностей могу меняться до неузнаваемости, до грязи, что иным приносило боль или огорчение, хотя и они, наверное, его заслужили, ведь я раньше огорчился из-за них, разочаровывался. Я не имею права вмешиваться в жизнь другого человека, будучи нелюдем; вопрос в том, как мне жить, если потребности не удовлетворяются и не будут?... ” — размышлял Некто.

Так размышлял Некто под вечер, да и в середине дня временами, когда учёба казалась себя не стоявшей, знакомые — безличными, а жизнь — непрерывным томлением, не сильным — слабым, но изъедающим тебя после десятка дней одних и тех же негативных чувств, которые не поддавались описанию, но состояли в тоске по утраченному прошлому и по-прежнему любимым людям, которые этого Некто — ненавидели, хуже чего ощущаться могла лишь их... смерть. Для него не было ничего хуже сложившегося положения, когда при объективном благополучии имелся дефицит субъективно самых значимых чувств; Ваня (раз привыкли) хотел любить по-настоящему, но явно не мог, когда его никто не любил; к тому же, он стойко сомневался в своём моральном праве рассчитывать на такие прекрасные вещи, но под этими сомнениями на самом деле скрывалась растущая неуверенность в себе или же, напротив, уверенность в том, что ни к чему его попытки найти любовь не приведут. Кажется, и не любви он хотел, как раньше, чего ему точно не хватало, но вернуть тех людей, которых уже потерял; и если искать любовь с каждой неделей казалось всё более и более безнадёжным занятием, то что можно говорить о возвращении тех, кто ненавидит патологически?.. Не умеющие чувствовать люди обязательно поправили бы Ваню в том, что проблема не так значительна в сущности, со стороны, однако и он осознавал это, да не мешало это ему — страдать от навязчивых представлений, возникавших не по его воле. Согласен, полезнее было бы направить мысли на учёбу или саморазвитие, что не одно и то же, да не так просто осуществлять второе, когда не ощущаешь смысл этого, и заниматься первым, если задачки по математическому анализу ассоциировались у Вани с Юлей, потому что он часто работал над ними по дороге к ней.

Глава 6. Смерть и жизнь, ведущая к смерти

— Тюлень любви, завив усы, пришёл снимать с тебя трусы. Твои действия?

— Что??? Аркаша, отстань! Опять бред несёшь! — кричала Аня.

— Я полагаю, — говорил Аркаша, — что мне позволено быть слегка неадекватным при моих знаниях: не так легко носить столько информации в голове, при этом осознавая её; это может приводить к безумию или безумия, наверное, просто не иметь места.

— Что. Ты. Несёшь?

— Иногда мне кажется, что я думаю слишком быстро, так как окружающие мою мысль не улавливают: иногда я сам себя не понимаю. Всё-таки, я математик, который может рассказать тебе истории про интерполяционный полином, матрицу Грама, интеграл Лебега, но вы, девушки, как правило, не любите слушать подобное — или просто не любите слушать меня, хотя именно я обожаю говорить и говорить; знаешь, а иногда мне кажется, что я говорю единственно для того, чтобы себя огорчить от внутренних конфликтов...

— Аркаш, ты говоришь слишком много...

— Если я не буду говорить о себе, то я буду шутить. А мои шутки никому не нравятся; даже мне, кстати.

— ...

— Аня, ты прости моё поведение: я очень застенчивый и не могу спокойно общаться с красивыми девушками, а ты — очень красивая, такая худенькая, с бронзовой кожей и огненными глазами, а ещё — твои бёдра изумительно смотрятся в этих джинсах...

— Поэтому их и ношу. — сказала Аня с лёгкой улыбкой.

Таким образом прошёл один из последних диалогов Аркаши, то есть самого Некто при известном состоянии психики; дело было в том, что состояние это, не всегда остававшееся без дискомфорта, возникало не беспричинно и спонтанно, но после каких-то поводов, посему при исключении этих поводов можно было бы избежать от целой личности, по крайней мере, на долгое время; как помнилось ему, почти всегда сие состояние появлялось при помрачении сознания, а помрачение порождалось либо большой усталостью, либо наркотиками; поняв это, Некто решил немного больше спать, а не засиживать допоздна в просмотрах классики кинематографа и виртуальном общении с девушками, с которыми всё равно ничего не получится; увы, от общения отказаться было слишком сложно, правда, в сотни раз сложнее, нежели от наркотиков, ибо наркотик его всего лишь мутит сознание, а в один смутный вечер привёл ко сну, после которого обострился насморк, пришёл озноб, начались проблемы с нервной системой, так как конечности в первые полчаса плохо слушались главного героя, но когда всё закончилось, с ним стал разговаривать Хбох, что вообще насторожило даже тем, что никакого Хбох-а у Некто не было... После этого случая Некто решил со всем покончить, что и было сделано; разумеется, не лишь в наркотиках состояла проблема, посему проблема решена не была, но отдалилась слегка, чтобы её можно было узреть объективно, как казалось; разумеется, личность Аркаши никуда не исчезла, но пропала на долгий срок; к глубокому разочарованию объекта нашего описания (или исследования), Аркаша был личностью не то что сильной, но способной возыметь контроль над многими областями психики, завладеть всем человеком, поэтому уход Аркаши спровоциро-

вал хаос внутри Некто: вернулись уже знакомые Велиал, Асмодей и недуг Хандры, причём вернулись все сразу и вернулись отчасти, то есть одновременно или быстро чередуясь действовали именно своими негативными качествами, от которых приходилось страдать Некто, когда эти качества действовали на него по отдельности. Велиал вновь порождает ненависть к биомусору, причём к тому же самому, ведь временное «преображение» способствовало тому, что Андрей остался цел и даже не осознавал, насколько близко был к опасности и к какой именно опасности был близко; но Андрей продолжал оставаться худым пидором-анимешником, как и Ксюша нисколько не поумнела, однако если первый ещё имел элементы логики и старался не попадаться Велиалу на глаза, то вторая по-прежнему ярко выражала свою тупость, так как считала это «прикольным» и хотела выделиться этим, так как больше ей нечем было выделяться; впрочем, она всё так же оголяла ноги, но даже сам Асмодей не был настолько извращён, чтобы эти дряблые ляшки, выдаваемые за нормальные, его возбуждали. Асмодей просыпался лишь тогда, когда сего и следовало ожидать: при близости с красивыми девушками; по сути, он не приносил вреда, но лишь порой мешал объективно оценивать тех девушек, с которыми хотелось иметь нечто большее обычного знакомства или незнакомства; впрочем, такое положение вещей для Некто было весьма и весьма обычным, привычным, банальным, присущим ему, поэтому ничего нового не совершалось и не могло совершаться, то есть и проблем новых не было: проблемы были старые; напротив даже, появление похоти чем-то компенсировало подавление шизофрении, то есть действовало со схожей силой — в схожем направлении, отвлекало нашего героя от возвышенного, от самого себя, которых было много и которые были меланхолией...

Хандра — ужасный бич, навязчивые воспоминания о прошлом, которое не вернёшь, что вызывает горечь, и тоску, и томление, и страдание, и боль, само собой. Хандра преследовала его день за днём, особенно в начале и конце суток, то есть утром и вечером, когда малейшая ассоциация провоцировала волну воспоминаний — о Юле, а волна приводила к душевной боли, к маниакальному состоянию или к меланхолическому раптусу, что в любом случае было неприятно, томило Ваню (?), напоминало о том, что он потерял и чего уже не вернёт; самое обидное заключалось в неведении Юли о нём и его неведении о Юле: Ваня не знал, где она сейчас и чем занимается теперь, посещает ли их места встреч (ибо многие из них были рядом с её домом) или уехала в другой город, а Юля уж точно не ведала, как часто Ваня скучал по ней, и как глубоко его раскаяние, и как глубока его печаль в связи с тем, что, по сути, все его недостатки принадлежали не ему (а другим личностям), что он не виноват и что проблему в себе практически одолел, о чём Юля тоже не узнает, а если узнает, то по причине несовершенства человеческого разума — не поверит, ибо Ваня для неё остался таким, каким он успел побывать за полгода их отношений: из миллиона чудесных для него мгновений Юля вынесла одни недостатки, к сожалению; Юля была недоступна и была к нему безразлична, быть может, оставшись прежней, но закрытой для него; Юля значительно повзрослела на его глазах, а сам Ваня в период общения с ней научился чувствовать (и целоваться), но именно его развитая чувственность обернулась против него в последующем. Ваня прожил с Юлей целую жизнь, хотя не так уж много там происходило на самом деле, но после Юли он как будто жить перестал, ибо закончил радоваться, и надеяться, и высказывать любовь; наступила жизнь без светлого будущего, которая и должна была окончиться смертью. Фактиче-

ски, Ваня существовал воспоминаниями, которые его и убивали; в тот период чаще всего на ум приходили пейзажи всего лишь одного дня, в течение которого он успел отравиться, промокнуть под дождём, найти цветы, пропотеть по долгой дороге к Юле, чуть ли не опоздать на фильм с нею, в спешке и волнении запоминая все дома из мутного окна трамвая, освещённого вязким светом, словно от серых туч над головой; в этот же день они посмотрели один из самых страшных фильмов, хорошо провели время, перекусили, прогулялись под вечерним солнцем, стали ближе друг к другу, целовались впервые за долгое время, а вскоре оба попали под дождь, но спрятались на его любимой площадке, рядом с трёхметровой горкой; в тот день Ваня впервые за несколько месяцев отправился домой в состоянии счастья, а через неделю с лишним всё закончилось: Юля ушла, оправдываясь причинами, которые опровергались реальностью, а Ваня положительно недоумевал и не понимал, почему необходимо заканчивать отношения, если они перестали быть плохими в последнее время. Впервые Ваня встретил Юлю очень слабой девушкой, которой нужна была помощь, поддержка, любовь, и он пытался ей помочь, научить быть сильной, но результатов не было; к сожалению, Юля обрела силу лишь ради того, чтобы однажды с Ваней покончить без угрызений совести и без жалости; в глубине души Ваня желал взглянуть на неё ещё раз, в живую, случайно встретить Юлю на улице, но знал, что в этот момент расплатится, ибо был таков и не ведал причин не быть искренним, не быть собой. Проходили дни и недели, а Некто оставался Ваней; он углублялся в свои воспоминания невольно и будто по принуждению, он пил из shaker-a, к которому часто прикасались и её губы, он носил одну из маек, поскольку та была серая и тёплая, но всегда грустил, если вспоминал, что это майку подарила Юля, что это она вышила первую букву его имени

на ней и она же испачкала её чем чёрным, что никак не отстирывалось; всё чаще в голову приходила зима, когда счастьем обладал не он один, но и его Юля, тогда ещё его Юля, всё чаще Ваня, переполняясь горечью, вспоминал её чудесную невинную улыбку, её белые зубы и губы, пахнувшие вишней, которые он целовал и кусал каждый раз; и он жалел о том, что многого не сказал ей, имея ещё возможность, и том, что ничего не мог исправить к лучшему в их отношениях, поскольку даже не пытался исправлять себя, тогда не замечая недостатков, кои уловила она; Ваня глубоко скорбел о своих ошибках и о том, что прошлое невозможно вернуть, а ещё он вздрагивал и учащённо дышал всякий раз, когда слышал или вспоминал ненароком одну из главных песен Элвиса Пресли, потому что однажды они слушали её вместе.

За несколько лет до этого и в нескольких сотнях километрах от места событий романа ради нужд гнилого патриотизма в Сочи провели зимнюю олимпиаду; Сочи располагается в субтропиках, поэтому снег там случается донельзя редко, поэтому снег для олимпиады пришлось вызывать искусственно; олимпиада прошла, а затем наступил кризис в стране, а как следствие манипуляций с погодой в ближайших районах Краснодарского края не переставали сменять друг друга погодные аномалии. Была середина сентября; год назад в этих числах обострялось настоящее пекло, а теперь происходило похолодание; отсюда появлялись недомогание, вирусные болезни, включая синуситы и герпес, а в области лба всегда ощущалось какое-то давление, бывала и слабость, а в сумме всё приводило к тому, что тяжелее становилось думать целенаправленно, отвлекаться, поэтому Ваня не отвлекался по желанию, но без желания вспоминал о Юле раз за разом, теряя всякий контроль и в этом деле оставаясь беспомощным: он не мог не вспоминать. Зато любить её он мог и продолжал, но не высказывать лю-

бовь...

Глава 7. Полилоги-монологи

В те дни, когда осень слишком рано стала осенью, когда в огромном и некогда поистине великом государстве происходили выборы в думу клоунов, в которых официально «Единая Россия», как ни странно и уже смешно, получила более половины голосов, хотя даже если учесть нарушения выборов в её пользу и то, что у государственных служащих выбора никакого и не было, эти голоса по негосударственным опросам должна была получить Партия народной свободы, но не получила, ибо у нас — не демократия и не всё так просто... В эти дни наш герой никак не оценивал ситуацию вокруг, потому что и без этого видел совершенно всё: людям открыто и примитивно лгут, а те, кажется, и жаждут обмануться и подчиниться существующей власти в надежде, что она не сделает хуже, ведь хуже уже сложно сделать; впрочем, эти общественные активности и пассивности были Ване далеко не так интересны, как он сам: нет, он не был эгоистом, но имел проблемы с самим собой, а при имении таких проблемы преступно думать о процветании общества, которому для процветания, в общем, недостаточно лишь борьбы, но это дело глухое. Ваня делал попытки разобраться в самом себе и стал у себя в голове вести диалоги с другими личностями; интересно то, что никогда никакие из них не разговаривали друг с другом, отчего происходило впечатление, что именно Ваня является главным и самым настоящим. Ваня начинал вести разговоры с самим собой, как он думал, однако при анализе оказывалось, что в разговоре участвуют другие личности, отчего и появляются другие мнения, противоречия, самобичевание и многое иное; и диалог был следующий:

— Вчера, — говорил Ваня, — я общался с одной де-

вушкой; звали её Ксюшей, но до этого жизнь предоставила мне лишь очень тупых Ксюш, с чьей тупостью это имя у меня и ассоциируется, посему я называть её буду Оксаной, пусть ей самой это очень не нравится. Пару дней назад Оксана сама написала мне практически случайно; сперва я подумал, что получу обыкновенное примитивное общение, какое неизбежно получал от других девушек, с которыми хотел построить нечто серьёзное и высокое, но с первых же сообщений Оксаны я заметил крик души, исходивший от зрелой и творческой личности, видимо, пережившей многое и чувствовавшей многое, как я чувствую; впрочем, ни при каком общении я не забываю того, чему посвятил молодость, поэтому наряду с (не побоюсь этого слова) гениальностью Оксаны увидел её помешательство: мышление Оксаны было патологически обстоятельным, к себе она относилась слишком критично, но и двусмысленно, поскольку о своей критичности кричала, считая её за достоинство, но не понимая, что достоинством является не гласное признание своих ошибок, но вместе с их признанием — нахождение причин в целях предотвращения и достижение внутреннего спокойствия; а Оксана явно была беспокойна, активно занималась самобичеванием и подавала информацию о себе с депрессивным подтекстом, но, надо признаться, на удивление развёрнуто и красиво, хотя я-то знал, что причина этому — маниакальный эпизод или вовсе меланхолический раптус, заставляющий тебя чувствовать слишком много плохого и кричать об этом ради облегчения собственных страданий; видел я, что Оксана писала огромные тексты не ради получения моей помощи, но как бы для себя, как и я люблю делать; в глаза бросилось то, что Оксана хотела думать, будто в ней живёт 17 личностей, что слишком напомнило мне историю Билли Миллигана и чему я, признаюсь,

не поверил целиком как слишком большой редкости, как и не верю тому, что дегенерат по многим признакам — вдруг дегенератом не окажется, хотя вероятность сего имеет место; Оксана была больна шизофренией с паранойяльным уклоном, а преобладали в ней как симптомы этой болезни — аутизм и амбигуэнтность (возникновение антагонистических тенденций психической деятельности), но сложно было бы обнаружить сие без её замечаний, поскольку Оксана болела и биполярным расстройством личности, которое обуславливало и весьма отличное от шизофрении поведение; но в поведении её большое значение играла истерия — это точно, ибо Оксана (даже если откажется это признать) свои проблемы утрировала и подавала мне таким образом, чтобы я пожалел это бедное создание и как-нибудь подтвердил её надежды и опасения, её иллюзии и заблуждения, чего я не стал делать, желая ей благо. Окружающий мир она считала пустым, и сама утверждала, что предпочитает жить в иллюзиях, а ещё считала, что свою личность утратила и на самом деле является никем, но я-то сам переживал её болезни и прекрасно знал, что не так всё плохо на самом деле, как она выдаёт, как она подсознательно желает...

— (Велиал): это явное саморазрушение, — и ты сам знаешь об этом, Ваня, но всё мусолишь и мусолишь с ней; сразу видно, что вырождение на уровне психики весьма серьёзное, а в роду есть невротики, алкоголики и эпилептики; и ты сам болеешь именно этим, так что сам понимаешь, как сложно такие болезни подавить, вылечить частично, на что могут уйти годы: везёт тебе, что существуют другие личности, которые косвенно мешают Ванечке быть таким, какова она, хотя и ты временами чудишь, оглядываясь в горькое прошлое, которое не имеешь сил отпустить, слабый человек. Что касается твоей подружки, так ей сложно помочь, потому что из по-

добного саморазрушения произойдут суицидальные наклонности, причём сильные и исходящие изнутри, но не порождённые внешними обстоятельствами, поэтому даже обеспеченная жизнь (которой ей и достигать не нужно, может быть) ничего не исправит, да и ты сам, знаешь, что суицид является благодеянием и рекомендует тем, кто ничего из себя не представляет и не может прожить полжизни в страданиях, во внутренних муках ради того, чтобы сделать нечто полезное для общества, так что иногда лучше пойти по пути зла, так как это приведёт ко высшему добру.

— Ты прав, — говорил Ваня, — в скором времени она стала высказывать суицидальные желания, не обоснованные, но навязчивые, а с этим я сталкивался многожды: желания всегда имеют место, но они не так сильны обычно, как говорят о них, но даже пропадают, когда ты находишь нового хорошего человека и обретаешь надежду на новую жизнь, пусть объективно ничтожную надежду, но действительно тебя убеждающую. Посему она и нуждалась в новом человеке, пусть не признавала этого: мне известна уверенность в подобных словах и цена оных.

— Это ты ей так сказал, парень (слова Аркаши), а скажи-ка о том, зачем тебе это нужно — общаться с ней. Подумай: ты хочешь писать свою книгу, но для этого должен читать и множество чужих книг, достаточно часто того не стоящих; вдобавок, тебе надо учиться по-прежнему, чтобы не вылететь из университета и не попасть тем самым в ситуацию, когда придётся сделать выбор между армией, которая служит твоим врагам, и работой, которая отнимать будет разительно больше времени, нежели университет; конечно, ты не обязан учиться на отлично, как это делаешь, но сам понимаешь, что если дашь слабину в этом, то однозначно скатишься; и вспомни, что вчера ты бездумно взял проект, для кото-

рого придётся тебе детально разобрать объектное программирование на C++ и теорию обыкновенных дифференциальных уравнений, не такую уж и простую, какой она кажется по своему названию; и вспомни, нужно ли тебе, дегенерату, близкое общение с девушками, которым ты сам можешь сломать жизнь или которые сломают жизнь тебе, как это уже случалось раз восемь, да? Не так давно ты рассуждал, нужно ли тебе надеяться на подобие счастья, которого ты не заслужил, а теперь вновь лезешь в это болото; не обманывай себя, Ваня, и не думай то, что говоришь: ты не безвозмездно помогаешь людям, ведь это видно хотя бы из того факта, что помогаешь ты только девушкам приемлемой внешности.

— Но я верю, что Оксане можно помочь, и полагаю, что от нашего знакомства выиграем мы оба.

— Но выиграть хочешь ты, — вступил Асмодей, — а добро в её адрес является для тебя обычным оправданием и играет роль в рационализации твоих действий, хотя ты сам знаешь, Ваня, какие имеешь мотивы и к чему стремишься на самом деле: ты так отчаялся в поиске удовлетворения своей похоти, что готов уже совокупляться с женщиной любого возраста и состояния, лишь бы имелось место, куда можно засунуть член, и место, где это может совершиться в спокойной обстановке; от совокупления с мужчинами тебя останавливают лишь неполная гомосексуальность, приверженность не до конца оформленным моральным принципам и то, что влечение к женщинам ты испытываешь непрестанно, а влечение к членам появляется лишь при сильном обострении твоей похоти...

— Которой являешься ты. — заметил Ваня.

— Тем не менее, я есмь не отделимая от тебя опухоль, которую Господь Бог послал тебе же во испытание: теология говорит, что к каждому человеку могут в течение жизни приходить разные бесы, слабые или сильные, ко-

торые искушают его на грех порой так, что начинает казаться отсутствие Бога вообще, однако Он видит всё и даже именно Он послал тебе такие искушения, чтобы проверить твою силу воли и испытать твою свободу, которую ты имеешь при любых обстоятельствах; а на современном языке это означает, что ты не виноват, если родился извращенцем, проституткой, преступником или ещё кем-то, но ты всегда можешь выбрать между жизнью на пользу обществу или мучениями, которые по воле случая тебе присущи будут и будут многократно усилены, если ты пойдёшь у них на поводу. Ты сам знаешь, что происходит, когда ради секса общаешься с людьми, которые этого не ждут: сперва ты можешь быть объективным и действительно оказывать им помощь, но по мере приближения к ним всё больше будешь превращаться в похотливое животное, отчего в какой-то момент в тебе даже сам ты разочаруешься, ты всё потеряешь, зато обретёшь обиду и новые боли в области простаты, потому что никто тебе не отдастся, ибо ты — неадекватный, низкий, некрасивый и устрашающий до того, что женщина не почувствует себя за тобой в безопасности, потому что сама тебя боится: тебе и Настя, которая тебя ни разу не видела, говорила об этом, и та Оля-мажорка, которая потом снималась в порнухе со всякими дрыщами, и Вика, и Юля, и все-все-все. Ты уже двадцать раз пережил одно и то же: хватит играть роль святого и желать секса втайне, ведь ты не святой, ведь душа у тебя грязная, как бы ты не хотел всё исправить.

— Ты не должен общаться с ней дальше, — подтверждал Аркаша, — потому что даже встречи от неё не получишь, сам слышал, да и спасти её слишком сложно и не в твоих целях это; ты можешь пытаться оказывать ей поддержку безвозмездно, но это будут токмо попытки, а на самом деле ты всегда будешь хотеть секса и будешь всегда огорчаться, даже если твоя внешняя цель вдруг ис-

полнится, поскольку внутренняя не исполнится никогда: ты себя переоцениваешь, Ваня.

— (Велиал): огорчения тебе ни к чему, так как это ведёт к саморазрушению и чревато суицидом, ты знаешь, а с твоей стороны это будет даже преступлением, ведь есть ещё так много важных вопросов, на которые ты ответить сумеешь: не трать время впустую и не расходуй свою жизнь на принесение страданий себе или другим.

— Да он и не будет больше с ней общаться, — утверждал Асмодей, — ведь она сама сказала вчера, что имела несколько половых партнёров.

— И что? — даже не важно, кто именно это спросил.

— А у него же с периода полового созревания по такому поводу возникает патологическая антипатия в совокупности с гневом, — и не имеет значение, кто об этом сказал: — если девушка определённым манером скажет Ване, что она лесбиянка или имела половых партнёров, но при всём этом является приличной девушкой и не желает отдаваться ему, то Ваня начинает грустить, огорчаться, завидовать тем, кто ей некогда обладал, и т. д.

— Это правда, — ответил Ваня. — Вчера она слегка затронула эту тему, но я её попытался остановить, однако она продолжила и огласила такую информацию, которая принесла мне боль и убедила в том, что с этого момента я не смогу быть объективным к Оксане. На этом я решил закончить.

— (Аркаша): и ты больше не сможешь быть объективным к ней, зная при всей своей гордыне, что несколькими людям она отдалась, но не отдастся тебе, такому чуткому, понимающему, умному, спортивному, культурному, творческому и сексуальному, то есть самому лучшему; для тебя сие положение вещей останется оскорблением, Ваня, поэтому бросай попытки с ней общаться: это злостно для тебя.

— И хватит унывать, — говорил Велиал, — хватит

каждодневно жаловаться, что девушки не знакомятся с тобой и не хотят общаться с тобой: ты ничего не делаешь для первого, кроме комментариев «Пиши!» в социальной сети, а второе происходит потому, что со знакомыми девушками ты оказываешься слишком навязчивым, потому что ты гипертимный психопат и требуешь от людей столько, сколько сам отдаёшь, но сколько они отдавать не готовы. Научись уже знакомиться с девушками и не бояться быть отвергнутым; ты сам знаешь, в каких помоях живёшь; ты сам знаешь, что ничего не имеешь, поэтому ничего и не потеряешь, а пустые жалобы ничего не исправят и не уведут тебя от осознания того, что настоящей причиной твоей проблемы является инфантильное желание получать всё на блюдечке, получать девушек, которые красивы и сами знакомятся с тобой. Вспомни, что было вчера днём, Ваня: ты остался на почти пустом стадионе при слегка ветреной, но вполне приятной погоде; ты имел почти час свободного времени, которое не хотел проводить на своём факультете среди толпы; и ты имел шанс, блять, познакомиться с симпатичной девушкой, которая сидела на первом ряду трибун, на которых больше никого не было! но ты прошёл мимо неё и сделал вид, как будто не заинтересован ею, затем десять минут читал про частные дифференциалы функции многих переменных, а следующие полчаса бездельно любовался небом вдаль и над собой, находясь от неё на расстоянии пяти метров! Ты трусил вчера, Ваня, но придумал отговорку, будто сам себя смог обмануть в том, что она тебе не интересна! На самом деле ты, Ваня, придурок, у которого везде одни проблемы и везде одни отговорки, а у нас, твоих личностей, происходят проблемы из-за тебя, потому что у нас есть чёткие цели, а у тебя нет ничего, отчего и стремишься ты в какую-то пустоту. Измени свою жизнь!

Глава 8. Без названия

Мы ненавидим свои отрицательные черты в других людях, а своим достоинствам у других — завидуем, видим их как повод для конкуренции и неприязни, а в общем — ненависти к самим себе, ибо с человеком, подобным нам, тотчас хочется обрести связь, близость, но люди мнительны и не откроются тебе ни сразу, ни за неделю, ни за полгода, ни за всю жизнь в иных случаях, а говорить им о каких-то мгновениях — просто смешно, и лишь тебе надеяться на духовную и самую крепкую дружбу лишь потому, что ты такой же, — весьма грустно; если же ты знаешь человека, способного отбросить все предрассудки, забыть твои грехи и наделить высокой ценностью тонкости, столь же ценные для тебя, то будь уверен, мой друг, что этим человеком окажешься ты сам, и ты окажешься в одиночестве. Мы ненавидим свои качества в других людях: даже если идентичность очевидна, создаётся впечатление, что при всей связи вы не схожи чем-то важным, отчего именно ты являешься подлинным, а вокруг все — сплошь пародии или недоделанные, к сожалению; ты уже замкнулся в своём одиночестве и яро убеждаешь себя, что лишь ты один при всех своих недостатках ведёшь себя адекватно, чего не поймёт во всей полноценности никто, даже твои копии, даже те люди, которые не отличаются от тебя ни мышлением, ни проблемами. Эти ощущения донельзя субъективны, посему невозможно оценить их подлинность и обоснованность, но фактам жизни перечить бесполезно: ты будешь чувствовать себя уникальным, но будешь одиноким; не пребывай ты в гордыни, всё могло бы быть иначе, однако ты не имеешь сил не быть таким, каким являешься, даже страстно желая этого как

разумом, так и сердцем.

...словно маньяка, его тянуло на места наиболее наполненных чувствами событий прошлого, однако в памяти эти места были так детализированы, что возникали в голове и без их посещения. Не нужно было посетить место, чтобы вспомнить все, но и сбежать от воспоминаний было невозможно: они навязывались.

Ксюша вскоре ушла, став врагом для Вани, но такое происходит часто в его жизни, потому что он настолько хотел жить, что отторгал всё мёртвое, а Ксюша уже была мёртвой, поскольку не отличалась от него в хорошую сторону, но сама не могла справиться с бесом саморазрушения; Ваня всё равно верил, что может ей помочь, но боле не знал, стоит ли тратить время на такого сомнительного и падшего человека, тем паче, что сей человек стал порождать в нём неприятные чувства непонятной природы. Возможно, Ваня имел небольшие надежды на счёт новой знакомки, а разрушение этих надежд, возможно, принесло многим известную боль, да такая боль становилась лишь каплей в море и нисколько не сравнивалась с тем, что Ваня чувствовал, будучи всегда рядом с теми местами, где он бывал и с Юлей, где он проживал лучшие часы своего существования, как это оказывалось через время; имела место вероятность, что Юля училась в последнее время на соседнем факультете, но, скорее всего, от Вани её отделяли почти две тысячи километров... может статься, Юля обрела совершенно новую жизнь в более приятных для неё местах, но Ваня страдал по-прежнему, учился на старом месте, садился на тот же самый автобус на одной из четырёх остановок, где и они оба некогда садились; даже на пути к собственному дому или на прогулке в окрестностях последнего Ваня неизбежно сталкивался с местами, где Юля некогда была; кажется, ежедневно к нему приходили навязчивые мысли, но раз в день-два — это обязательно были мысли и вос-

поминания о Юле, от коих невозможно было спастись. Подчас Ваня умышленно приходил на те самые дворики из своих мыслей, но это не облегчало его положения — и не усиливало оное, ибо страдать сильнее он мог бы лишь при наличии единственно маниакально-депрессивного психоза, но не только этим был богат, но был разрываем несколькими бесами. Хандра, хандра, хандра... ни раз автор полагал, что для текущего собрания глав сие название не совсем подходит, но оказывалось, что хандра преследовала Ваню беспрестанно и уходить не собиралась. Наверное, новые люди могли нашему Ване разительно помочь, однако при возможности завести новых друзей появлялся Аркаша с поведением сумасшедшего, затем приходил здравый смысл, рождавший сомнения насчёт того, стоит ли портить жизнь людям своей дефективностью, а в самом крайнем случае являлся Асмодей, оканчивавший любое общение по своему излюбленному сценарию.

День был светлый и солнечный, но жестоко напоминал зиму; продолжалась всё та же осень, для глаз бывшая вылитым летом, но по температуре аномально холодная для самой себя; Ваня не смог устоять от дневного сна, но меньше чем через час проснулся по той причине, что сон стал слишком горьким и страшным: в конце этого сна Ваня (происходило лето) отошёл от одной из привычных для него улиц в сторону речки и, где-то между речкой и тротуаром остановился в шоке, наблюдая за блестящем от солнца песочным пляжем; этот пляж возникал каждый год, когда речка мелела, но летом — лишь раз в декаду лет или реже, что, впрочем, вовсе не было важно, потому что вид пляжа привёл его, нашего героя, к комплексу воспоминаний, связанных с этим же пляжем, пусть дело происходило ближе к середине весны, а не летом; как уже легко догадаться, предметом этих воспоминаний стала всё та же Юля, тогда ещё бывшая его Юлей и бывшая ещё не про-

тив него; ему вспомнился вечер, который описывать совсем не хочется, но которым Ваня определённо наслаждался вместе с ней и соразмерно с ней, поскольку они целовались на этом пляже, расстегнув свои куртки, чтобы во время поцелуя прижиматься друг к другу, чувствовать тела друг друга и согреваться; но не это вспоминалось в первую очередь и не это было самым сильным воспоминанием, но только последний вечер, когда они вдвоём на этом пляже были, но уже не целовались так страстно по причинам, о которых Ваня уже забыл, увы. Увы, жизнь показывала ему, что любое времяпрепровождение не сможет избавиться от прошлого, аже сопровождается одиночеством. Был день города в этот светлый, но холодный день; этот праздник — довольно слабый и непонятный, пережитый Ваней уже около двух десятков раз, но в прошлом году день города, где Ваня всё равно не принял участия, связался у него с Викой, которая в силу своих способностей и увлечений на таких мероприятиях обычно играет роль какую-то, которая и год назад... но говорить об этом не следует: навязчивые воспоминания повторялись и занимали в жизни Вани так много эмоций, что даже роман об этом герое по их вине может уже становиться скучным и предсказуемым, или даже едким, как и жизнь этого человека. Время требовало определиться, решить проблему, закончить жизнь вообще или придать ей смысл за счёт новых людей, но при любом выборе и склонении к чему-то одному трудности менялись на трудности и доходили до порочного круга.

Глава 9. Умственная деградация

Шла лекция по дискретной математике, а студенты сидели в необыкновенном молчании, поскольку вёл эту лекцию старенький и давно поседевший дедок с кафедры вычислительной математики и информатики, который был весьма строг и говорил очень тихо, отчего и приходилось прислушиваться; возможно, он преподавал уже полвека, был преподавателем хорошим, но время его уже прошло, а возраст сказывался, поэтому он уже не мог читать лекции без конспектов этих лекций; он медленно говорил, посматривая в книжку, в которой было абсолютно всё нужное и которую студенты потом покупали, чтобы иметь лекции в печатном виде, а на сами лекции не ходить; так и не ясным оставалось для Вани, почему же он должен ходить на лекции, если со школьных времён он лекции не усваивает, но хорошо учится по учебникам... Предмет был одним из самых сложных на практике; многих студентов факультета прикладной математики отчисляли именно из-за неуспеваемости по «дискретке», а чтобы решать задачи по дискретке необходимо было иметь настоящее абстрактное мышление, которое было настоящей редкостью среди населения XXI-го века, ибо население деградировало, а деградация на любой стадии в большинстве случаев сопровождается снижением умственных способностей и утратой абстрактного мышления в первую очередь. Но речь пойдёт об умственной деградации самого Вани, ибо при всех волевых усилиях он не мог не превращаться в Аркашу, когда сильно уставал и выматывался, что уже долгое время происходило с высокой частотой, поскольку от болезни усталость наступала быстрее. На лекции было довольно скучно, все хотели спать, чему благоволила и жара в аудитории, однако наи-

большой жар исходил от самого Аркаши, который и не пил давно, и не в первый раз ощущал недомогание; впрочем, жар и недомогание казались ему наилучшими проявлениями болезненного состояния, ибо куда страшнее сильно потеть, будучи окружённым людьми. К слову, Аркаша не замечал за собой повышения температуры, пока ему не сказали:

— Ебать ты горячий! — сказал одноклассник, сидевший рядом по левую сторону от Аркаши и случайно прикоснувшийся к его руке.

— Мм?

— Горячий, говорю.

— Ты ко мне... подкатываешь? — спросил Аркаша, театрально поправляя волосы.

— Нет (усмешка), у тебя температура.

— Эх, Димас-Димас, такой шанс упустил... — говорил Аркаша, по природе своей не совсем адекватный.

— ... а что у нас следующей парой? — спрашивала тупая Ксюша, которая всё равно будет прогуливать.

— Дифференциальная геометрия у Тена.

— А кто это? — она же спросила.

— Преподаватель... Он у нас уже несколько лекций провёл.

— Что-то не припомню ... — говорила Ксюша своей часто используемой интонацией дурочки, убого посмеиваясь. — Это немецкая фамилия?

На последние слова ответа ни у кого не нашлось, потому что Тен был типичным корейцем и очень известным преподавателем, а Ксюша порой высказывала такую тупость и неосведомлённость, что даже студентам со средним уровнем интеллекта становилось за неё стыдно, а дурашливому Аркаше — противно; в такие моменты он даже остепенялся и вообще уходил со сцены. А лекция тем временем продолжалась:

— ...два графа называются гоомеоморфными, если они

могут быть получены из одного и того же графа или изоморфных графов названным методом...

— Я уже слышал эти слова...

— Да, в алгебре и мат. анализе встречались.

— А когда у нас алгебра?

— Завтра будет, после экономики.

— Бля... — говорил другой голос, — а что по экономике?

— Что-то про экономические блага. Прямые и косвенные, частные и общественные, взаимозаменяемые и взаимодополняемые. Надо знать определения и примеры.

— Взаимозаменяемые — это как водка и коньяк?

— Или как сон и кофе.

— Или как жена или горничная.

— Или сын.

— Что за еботня???

— А-ха-ха-ха! — смеялась группа в десять человек, пытаясь смех удерживать.

— Очень смешно, ребят. — сказал Серёжа.

— А Серёжа не смешно: у него тяжёлые воспоминания. — и всем стал ещё смешнее.

— Так, а мне надо передислоцироваться, — сказал Аркаша, пересаживаясь к Илье, а пересевши, продолжил: — Илюха, ЧТО ЗДЕСЬ ПРОИСХОДИТ?!

— Где??

— Здесь!

— Что происходит?

— Почему ты сидишь с НЕЙ?

— В смысле?

— Почему ты сидишь не со мной?? Разве я страшный? Разве я тупой? Нет, я хороший парень, умный, культурный, не пониёб, ни анимешник. Почему ты не сел со мной? Разве я тебе не нравлюсь?

— Да хватит.

— А зачем ты с ней общаешься?

— Ну, хорошая девушка. Давно знаем друг друга.
Спортсменка.

— Спортсменка? А я разве не спортсмен???

— ...

Но не будем больше вызывать недоумение и огорчение читателя примитивными и повседневными разговорами основной массы населения и самых разных людей, которые в толпе становятся практически одинаковыми. Они вот смеются, улыбаются, делятся информацией и чтут это в какой-то степени важным и — настоящим: им кажется, что такие-то фразы действительно достойны породить эмоции, которые люди обычно испытывают; и только по приходе домой, оставшись в одиночестве, получив возможность адекватно поговорить с собственным «я» (хотя часто для такой возможности придётся поспать и проголодаться), люди понимают, как они ничтожны, смешны, жалки, неприятны даже в собственных глазах; впрочем, таковы они на самом деле, а осознание сего, пусть действует тяжело, посредством механизмов психологической защиты из сознания вытесняется и как бы вовсе перестаёт иметь место вместе со своим объектом — посредственностью в человеке. По отдельности многие люди лучше, чем в компании, но, заметив их в компании, мало кто поверит в это утверждение, ибо и не так важно, кажется, каким ты можешь быть, когда таким ты не являешься непрерывно; и уверен ли ты, мой друг, мой персонаж или читатель, сумевший — ненормальный — дойти до текущей строчки, — что лучшую сторону тебя действительно можно отождествить с тобой, если она далеко не всегда выходит наружу и оказывается слабее твоего стадного инстинкта? Впрочем, не имелось намерения разобрать этот вопрос, который сводится к подчинению эвристикам¹: имелась цель, не занимая попусту многое место, показать, каковы люди неприятны на самом деле и сугубо в своей совокупности,

показать этот факт и словно снять с себя обязанность доказывать его снова и снова примерами сверх уже приведённого. Люди — существа интересные, но не такие уж уникальные, оригинальные и достойные внимания; можно уделить несколько часов на исследование отдельного человека, хотя в единичных случаях оно может занять месяцы, однако любой продолжительности исследование будет лично твоим выбором: ты сможешь прекратить его по желанию своему, оставшись довольным, — но совсем иначе происходит, когда длительное время ты живёшь среди людей и неотвратно сталкиваешься с ними каждый день: в таком случае люди становятся уже постылыми, ибо — хорошие временами — в сущности они гадкие и горькие. Таковы люди, но примерно то же самое относится к проблемам людским, если они касаются одного человека; будь это «что надеть?» или «какая тоска!», эта проблема даже в случае своей истинности (вопреки первому примеру) тяжела лишь субъективно; и, может быть, эгоистично слишком столь много времени посвящать подобному, сколько люди привыкли посвящать; не стоит ли задуматься о том, что подавляющая часть современных проблем среднего человека так или иначе связана с нехваткой людей, с оценкой людей, с отношением людей или с людьми ещё как-либо? В случае с Ваней проблеме не нужно было нагнетать и созидать, но выход находился совершенно рядом, в другом человеке, в другом стиле жизни ради того, что заслуживает целую жизнь...

¹ когнитивным искажениям

**Часть девятая. Её звали
Джанетой. В нём жил упырь.
В нём упырь умер?¹**

¹ Для автора период жизни, затрагиваемый в этой части, был наиболее непредсказуемым, поскольку люди, с которыми эта часть связывалась, были то ли ненадёжны, то ли слишком рассудительны, чтобы иметь с автором долгую связь. Название части более пяти раз менялось.

*Он всегда представлял ему основным правилом
своего благочестия — не позволять, чтобы его
любили, привязываясь, что это грех, к которому
люди недостаточно бдительны, но который име-
ет тяжкие последствия и которого следует тем
более страшиться, что он часто представляется
не столь опасным.*

ЖИЗНЬ ПОСЛУДИНА ЛАСКАЛА

Бывали чудесные люди в его жизни, однако жизнь показывала, что было их значительно меньше, чем казалось ему; не так плохо, когда перед тобой человек явно отвратительный, низкий и тебя не заслуживающий, но худшее происходит от тех людей, которые не представляли отвратительными сразу и стали впущены в твою жизнь, допущены к твоей душе, а затем вредили тебе как бы изнутри тебя, предавая и разочаровывая, разочаровывая вообще в людях и, собственно, в жизни; после таких людей — особенно если их было несколько — ты уже теряешь доверие к остальным, утрачиваешь надежду и, как следствие, подавляешь в себе способность любить, ибо великой кажется вероятность, что прекрасная любовь обернётся против тебя, что, отдав следующему человеку буквально часть себя, ты оставишь кровоточащую рану, которая будет съедать тебя долгое время. Страшно весьма повстречать такого человека в жизни, поскольку он заставляет страдать; но куда хуже, когда ты сам являешься таким человеком, осознаёшь это и поэтому не принимаешь самого себя, пытаешься исправиться, но не можешь, отчего вновь и вновь связываешься с чужаками, отношения с которыми закончатся болью, — и не ясно ещё, кто из вас томиться будет более; в конце концов, после сонма ошибок ты придёшь к осознанию, что с чужаками просто не следует связываться, но иные аспекты жизни будут порождать в тебе большие сомне-

ния и заставят расширять понятие чужаков до такой степени, что к сему классу можно будет отнести почти каждого; затем же наступит неизбежное осознание: даже для родственной души ты представляешь угрозу, ты потенциально опасен для таких людей, в которых влюбляешься, и, может быть, тебе вовсе не стоит искать счастье в объятиях оных, пусть этого страстно хочется и это видится единственным из всевозможного, действительно способное тебя спасти. Больше всего пугает это «может быть», эта неуверенность в том, правильно ли ты мыслишь, верно ли действуешь, обусловленная жаждой счастья вопреки разумным доводам, что человеку естественно, но что — его не оправдывает в масштабах общества, хотя при широчайших масштабах это не имеет значения, как и вся твоя жизнь.

Эти мысли пожирали Ваню с того дня, как он познакомился с Оксаной; последняя была не той больной на голову Ксюшей, но красивым человеком его возраста, поумнее той и не развращённым грехом гордыни; она была очень светлым человеком, интересной и культурной девушкой при моральных принципах, достойных уважения; в ней даже замечалось умение поддерживать, так что, разумеется, его тянуло к ней достаточно, отчего и обострялась проблема: стоит ли пытаться строить с ней собственное счастье или, лучше сказать, счастье общее, покуда разительна вероятность того, что вместо желанного счастья — обоих накроет сокрушение. Ваня уже долго пытался решить эту нравственную проблему, хотя верный ответ знал уже давно; единственно, он сомневался в цене этого ответа, ибо не мог остановить конфликт между своим телом, своим разумом, душой и чем-то четвёртым. Уделом его стало неприятное ожидание какой-то помощи; погружённый в свои мечты и надежды, Ваня немного не дружил с головой и, бывший математиком в своём нормальном состоянии, не будучи им при изоби-

лии чувств, забывал, что прежде чем искать нечто серьёзное, необходимо убедиться, что предмет твоих поисков вообще имеет место.

Снилось

Терпеть не могу накрашенных женщин: мало того, что они не принимают себя настоящими, но также они от других людей пытаются скрыть то, какими являются на самом деле; сегодня она — пышная красавица на каблуках, с густыми блестящими волосами, кожей приятного цвета, пышущими страстью губами, огнём в глазах, а завтра — уже прыщавая, сутулая и с жирком, без задницы, без красоты, без тайны и вовсе приятных черт лица; и разница у облика её лишь в том, каким людям она солжёт, чтобы показаться лучше, а к каким людям отнесётся безразлично. То же самое с женскими душами: даже если мужчина им не нужен, они, женщины, сперва какое-то время будут показывать себя с хорошей стороны, пока по каким-то причинам не изменят свою стратегию, не найдут нового парня, перед старым показав свой подлинный оскал. Но случается это не сразу.

Она была до ужаса удивительной девушкой двадцати лет, красивой безумно, но вместе с этим по-настоящему мудрой, с большим сердцем и глубокой душой, чудесной душой; большая редкость, эта девушка была достойна называться человеком, умела поддерживать и чувствовать мир во всей его полноте, была осторожной и не судила строго, обладала терпимостью и готовностью помочь тем, кто этого заслуживает, а также во всякую минуту, как кажется, совершенно безотчётно она радовала своего собеседника, согревала его женским общением, не опираясь на низменные человеческие влечения и совсем ничего не обещая; Оксана была настоящей... Не каждому доведётся встретить такую красавицу с гладкой и румяной кожей, кукольным личи-

ком и огромными каштанами на месте глаз, такую девушку, чья красота даже отталкивала, поскольку была сопоставима с божественной и была создана — уверен в этом — словно ради лицезрения, но прикоснуться к ней было страшно; далеко не каждый возьмёт на себя эстетическую ответственность обладать таким сокровищем, как Оксана, тем паче, что низкие люди стремятся его опорочить; обыкновенно кажется, что у такой красивой девушки обязательно уже кто-то есть, что она совсем не от нашего мира, однако на самом деле самые лучшие боятся такой красоты, а прочие отвергаются её носительницами, ибо те знают себе цену и вообще знаю многим больше, чем предположишь на первый взгляд. Оксана была творческой личностью и своим творчестве выходила за пределы существующего мира; она много фантазировала, увлекалась красивым и абсурдом, создавала декадентские произведения, что наряду со скачками идеи и другими патологиями мышления было характерно для неё и что её совсем не портило, ибо в любых контекстах Оксана оставалась почти что святой и в самом главном — идеальной, хотя была и застенчивой, отчего бы вспыхнула, узнав подобное мнение о себе; нравом она была холодна, но от амбивалентности подчас становилась страстной, а в общем — нельзя утверждать о ней что-то более точное, чем сам факт её загадочности во всём, в каждой сфере жизни, в каждой области чувств и даже в фантастике, которая по всей видимости существовала по ту сторону её карих очей. Должно признаться, такое чудо не поддавалось описанию: Оксана не была похожа ни на что из живого или неживого, однако сама излучала жизнь, пронеслась в твоей жизни вечной алой вспышкой, побуждая задуматься о реальности всего окрестного и о том, нужно ли оно тебе, покуда можно любоваться Ей... Ах, Оксана! Она была совершенно другим человеком и по образу мыслей донельзя

ничтожно и бесконечно мало отличалась от Вани, то есть не отличалась даже в тех местах, которые он привык считать только своими и сугубо личными, лишь ему присущими и недоступными для понимания кому бы то ни было! Оксана порождала любовь, но такую, которую даже описывать — уже несерьёзно; это была спокойная любовь, которая не могла быть безответной, ревностной, эгоистичной, фальшивой или ещё какой-то, так как находилась над всеми человеческими понятиями любви и описанию не поддавалась. Оксана! Она в считанные часы стала близким человеком для Вани и стремительно переставала казаться объектом вождения, будущим партнёром, приятелем или ещё кем-угодно, поскольку отождествлялась с новым миром, означала новый мир, мир, где нет места старым понятиям и старым невзгодам. Оксана была подлинным творением Божиим, поэтому не удивительно, что попытки автора рассказать о ней кратко, но целостно, вышли лишь как пародия на настоящее. Загадкой была эта Оксана.

Она была сущим ангелом, но в чувственных темах становилась вдруг дьяволицей. Пусть она была женщиной, немногим старше его, однако длительное до удивления время Оксана общалась с ним на равных, как с человеком и как человек, не вызывая никаких похотей, ни надежд на какие бы то ни было отношения, ни надежд на долгие прогулки, ни потребности в этих прогулках, пусть порой флиртowała с ним и духовно была значительно ближе любых других женщин, вызывавших у Вани в разы сильнейшее чувство похоти, возбуждение, вождение, желание и помутнение сознания. По уму своему Оксана была весьма схожа с Викой, а по красоте и манере общения если и не походила на ту, то была наравне, но, надо признать, при столь выдающихся достоинствах она не напоминала Ване о бывшей любви, о мнимой подруге и об одной из са-

мых значимых женщин его жизни и его настоящего мировоззрения; Оксана была чудом, но чудом каким-то каменным, холодным, неживым, которым можно было любоваться, словно статуей, и с которым можно было вести диалог, словно с искусственным интеллектом или профессором, зацикленным на какой-то области, но человеческих чувств она, по всей видимости, не порождала, что и было её наиболее необыкновенным достоинством. Оксана обладала всем, чтобы стать объектом его интересов, но она не стала, поелику как бы и не существовала; как и прочих, сперва Ваня мог подумать о ней перед сном, когда мысли необычайно оживляются и появляется время, которое ни на что и не потратишь, кроме как на фантазии; Ваня представлял, как они лежат в одной постели, лежат под тёплым одеялом и в объятиях друг друга, но каждый раз (которых было и не много), на этом месте фантазии прерывались; нет, причиной не был голос совести или сексуальное возбуждение, но это была апатия, полная апатия и эмоциональная тугодупь, что, вроде бы, будучи наиболее прочего нейтральной, могла внезапно бить, как кувалда, приводя к большому осознанию страшных вещей, воспринимаемых как никогда безразлично. Странное явление; не ясно, была ли Оксана такой уж особенной или с Ваней происходило нечто совершенно новое, но в результате он ни радовался, ни страдал, хотя вместе с тем и чуток был рад тому, что не страдал, проходя такую тропу, которую в случае с иной девушкой он посчитал бы лезвием ножа.

Наступила пустота. Депрессия и мания исчезли. Прошло и многое другое. Навязчивые воспоминания поределели и, кажется, перестали нести эмоциональную боль. Ваня обрёл адекватность и покой; теперь он мог вершить дела, к которым должным образом не приступал многие месяцы ввиду болезни; теперь он мог не тратить время

своё впустую, как делал последние недели, но чего-то, определённо, он за собой не замечал, то есть наш герой понимал, что такое положение дел не является нормальным, пусть не приносит дискомфорт, но именно ввиду последнего сие осознание не рождало в нём то, что называется переживанием; он был безразличен; он желал всем быть такими безразличными. В следствие названных изменений Ваня мог подумать; Ваня сумел предельно объективно оценить проблему, которая сопровождала его последние месяцы — одиночество; недавно он был одинок и нуждался в знающем чувства человеке подле себя, но после не такого уж долгого общения с Оксаной Ваня (опустим причинно-следственные связи) начал действительно осознавать три истины, которые одну за другой открывал и записывал чуть не с начала своего перевоплощения; и он смирился с тем, что:

— Женщинам не нужен такой чудесный парень, как Ваня; им не нужен сильный духом и телом человек, причём человек культурный и просвещённый, который на примерно всё имеет своё личное и часто от общественного отличное мнение, который может адекватно оценивать ситуацию, который имеет в жизни тяжёлую цель и принял на себя испытание, который едва ли навредит физически, но, хуже того, одним своим существованием и образом жизни сможет привести женщину к осознанию того, как она мелочна и смешна в своих стремлениях. Напротив, женщинам нужен мужчина средний, пусть некрасивый, пусть тупенький или тупой, пусть подчас пьянствующий или под влиянием комплекса неполноценности увлекающейся футболом или военными походами, — лишь он был обычным, какая бы глубокая посредственность под этим понятием не скрывалась; а если он не очень туп или телом слегка спортивен, то женщина посчитает его мечтой; и не важно, что ты в сотню раз лучше, сильнее, умнее, крепче,

талантливее, чувственнее — этого глупые бабы не заметят или побоятся замечать.

— Женщинам не нужны подлинные отношения; как бы они не нуждались в них и не вопияли о своей нужде, они ограничатся словами и потенциальными возможностями начать желанное с кем-нибудь, но, соответственно, ничего не начнут, потому что либо побоятся, либо расхотят, ибо, пусть мужчин чуть меньше (чем) женщин в природе, на практически любой женских зов откликаются десятки особей из предыдущего пункта, чьё внимание либо станет для женщины достаточным, либо сделает отрицательное мнение о мужчинах как таковых, а в итоге неизбежно получится ситуация, что ты будешь значительно обделён вниманием эгоистичной и гордой женщины, покуда несколько недостойных будут получать его в пятикратном объёме, ничего не заслуживая, ничего и не делая; а все попытки разобраться в этом как-нибудь — обречены окончиться болью и разочарованием.

— В конце концов, ты сам не готов к тому, чего просишь. Ты желаешь получить отдельные блага, но забываешь об ответственности, забываешь о том, что женщина не является продуктом потребления и не может дать тебе всё нужное сразу ни за какую цену; ты забываешь, что женщина тоже является приматом со своим внутренним миром и многими недостатками. Тем паче, ты внутренним чувством понимаешь куда больше, чем можешь сказать; и ты должен понимать, что сам рождён нести зло, сопоставимое тому, которое многожды принесли тебе; разумеется, ты не виноват в том, каким являешься, однако в твоей воле и на твоей ответственности — связываться с людьми, когда о последствиях этих связей и вероятностей последствий ты знаешь по собственному опыту.

Джания

Ближе к ночи многие улицы обретают красоту; красота эта может быть яркой, живой, бурлящей и мерцающей, а может восприниматься такой безмятежной и беззвучной, тихой и тёмной, вечной и мгновенной одновременно, настоящей и в то же время то ли прошедшей, то ли некогда сверкнувшей лишь в твоих фантазиях, но всегда эта красота приносит тебе удовольствие, особенно через время, когда воспринимается сквозь призму памяти; кто-то считает, что мы вспоминаем невозможную красоту, созданную путём искажения объективной реальности и оттого столь чудесную, однако более реальным кажется идея, что при воспоминании фрагментов прошлого мы вспоминаем именно то самое, почему эти фрагменты так сильно осели в памяти и даже доступны нашему сознанию; мы вспоминаем самое прекрасное и можем по достоинству, полноценно оценить оное, поскольку не отвлекаемся на внешние и внутренние раздражители, имевшие место на момент свершения событий; конечно, приятно вспоминать красивое прошлое, особенно если желаешь отвлечься от грязного настоящего, однако в том-то и проблема, что сие прошлое ты захочешь вернуть, но ни за что не сможешь, а настоящее ты, человек, не воспримешь как живое и чем-то удивительное, куда оное — не станет прошлым; человек не может порадоваться имеющемуся, но везде видит потерянное, чем он и интересен отчасти, но токмо со стороны, ведь быть человеком в таком контексте столь же неприятно, как и увлекательно; и не поймёшь, чем такая участь жить в противоречии лучше апатии, или чем хуже... Так или иначе, ночные улицы заманивают, наипаче ес-

ли ты многое чувствуешь, и как никогда, если что-то у тебя с ними связано; так было и у Вани, который со временем, ещё припоминая хроническую боль, чувства к Юле начинал утрачивать, хотя по отношению к местам не становился ближе к равнодушию, пусть его чувства в этом направлении ощутимо испытывали перемены, которые подвергать анализу не так же просто было, как область задания функции; наверное, это прозвучало неуместно и нелепо, но такова реальность, которая человеческого мнения не спросит и на чувства человеческие не обопрётся; нечто схожее с предполагаемым Ваня ощущал при столкновении с своею собственною жизнью, которая моментами была комедией, годами — трагедией, а в общем — чем-то парадоксальным, несправедливым, но обоснованным; если продолжить мысль в сём направлении, то неотвратно придётся во всём повториться, что уже не интересно, что скучно, пресно, нудно, что и Ваню раздражало неизменностью своей. Но в том-то суть, что длинная и известная пора жизни подошла к концу, когда явилась в тленность её дней девушка, всему предавшая смысл. Её звали Джанетой.

Джанета была красавицей пятнадцати лет, очень низкой ввиду генетики, но уже взрослеющей девушкой с настоящей девичьей душой; у неё были выдающиеся скулы, смутной голубизны глаза, словно вода в озере или снега на вершинах гор, кажущиеся голубыми от оптических искажений; волосы у Джанеты были пепельного цвета и по плечи, прямые и весьма подходящие её образу; а телом Джаня была крепка, да и вообще весьма была похожа на взрослую девушку, если бы не её рост и подчас выдающие себя повадки ребёнка. А душой Джанета была человеком чудеснейшим, искренним, милым и чистым; она была на пару лет умнее своих сверстников, но не казалась испорченной; она имела большой и даже ощути-

мый при общении потенциал стать сильной личностью, но для этого нуждалась в помощи, зато обладала желанием развиваться; конечно, не всё у неё было хорошо, немалое место в жизни занимали подростковые комплексы, связанные с отношениями индивида и социума, но это больше всего объединяло её с Ваней, который в точности тем же самым страдал в её возрасте, переключаясь из культа в культ и из крайности в крайность, пытаясь как-то поднять себя то ли в глазах окружающих, то ли в собственных глазах; но Ваня избавился от этой проблемы, когда немного повзрослел и вместе с образом мышления изменил отношение к людям, ибо понял как суть большинства людей, так и самого себя, ибо Увидел, из какого источника текут людские суждения и интересы¹... И тотчас же при анализе личности Джанеты Ваня понял, что должен и хочет помочь ей справиться с тем, с чем справился сам, должен помочь обрести верный взгляд на мир и такое место в обществе, какое общество заслуживает от тебя; как и у Вани, проблема Джанеты состояла в том, что она на природном уровне превосходила духовность настоящего общества и посему незаслуженно и несправедливо находилась в некоем изгнании, что угрожало ей моральным уничтожением.

Джанета была милой девушкой смешанной национальности: мать — адыгейка, а отец украинец; соответственно, соответственно, в семье, где не было любви, произошёл конфликт на национальной и религиозной почве, усугублённый присущим мусульманам фанатизмом и отвратительным характером отца, что спровоцировало развод чуть ли не в первые годы жизни Джанеты,

¹ Если бы ты видел, из какого источника текут людские суждения и интересы, то перестал бы добиваться одобрения и похвалы людей. (Марк Аврелий)

но после нескольких лет козней и конфликтов между семьями суженных. В итоге Джанета не имела отца, не имела старших братьев, друзей и хороших приятелей, а единственный по-настоящему близкий человек, мать, по всей видимости, гораздо больше любила её брата, которого выносила не в столь сильной ненависти, как первого ребёнка; Джанета была сущим ангелом, не виноватая ни в чём, но против неё шли обстоятельства и недостатки человеческой природы; Джанета нуждалась в поддержке; и именно такое положение вещей побудило Ваню впервые за всю жизнь, быть может, оказать помощь достойному человеку, не предполагая какой-либо выгоды для себя; а именно такую помощь Артур Шопенгауэр именовал добродетелью. Немного изменённый Оксаной, Ваня получил шанс измениться совершенно; Ваня получил возможность показать Бога, о котором он говорил, и любовь, в которую он верил до сих пор и верил преданно. К слову, он уже не смог бы поступить иначе, ибо был благороден, а также получил любовь от человека, явившегося внезапно и единственно не воспринимавшегося как объект половой любви. Джанета.

Они встретились в выходной и на редкость тёплый для тех чисел день почти на середине пути между их домами; место встречи было для многих известным и одним из самых доступных мест города, но людей там всегда встречалось мало ввиду отдалённости этих мест от настоящего центра города и торгово-развлекательных центров; напрасно, место сие было невероятно красивое, особенно ближе к вечеру, когда солнце обретает оранжевую окраску и какой-то безмятежностью освещает гладь реки, невысокие деревья на том берегу и новые кирпичные дома, даже на третью часть не заселённые; это напоминало Ване некоторые мгновения позднего детства, когда в подобную же погоду он забирался на пятиметровый стог сена и смотрел на небо, на котором уже

принимала свои очертания луна, располагавшаяся пока почти у горизонта. Они встретились поздним вечером, за час с лишним до потемнения; показалось, Джанета оделась недостаточно тепло, но было всё ей терпимо; красавица, застенчивая, она почти не говорила или говорила с трудом, но сколько смысла хранило её молчание и какие чувства виделись в глазах! Без слов она приятно, но не плотски манила его, а ещё пахла мятой, сразу же вызвала чувство спокойствия и желание отыгаться ей, а также просто тянулась в его объятия, ближе к груди, ближе к нему; говорят, женщина нуждается в защите и поддержке, а мужчина должен это обеспечивать, но очень часто и самому мужчине следует чувствовать, что в его лагере (то есть от женщины) не произойдёт революции, предательства, диверсии: мужчине всегда нужно знать, что посвящает он себя заслуживающему того человеку, то есть не впустую, то есть поступает правильно; и Ваня обрёл это знание. Разумеется, при близости с красивой девушкой он испытывал возбуждение, но был осторожен и держал себя в руках, хотя не так ТОГО и хотелось; он много говорил, рассказывал, смотрел в глаза, открывался, он несколько раз обнял её крепко, но затем стал поднимать на руки, ибо почувствовал, что значат искренние объятия девушки: всего лишь пару раз из многих Юля обнимала его так крепко, да вообще редко обнимала, а Вика вообще не делала это по-человечески, хотя и как-нибудь почти не делала; так Ваня открыл то, что считал уже недоступным или невозможным; и сделал он это открытие рядом с тем местом, где провёл незабываемый день с Викой и где с Юлей ни разу не был, чтобы потом не страдать по ней, будучи в этом месте.

Джанета... Она была ещё ребёнком, но проблемы имела взрослые и душу имела взрослую; её можно было переделать для любых обстоятельств, можно было изменить под себя и собственные потребности, чем и вос-

пользоваться можно было, однако Ваня увидел и оценил в ней человека, поэтому вместо отдачи низменным чувствам решил огородить Джанету от вредного влияния, решил помочь ей осуществить самостоятельное развитие, но не исказиться под вредным влиянием общества, которое тянет тебя до своего уровня, до примитивности и жалкости, тянет вниз. Именно в этом направлении Ваня стал действовать, хотя мог подчиниться обычным чувствам и попытаться построить отношения с этим молодым созданием, которое влюбилось в него на той же встрече, причём настолько, что проронила слёзы; эти слёзы породили у Вани даже какое-то волнение, страх, боязнь ответственности, ведь очень страшно, когда тебя любят, когда отныне ты ответственен за спокойствие человека и почти все его чувства, ибо их обуславливаешь, ибо своим влиянием можешь сделать совершенно разное; Джаня всего лишь нуждалась в светлом человеке, а Ваня мог стать им ради неё, хотя бы ради неё, если ради себя никак не мог. И он попытался.

Забавно весьма: всю жизнь мечтая о послушной, симпатичной и любящей девушке, о девушке без тёмного прошлого и с чистым настоящим, без предрассудков, странных знакомых, без гордыни, а также совсем уж недавно фантазируя любовь, при появлении такой любви Ваня возымел желание убежать от неё, ибо красиво всё лишь в фантазиях, где ты Бог, где ты творец, который может на своё усмотрение вершить судьбы людей, не неся за сие ответственности, а также может наделять каждого определённым мнением, простым и однозначным, с которым правота твоя будет неоспоримой; а в жизни ты не имеешь такого контроля над ситуацией, ты не столь властен над настоящей жизнью, как хотелось бы того; и это пугает, если не вызывает безразличие, разумеется.

Ваня, считавший свою жизнь уж очень жалкой

и бессмысленной, решил внести в неё смысл и стать всем для этой юной девушки, которая больше многих заслуживает всех благ мира сего, но получила комплект несчастий, в существование которого даже не сразу поверится; составной частью этого комплекта стала её несчастная и избитая семья, где родители разных национальностей и разный вер по неизвестной причине решили испытать судьбу и соединиться в браке; брак сей развалился, потому что отец оказался очень мерзким типом как муж, мужчина и вообще при большом возрасте так и не стал взрослым, а семья его, сперва казавшаяся неплохой, оказалась семьёй каких-то психопатов; в общей сложности, Джаня долгое время росла вместе с братом только у матери, а с отцом не общалась, потому что ему нельзя было доверять, как не доверяют идиотам; а в подростковом возрасте она поняла, что отец её не любит и запросто забывает, если не напоминать ему о себе; кажется, не любила её и мать, почти всю себя отдававшая брату и только брату. Невероятно тяжело осознавать, что твоя семья не любит тебя, но только терпит и обеспечивает, потому что так принято и потому что противное карается законом. Жалко бы эту Джаню.

Мысли и действия

Маленькая красавица Джаня... Она внезапно оставила след в его жизни, пусть в этом вообще была цель его поисков: месяцами Ваня для того и знакомился с разными девушками, чтобы хоть когда-нибудь из этого кое-что получилось, но когда он встретил Джанету, то несколько изменил свои взгляды и стал ею то ли недоволен, то ли напуган, ведь действительно не ожидал, что сможет добиться высоких чувств уже тогда, когда, можно сказать, очерствеет от людей и с каждым месяцем будет надеяться на всё более низшее и ничтожное — и далёкое от того, что он вообще имел и к чему какой-то стороной себя имеет склонность. Посему при общении с Джаней Ваня без каких-либо намёков всё чаще осознавал, насколько это бедное и непорочное создание, насколько он её недостойн, не заслуживает и, в то же время, не желает, ибо он уже испортился и сам уже не понимал, чего именно хочет, помимо секса; так в Ване заговорила совесть, над существованием которой он некогда смеялся Вике в лицо, ибо путал её со стадным чувством стыда и слабостью человека среди общественного мнения. Однако, совесть эта была странной, поскольку её наличие никак не сказывалось на том, что Ваня, имевши подле себя молодую, чистую и любящую девушку (но бывши недовольным ею по своей вине), никак не прекращал контакта с ней и продолжал, получается, её влюблять в себя, заманивать (ибо был хорош), затягивая тем самым Джаню в известное болото, из коего по мере погружения всё труднее выбраться и всё маловероятнее при этом не пострадать; а болото сие должно быть известно читателю, поскольку Ваня сам в нём пребывал неоднократно, так и не отошедши через достаточно большие сроки от Юли и Вики,

так как с первой связаны были многие хорошие воспоминания и почти все достойные посещения места города, где протекала его жизнь, а со второй, — хоть не так долго длилось с ней общение, — кажется, была связана некая часть его — скажем для упрощения — души, причём часть сугубо невинная, мечтательная, умеющая любить, которой так не хватало ему сейчас, то есть на момент совершения последних мыслей, дабы подарить Джане то, что она сама дарит и заслуживает получить взамен; по всей видимости, из-за того что Виктория некогда принесла боль сей светлой душе, та стала недоступной боле (быть может, это оправдания) и, имеясь, не выходит наружу. Если припомнить, то из слов Вики следует, что когда-то она сама умела любить, но по вине плохого человека эта любовь была разбита и как бы вытеснилась, отчего тогда ещё прекрасный Ваня вместо получения высоких чувств был вечно ссылаем на ожидания, пока у холодной Вики вдруг пробудиться любовь к нему, хотя нет внешних причин и недопониманий, почему бы её не могло тогда быть; иными словами, пострадавший от ведьмы Ваня теперь понимал эту ведьму во многом, поскольку сам повторял над невинным человеком то, что когда-то сделали с ним. Ваня пострадал от ведьмы, а после сам стал ведьмаком, однако появившееся понимание несколько не оправдывало зловредных действий, однако осознание всей картины было каким-то преимуществом и поводом для дальнейшего анализа себя и планирования своих дальнейших действий, деяний, поступков, которые он, несмотря на все внутренние призывы и побуждения ко злу, мог выбирать самостоятельно при любых условиях. Ваня всё больше склонялся к тому, чтобы посчитать себя нелюдем и недостойным вообще думать о себе сверх утоления необходимых потребностей, недостойным требовать счастья и разных благ здорового человека, покуда он сам не здоров. Будучи

в описанном состоянии, Ваня не чувствовал себя худо, но был по обстоятельствам внешним занят многим другим и во многом обыденным, что его отвлекало от, пожалуй, единственной насущной проблемы, что тянуло время и сию проблему всё равно понемногу усугубляло, как и любую другую проблему, из-за которой и от которой человек почасту скрывается в повседневной каше; за это Ваня и презирал обыденный мир при адекватном своём состоянии, но, как и чуть ли не все люди, он порой лицемерил даже полностью осознавая лицемерие, хотя... с большей вероятностью это было двуличие, дело не столь осуждаемое и не столько поддающееся контролю, да это не оправдывает его дел.

Удивительные вещи стали происходить с Ваней впоследствии: он обретал всё большее спокойствие, отчего с незавидной объективностью мог как никогда рассуждать о самом себе и делах насущных; к делам сим относились и новые проблемы, ибо статус их отношений с Джанетой оставался не определён. При встрече он раз за разом поражался её маленькому росту и словно посему начинал воспринимать её как ребёнка: дело в том, что он сам был всю жизнь низок, поэтому и глаза любых собеседников на уровне подсознания ожидал увидеть в каком-то диапазоне высот, в кой рост Джанеты не вписывался; к слову, это мелочи, но имело место нечто серьёзное, что как бы отталкивало его от Джани, но это нечто не поддавалось описанию и какому-либо исследованию; возможно, Ваня испугался ответственности по-настоящему влюбить в себя девушку неопытную и из семьи неблагополучной, отчего эта девушка сразу будет относиться к нему как к мужу, будет доверять ему и иметь надежды... это вполне вероятно, но Ваня большее предпочтение отдавал куда более обоснованной версии, что он просто-напросто не умеет любить и никогда никого не полюбит всем сердцем, особенно если

учесть, что уже два, будучи близко к настоящей любви, он был отвергнут и практически сломлен; он не любил свою семью, не любил людей в своей массе, не любил уж точно подавляющее большинство своих бывших девушек и даже себя самого не любил, отчего серьёзно сомневался, стоит ли ему продолжать общение с ангелом, которому в будущем он склонен принести боль. Впрочем, Джаня была очень хорошим и занятым человеком и никуда не спешила, а Ваня, благодарный ей, был в то время так занят обыденными делами, что насчёт названной проблемы не сильно-то беспокоился; напротив, он ждал, когда Джаня подрастёт физически и обретёт плоды от своего саморазвития, а также понимал как никто другой, что с большой вероятностью не сможет полюбить сам, что все его чувства находятся на грани патологии и объективно не достойны внимания, а он всего лишь должен сделать тяжёлый нравственный выбор: попытаться найти недостижимое счастье в вечной смене объектов любви, надеясь и страдая, или остановиться на девушке, которая заслуживает быть любимой, — остановиться, чтобы посвятить свою жизни добродетельному делу. Дни шли за днями, пролетало время, холодало нещадно и неожиданно, но вечера между половиной шестого и шестью становились всё прекраснее; возвращаясь домой ежедневно, Ваня по привычке иногда смотрел в окно, узнавал давным-давно запомненные картины, однако после встречи с Джаней воспринимались они как совершенно новые, как чем-то дополненные и словно обрётшие жизнь; мир вокруг неделя от недели менялся на его глазах, менялся к лучшему, всё больше порождал меланхолию по какой-то вечности или детской фантазии, но не грозил воспоминаниями из прошлого, как прежде; нет сомнений, что на самом деле менялось восприятие этого мира, то есть менялся сам герой романа, на эмоциональном плане

возвращаясь на несколько лет назад, как бы назад, вниз, но при этом — возрождаясь и начиная жить. Причина таких изменений могла заключаться в новых книгах, могла просто стать плодом того, почему говорят «время лечит», но автор этих строк придерживается мнения, что особое влияние оказывала на Ваню именно та коротышка, которая нуждалась в помощи, которая как никто другой ценила его, которая при всех недостатках Вани смогла увидеть в нём несчётно хорошего и которая, кстати, удивительно целовалась, показывая своё участие, кое, словно свет, воссияло для Вани перед всей холодностью женщин, которых целовал он.

А между тем, жизнь полна противоречий и редко всяма может быть предсказуема, ибо не всецело, надо признаться, зависит от самого человека. Как бы то ни было, Ваня испытывал к Джанете очень приятные чувства, близкие к любви; вот только в следствие их разницы в возрасте не было понятно, любовь ли это парня к девушке, или отца к дочери, или ещё какая-то; вдобавок, именно из-за этой разницы было даже страшно целовать Джанету, было страшно давать ей надежду на что-нибудь, влюблять в себя, покорять, что Ваня мог осуществлять и безотчётно, но, имея к ней уважение и понимая её несправедливо трудную жизнь, старался не делать, поскольку по своему опыту знал, как больно может стать через месяц, три, двенадцать, если полюбишь человека или хотя бы привяжешься к человеку, который не сможет полюбить тебя; этого Ваня избегал. Но моментами ему приходилось самому себе признаваться и в том, что от Джанеты хотелось бы избавиться, хотелось бы покончить с ней, ибо она — совсем непривычный ему человек, существо слишком светлое и непорочное, не вписывающееся в его мечты последних лет, в его понимание любви касаясь себя, не похожая ни на одну из двадцати девушек прошлого, кроме, разве что, той ведьмы Мдины, кото-

рая была хорошим человеком до своего семнадцатилетия; а может быть, Джанета не столько напоминала Ваню в том же возрасте (как казалось ему), сколько день ото дня своими здоровыми чувствами и запросами слово заставляла понимать, какой же он внутри сгнивший и отвратительный человек, плохой человек, безнадёжный и обречённый на несчастье: пусть Джаня и говорила всегда своё «но для меня ты хороший», однако она просто не знала той правды, почему Ваня называл себя плохим, а именно — долгое время мечтая о большой и чистой любви, в своих мечтах он был не совсем серьёзен и хотел не столько полюбить, сколько избавиться от осадка предыдущих отношений; но, получив любовь как нельзя более хорошего человека, Ваня не прекращал свои поиски и надежды, получается, уже в пройденную сторону, не довольствовался имеющимся, но всё искал и искал, никого не замечая; возможно, он был обречён вечно искать, а ещё возможно, что именно состояние поиска и относительной лёгкости при нём были для него приятнее и нужнее, чем ничего или чем настоящие отношения; такого не происходило только при Вике, так как её он, кажется, ещё любил приближённо к настоящему, был все-сторонне охвачен ей, но и отвергаем, посему и в голову ему не могла прийти мысли найти кого-нибудь другого, ибо лучше её никого не было; зато при Юле, далеко не совершенной и порядком странной, подобные поиски новых «вариантов» не то чтобы не прекращались, но всё же имели место, а Ваня оправдывал их животной жадой секса, которую Юля просто-напросто утолить не могла: поэтому он так много общался с тупой и аппетитной Ксюшей, которая смотрела аниме и по другим проявлениям психической деградации была потенциальной «давалкой»; однажды даже, ближе к середине июля, обманутый своими фантазиями Ваня решил, что он оказался очень близок к сексу с ней, отчего и стал испытывать,

с одной стороны, томительное ожидание, но и, с другой стороны, угрызения совести по отношению к Юле; именно это сочетание привело к тому, что на следующий день он попытался увидеть в Ксюше человека, но сильно залился, когда она своей тупостью как бы убеждала его в обратном; а знал бы тогда Ваня, что с того времени у них с Юлей произойдёт не больше десяти встреч, в основном неприятных, но в любом случае плохо отзывающихся во всей дальнейшей жизни, он бы — есть вероятность — вытерпел тупость этой анимешницы, применил бы своё обаяние и через несколько часов вместо того, чтобы толкать её в стену, уединился бы с ней в общежитии для анального секса и разных ласк, но этого не случилось. С того случая прошло почти полгода, многое в жизни Вани изменилось, к худшему, наверное, поскольку лето проходило впустую и закончилось, многие люди отказались от него, а вот он при всём желании не смог отказаться от них и с того времени зачастую вспоминал многое из того, что вспоминать не хотел, но не мог не вспоминать; конечно, неприятные события научили его знать цену людям и верно оценивать самого себя, да только ранее он хотя бы имел надежду на любовь, а теперь всё отчётливее осознавал, что его никто не полюбит, что он хочет любви и не хочет, как и его не хотят; противоречие на противоречии — и все, как бы абсурдны или неправдоподобны они не были на словах, в реальной жизни субъективно сопровождались достаточно сильными и вполне неприятными чувствами, поскольку приятными они могли являться единственно при имении рядом определённого человека, а человека нужного никогда не было, увы. Но прежде чем вдаваться в психологическое состояние самого Вани, основанное на прошлом, необходимо, наверное, покончить с недавним настоящим, сказав, что, совсем недавно желая словно избавиться от Джанеты, Ваня был неприятно удивлён, обнаружив одним утром со-

общение от неё, в котором без объяснения причин она объявила о своём уходе... Полагаю, прозвучит это мелочно, но в городе не осталось больше достойного места, которое не было бы прямо или косвенно связано у Вани с Викой, Юлей или Джанетой; похоже, интермиссия снова была неполной и продлилась около трёх недель, при своём окончании превратившись в более сильный сплин¹ и меланхолию, не уступающую — отступившей.

Так короткие размышления не успели привести к действиям, потому что Джанета сама совершила действие, причём объективно правильное, каков бы не был настоящий его повод. Так и закончилась история с прекрасной и маленькой Джанетой, а Ваня понял из этой истории, что, похоже, даже подобие любви оказывается для него недоступным и что, к сожалению, всегда и поразительно быстро без чьей-то вины можно вернуться в яму, в болото, из которого тебя уже вытащили; создаётся впечатление, что попавший в болото под названием меланхолия так или иначе будет увязать в нём всю жизнь, порой утопая с головой, подчас почти не замечая его, но неизбежно в течение жизни накапливая разных оттенков воспоминания, которые по воле случая, начиная с какого-то времени, будут оборачиваться против этого человека, даже если это хорошие воспоминания и даже если это воспоминания, касающиеся того, как ты однажды то-то вспоминал... Нелегка жизнь больного человека, поскольку болезнь его имеет тенденцию прогрессировать и как бы разъедать изнутри — всю жизнь, каждый день — в той или иной степени, но год от года (если не чаще) усиливаясь в среднем своём проявлении; человек больной по-настоящему томится, страдает, ибо

¹ депрессию

редко какой звук или предмет не вызывает у него беспорядочную ассоциацию мыслей, приводящую в конце концов к повторному переживанию уже однажды пережитого; и едва ли такую участь сможет понять здоровый человек: разумеется, и у здоровых людей бывают неприятные моменты в жизни, но эмоции, кои были испытаны в такие моменты, как правило, тогда же лишь и случаются, но не возвращаются к тебе чуть ли не каждый день, да ещё в искажённом против тебя виде. Впрочем, ни слова не сказано здесь о том, что страдающий больной человек является, что ли, избранным, уникальным, удивительным и прочее, — но указать нужно на то, что такие люди обречены на страдания, поэтому представляют потенциальную опасность, как бы их не было жалко: не следует обманываться на сей счёт. Другой вопрос — как им поступать с самими собой?

Она вернулась и ушла

Как правило, в отношениях или на пути к ним девушки стремятся оставить себе немного свободы: общаясь с парнем сильным, весёлым, богатым (или какие ещё им нравятся?) и даже умным — они пытаются показать себя мудрее его, показать себя более гуманными, опытными, знающими жизнь и знающими о том, что все мнения субъективны, помимо, разве, мнения о том, что все мнения субъективны, хотя мнение это даже не им принадлежит, но им навязано. Иногда, конечно, гордым девушкам приходится создавать иллюзию такой свободы, ибо природа сделала их слабыми и зависимыми; ради этого девушки пытаются найти в себе качества, по которым других парней превосходят, но если они встретят парня, который и в этом окажется лучше, отношений ему не видать, как им — смирения.

Плохо стало ему после ухода Джанеты, однако однажды страдания закончились, когда с наступлением холодов и чувства все полностью замёрзли; с другой стороны, в герое нашем обострилась похоть, поэтому и многих новых и старых девушек он воспринимал уже с совершенно иной точки зрения, пусть и это порождало проблемы, но характер их уже был иным. Всё это время он не прекращал отношения с Оксаной, своим временным другом, которая при всех его недостатках держалась рядом с ним дольше многих девушек, ведь была точно такой же, многое принимала и понимала, зная, что проблемы человека не означают, что человек проблемный; Оксана понимала границу его недостатков, поэтому не обращала на них внимание, то есть поступала как нормальная разумная девушка; кроме того, собственным примером она как бы заставляла подражать себе, ибо при патологиях схожих оставалась человеком светлым, порядочным — и в дей-

ствиях осторожным, расчётливым в поступках; это был херувим, которого хотелось вечно добиваться, а она этого заслуживала, не придумывая лишних проблем, почему бы получить желанное не следовало бы, в отличие от Вики.

Но Ксюша ушла так же резко, как и вернулась; она уделила ему несколько часов удивительного общения с собой, дала надежду, но не последовала своим обещаниям и ушла; вернее, это Ване пришлось уйти от неё, поскольку никакие отношения он под влиянием опыта справедливо считал лучше тех, в которых имела неопределённость, а в особенности в плане того, существуют ли вообще отношения и значат ли они для другого человека хотя бы десятую долю от того, что значат для тебя. С её слов, Ксюша была напугана несдержанностью Вани, а также вообще теми пороками, с которыми он ведёт до того времени безуспешную борьбу; словом, несдержанность эта была мизерной и недостойной вообще внимания в сравнении с другими титаническими чертами нашего персонажа, но только не для Ксюши, не для человеческого разума как такового, склонного к предвзятым мнениям и заложенным в него стратегия поведения почти что всюду и по всякому поводу. Едва ли слова могут передать, как горько чувствовать себя отбросом среди людей, как горько иметь подлинное желание исправиться, но наткаться на людскую мнительность, на неверие, на сомнение в тебе и глубокую уверенность в том, что следовало бы подвергать сомнениям!.. Закончился период, когда можно было перед сном мечтать о лучшем будущем, о счастье, о человеческом отношении к себе, ведь сказки эти всё больше не согласовывались с реальной жизнью; наверное, последнее время Ваня жил в ожидании новой встречи с Оксаной, в ожидании культурного общения и шанса с новым человеком повести себя совершенно по-новому, да не суждено была сбыться таким глупым ожиданиям; и нет в сём ничего удивительного,

если вся жизнь состоит у него из разочарований приблизительно этой направленности. Разумеется, Ваня был болен, страдал расстройствами настроения и порой от патологической сексуальности своей почти превращался в животное, не могучи максимально сгладить влияние болезней в условиях современного общества, где в толпе мы обречены на одиночество; но Ваня не прекращал попыток до того времени, пока имел веру в то, что это имеет значения; и однажды вера не оправдала себя, ибо становилось всё убедительнее давнее подозрение: каким бы больным не был наш герой, он всегда оставался адекватным, боролся с собой и далеко уж не во всяком случае был виноват в проблемах, из которых не вылезал; всё больше правды виделось в том, что самое общество в основе своей больно, что люди вокруг — такие же психопаты, всего лишь не наделённые вместе с болезнями своими — талантами, умениями, способностями, которые из эмоционально лабильного психопата превращали Ваню в творческую личность со стойким мышлением и способностью оценке, в сильного и культурного человека, который мог бы считаться эталоном, если бы местами не был больным. Пожалуй, Ваня слишком много смотрел внутрь себя и пытался искать проблему в себе; напротив, проблема была в тех людях, которым ни совет, ни сильные чувства, ни самоанализ недоступны; и совет «взглянуть в себя» оказывался каким-то риторическим, ибо помочь мог единственно тем людям, которые лишены способности ему последовать. Но знаете, что всего прискорбнее было в этом осознании? Понимать, что причиняющие тебе боль люди не всегда подходят под ярлык больных, но зачастую здоровы; впрочем, здоровье не придаёт им сверхспособностей или хотя бы большого ума, но только говорит о том, что за ними — будущее; и горько посвящать жизнь представителям этого будущего, когда они относятся к тебе не более чем

к больному подонку, покуда с подлинными подонками связывают свои ценные жизни, уж этого не замечая.

Здоровый человек

Как тускл ты, здоровый человек, при этом излучая свет! Ты не идеально красив и умом не силён! Ты не наделён способностями выше среднего! Ты не умеешь творить! Ты не рождаешь искусство и не развиваешь науку! Ты не несёшь прогресс в общество и подлинного добра не творишь! Ты можешь любить, да никогда не поймёшь полной гаммы чувств больного! Ты не представляешь опасность, но и не приносишь пользы; ты — всего лишь рабочая сила и единственное существо, которое остаётся на планете нашей при любых катастрофах, способных разрушать цивилизации! И особенен ты только тем, что потенциально бессмертен и имеешь возможность жить в генах своих потомков, ибо можешь иметь потомков не менее здоровее тебя! И думать страшно, каким бы стал наш мир, если бы твою единственную способность к жизни имели гении!!!

Но всё же — за тобой стоит жизнь, и от тебя исходит всё доброе в этом мире, здоровый человек! Ты есть образец для подражания, эталон, этанол, красота и сама жизнь! И долг любого — беречь тебя и оказывать тебе помощь; в этом ключ к выживаю, в этом вечная цель, но не мнимая ли это цель в наш век, когда упадок видится повсюду? А существуешь ли ты, здоровый человек, ныне? Не вымер ли? Да и есть ли смысл искать тебя среди погибающей цивилизации, когда менее развитые народы тобою наполнены? Течёт время, проходят эпохи, цивилизации гибнут и возникают, чтобы поднять общее развитие рода человеческого и выродится, уступив место здоровой крови; так происходит уже две тысячи лет, так происходило и долгое время до начала известной истории; и мало что значит отдельный человек масштабах ис-

тории, ибо влияние он оказывает ничтожное; и даже редкая идея, которая может сплотить людей и влиять на них хоть столетие, хоть двадцать столетий — однажды погибнет и в пространстве бесконечности будет так же мала, что в будущем жизнь её с жизнью простого человека будут считаться равными, как сегодня десятки тысяч лет позабытой истории человеческого вида мы считаем набором десятка достижений. И есть ли смысл пытаться как-либо изменить историю или самих себя, увеличить жизнь цивилизации на сто или двести лет, если всё равно конец наступит? А если не наступит?..

Пребывая в мыслях подобного характера, Ваня, казалось, утратил духовные достижения, наработанные в последнее время; он стал менее сдержанным человек и поддавался похоти, избавился от иллюзий и пустых поисков, к жизни стал относиться лучше, обрёл относительное спокойствие (хотя сколько раз он его обретал и утрачивал?); однако, утратил он и цель своей деятельности, а при таком раскладе Ваня ощутил бесполезность всего, что он достиг, что пережил, что вывел, да и собственную бесполезность...

И сложно было принять в этом плане объективное решение, когда вокруг одни дегенераты, одни неадекватные и ограниченные люди, которых нужно отстреливать за их неизлечимость; порой возникали мысли, что в таком случае больны все люди, но Ваня такое мнение сразу же отрицал, ибо это — очень опасное мнение, которое будет означать бессмысленность всего, а следствием сделает беспредел. С этого начались поиски здорового человека.

Часть десятая. Человек среди упадка

Это явление общее для всего «цивилизованного» мира индоевропейской расы, обуславливаемое одряблением её; одрябление же есть последствие того, что раса вообще разменяла себя на мелочи; так, например, идея христианской религии заменилась более дешевой, но зато более удобной идеей «цивилизации», вместо христианской любви мы выставили гуманность и т. д. Везде и подо все мы подложили более удобные принципы, льстящие нашей распущенности. Мы одряблели, распустились, обращаемся в какую-то размазню, а жид стоит крепко; и крепок он, во-первых, силой своей веры и, во-вторых, физиологической силой крови. Но жид сам по себе не обновит человечества, в нем нет для этого созидательных элементов; он дал уже человечеству все, что мог дать, и ныне среди Христианского мира играет только роль разлагающего вещества; он экономически может покорить себе мир, но не обратит его в себя, не заставит быть его жидовским, ибо в жидовстве для этого нет ни малейшего нравственного фонда; и жидовство, уловляющее в свои сети Христианский мир, будет со временем в свою очередь раздавлено теми элементами, которым суждено внести в жизнь человечества обновляющие начала. Откуда придут эти элементы — быть может, из Китая, из Маньчжурии, с вершин Тиндукуша, — это, конечно, пока еще Бог весть. По исторической логике, казалось бы, так должно быть, ибо мир нашей цивилизации, видимо, начинает разлагаться, как разлагался мир Западной Римской империи. Чем больше внешнего блеска, тем сильнее внутренняя гниль. Никакое перевоспитание

*не заставит распущенное общество вернуться
к строгим началам христианским: для такого
перерождения нет в нем ни внутренних сил, ни
характера; ему удобнее жить среди всего того,
что льстит его инстинктам меркантилизма,
комфорта, эгоизма; идеал потерян — и потому
это общество есть законная добыча жидовства.
Всеволод Крестовский*

Ради того чтобы увидеть психическую болезнь, не обязательно посещать психушку, ибо психопаты существуют среди нас; чтобы увидеть нетерпимость и агрессию, не обязательно вовсе смотреть телевизор, ибо всё можно встретить на улице; и чтобы увидеть животных — не нужен зоопарк, ведь достаточно зайти в забитый автобус около шести вечера, поскольку в таком случае велика вероятность, что ты согласишься на пьяное быдло или на хачей, которые слушают лезгинку на пол-автобуса или пытаются показать друг другу, кто из самец; не нужно искать понятие несправедливости в словаре, когда средний человек каждодневно с ней сталкивается; и вообще (да простят мне мою лень) — уж очень многие вещи оказываются в современном мире более доступными, чем нам хотелось бы; при этом рост доступности проявлений человеческой порочности обратно пропорционален количеству свободы у каждого гражданина: мы уже не можем выбирать, во что нам верить, не можем выбирать здоровую еду для нашего существования, не можем по телевизору увидеть правду, в жизни — справедливость, а в самих себе — спокойствие и веру в лучшее будущее, которая не является компенсацией неприятного настоящего. Повсюду человек сталкивается с проявлениями упадка; и хоть упадок сей кружится вокруг людей, но портит жизнь он как будто даже земле и воздуху, словно выделяя яд, невидимый яд

от обобщённого выражения. Вырождение.

Молодая учительница детских танцев была подвергнута обсуждению, когда некий неизвестный выложил во всемирную сеть порноролик, в котором она снималась на первом курсе; она не увидела в своём поступке ничего плохого, да и семья её (!) после этого не распалась, потому что муж обо всём знал и не был против создавать семью с ней; так же подумало и общество. Студентка МГИМО пошла работать в порноиндустрию, а в новостях говорят об этом так, как будто она обрела своё счастье. В то же время люди действительно согласны с мнением, которое им внушают, или просто безразличны к внешнему миру; скорее, люди настолько замкнуты в себе и ограничены своими потребностями, что им уже всё равно на прошлое других людей, если в настоящем люди другие — утоляют их потребности; поэтому многим парням уже безразлично, что до них у девушки было «50 хуёв», потому что сейчас эта девушка «даёт» им; так же и женщины терпят измены, да и вообще (не говоря уже о семье) разрушается нормальное понятие отношений и эмоциональной связи, понимание высоких человеческих чувств и, следовательно, моральных запретов, ибо на первое место выходят инстинкты, причём патологические, не здоровые, ведь усиленный инстинкт чего-то обязательно ущемляет другой инстинкт, жажда секса блокирует самосохранение, то есть осторожность в выборе того, с кем этот секс происходит (здоров ли этот человек от рождения после многих лет жизни?) и каковы могут быть последствия (что может родиться и почему должно рождаться?). При этом сложно встретить непорочного человека, но и подлинно порочными становятся редкие, потому что не всем парням везёт вступить в связь со «шкурой», ведь не каждая девушка, гнилая в душе, решит и внешне стать самой собой, но будет притворяться,

к чему-то там стремиться, обманывать, передумывать, менять парней, отказывать, соглашаться, но «шкурой» в простонародном смысле не станет, ибо предпочитает жить во лжи; и именно такая жизнь является самой поганой из всевозможных, ведь не только сама происходит от смерти, но и приносит смерть, заражает. Логично, когда здоровые люди живут **НОРМАЛЬНО**, растут, учатся, женятся, плодятся, развивают мир, помогают всем, а потом уходят в уже преклонном возрасте; вполне логична и жизнь людей времён тотального упадка: разврат, убийства, развлечения, тунеядство, физическое разложение, наркотики, разительное искажение воли, внимания, влечения, ассоциативного процесса, что создаёт достаточно очевидную картину зоопарка, в котором все живут своей жизнью и наблюдателя не интересуют; но римский упадок означает уже конец, безумие, период, когда люди друг друга убивают, насилизуют, делают аборт, душат детей, сношаются с животными или рожают выродков, а ещё болеют, причём всю жизнь и неизлечимо, так что римский упадок легко описывается медициной и с точки зрения медицинских наук очень даже интересен, да едва ли кому-то повезёт увидеть его вживую, ведь к наступлению всецело римского упадка в цивилизованном мире уже не может остаться людей, чьё мышление будет иметь место на столь высшем уровне, чтобы заманиваться подобными темами; другое дело — так называемый упадок «конца века», французский упадок, ещё более, скажем так, упадочный, потому что вовсе недоделанный, ограниченный, вычурный, абсурдный: его представители вечно мечутся между противоречиями, между больной моралью и бесполезными мнениями, между жадой и социальными ограничениями, между тем, что ошибочно считают долгом, и тем, что по ошибке принимают за собственные желания; ах, интересны эти люди вре-

мени упадка! И жаль единственно, что жизнь у них бес-
предельно пуста; и горько весьма, что если ты можешь
изучать сей упадок по окружающему миру, то ты жи-
вёшь в нём, относишься к нему, поэтому и жизнь твоя
столь же абсурдна, как сама жизнь.

Бессилие

Психологи утверждают, что человек не сможет развиваться и даже не ощутит потребности в развитии, если не будут удовлетворены его первостепенные потребности, среди которых есть секс, питание, дыхание; в недостатке того или иного сейчас пребывают несправедливо много людей, отчего, находясь в цивилизованном мире, они уступают дикарям практически всем, помимо знаний, но главное — уступают счастьем, ведь у менее развитых народов его куда больше. В этом мире жил Ваня, человек способный и талантливый, готовый многое свершить и могший сделать это, если бы не более фундаментальные сугубо личные потребности, которые оставались у него алчущими... Ваня мог иметь достойную цель и практически не обладал препятствиями, чтобы не идти к ней поэтапно и спокойно, но проблема исходила у него изнутри: неудовлетворение естественных (или неестественных) потребностей стало сказываться на его умении концентрироваться, на внимании, отчего многие дела перестали получаться, не доходили до завершения, но времени требовали столько же, как если бы доходили, всё-таки. Грубо говоря, внезапно время, которое возможно было потратить продуктивно, разительно сократилось.

День шёл за днём, менялась погода на улице, возникали мелкие проблемы, что-то дорожало, что-то приближалось, но в общем же ничего не подвергалось изменениям: Ваня всё так же раз за разом проходил циклы биполярного расстройства и (пусть с редкими исключениями) мучился навязчивыми воспоминаниями, которые мешали ему жить; он всё время хотел либо спать, либо прогуляться по местам, где некогда испытывал

наиболее приятные эмоции в своей никчёмной жизни; иногда получалось так, что там-то он был Юлей всего единожды, а в одиночку прогуливался до пятнадцати раз, не переставая испытывать какие-то эмоции; к слову, через время наиболее сильные эмоции стали пропадать, но нисколько не угасала какая-то основа, за счёт которой всё испытываемое приобретало такое, что даже назвать чем-то определённым не получится; кажется, психиатры называют это меланхолией, точно, но как много чувств скрыто за одним лишь словом! Подумайте: чувства эти так сильны и так двояки, что почти каждый день Ваня уделял некоторое время на посещение старых мест, но при этом отказался от какого-либо поиска новых женщин: случилось это не потому, что женщины по своей природе горды, тупы и лицемерны, но токмо оттого, что ни с одной женщиной за всю жизнь у Вани не получилось ничего хорошего, но всему приходил конец, причём чем больше отношения могли называть приятными, тем больнее было вспоминать о них прямо или косвенно в последующем.

Но сколько девушек не было у Вани в последние годы, сколько он в них не разочаровывался, но никак, увы, не мог потерять интерес к женскому полу, потерять влечение, желание, жажды, ибо казалось ему, что он ещё не познал женщину, не открыл в ней какой-то тайны, которая перевернула бы его жизнь, перевернув его чувства. Глупый Ваня уже зашёл в порочный круг, уже привязался к тем, кому не был нужен, потерял этих людей и нелюдей и по-настоящему страдал от навязчивых представлений, связанных с событиями, которые его былым спутницам и не вспомнятся; не факт даже, что те или иные события вообще происходили именно при такой окраске, которая Ване помнилась, ибо с раннего детства Ваня — как будто реальный мир был слишком узок для его восприятия — любил быть смешивать с фантазией. В итоге Ваня стра-

дал по таким событиям, которых на самом деле не было; те события действительно могли стать настолько прекрасными, но не стали, а Ваню мучали; исходя из точно таких же ошибок, Ваня при всём своём опыте ещё верил в существование именно такой девушки, которую желает: не безгрешной (иначе бы он хотел слишком многого), но и не тупой, не гордой, не тщеславной или бездумной, не безличной и всё в этом духе... Но Ваня при этом прекрасно понимал, что девушка с подобными качествами будет для его слишком хороша и будет уже занята кем-то, как и положено; именно от этого понимания само стремление найти хорошего друга в женщине от малоплодовитого начинало казаться Ване уже бесплодным и даже смешным, отчего месяц за месяцем он ловил себя на том, что впустую и безотчётно совершает всего лишь ритуалы, которые ничем не обернутся; Ваня знал, что ему не суждено получить успех в сём стремлении, поэтому со временем и стараться перестал, и с новой девушкой уже не боялся осрамиться, ибо терять ему было нечего, ведь и без этого он ничего бы не добился, как показывала практика. Ваня повидал много женщин, увидел их настоящее лицо, мнимую индивидуальность, начал различать типы женских личностей и сулил стать профессионалом в знании этого человеческого подвида, но широкий опыт нисколько не мешал ему периодически ох*евать от новых временных подруг, от размаха женского бесстыдства, показной скромности, тупости, наглости и бессовестности; с этой точки зрения каждая женщина была способна удивлять чем-нибудь необыкновенным, но лучше бы всё у неё было самое типичное... Время от времени разочаровываясь всё сильнее, Ваня продолжал искать женщину, которой в реальном мире нет, но искать слепо, давно не имея надежды, испытывая упадок сил и бессилие.

Тоска

Счастливы дни и дни, которые могли стать счастливыми, уходят в прошлое, забирая с собой и солнце, и надежду, и тепло, и время, уступая зимним ветрам, осушающим верхние слои кожи, холоду, от которого мёрзнут пальцы и уши, мраку, который пропадает к позднему утру и уже ранним вечером снова вступает в свои права, а также унылому настроению неба, грязно-серым тучам, кои даже в разгар дня не пропускают свет и не дают лёгкости проникнуть в человеческое сердце. Люди в это время страдают от недостатка витаминов и ярких образов, от недостатка или избытка свободного времени, а часто и от недостатка любви либо избытка искусственных или низменных чувств в их жизни. А Ваня... А Ваня периодически переживал то одно, то другое: то любить хотел, то впадал в ярость, то предавался похоти, то уходил в безразличие, то при множестве дел не мог ничего начать и делал ничего, то не мог делать самого приятного, имея много важных дел; весело жить в таком ритме, да только грустно.

Тоска. Тоска. Тоска пожирала его; жизнь всё больше приходила в такое состояние, когда в общем ничего не происходит и всякое удовольствие от жизни есть лишь иллюзия, опёршаяся на прекрасные воспоминания прошлого, когда ты был ребёнком или подростком; так Ваня встречал жизнь взрослую, стратегию существования, которой он длительное время должен будет подчиняться вплоть до пенсии, вплоть до неизбежного осознания того, что за последние тридцать лет ничего удивительного не случилось! Но ещё хуже этого — знать заранее, что будет так, что каждый твой день не значит ничего и значить не будет; хуже — понимая это, не мочь достигнуть пере-

мен, но часто, раз в неделю или две, понимать, что на-верняка впустую прошла прошлая неделя — или две. Ваня, казалось, был создан не для этого грязного мира, ибо был слишком чутким, чтобы не видеть всю полноту окружающей скверны, и слишком чувствительным, чтобы не страдать от того, что виделось. Конечно, Ваня сам был плодом сей земли, сам был болен и порочен, что также приносило дискомфорт, однако ему всегда казалось, что при всех тотальных извращениях, при нелюбви к большинству людей, при ненависти и гордыне — он всё равно где-то глубоко внутри имел нечто светлое, что-то чистое, что-то ясное, в отличие от окружающих, которые внешне не были настолько порочными (как Ваня), но души имели уже созревшие, гадкие, отвратительные души, отчего и перестали восприниматься как люди, ибо не было в них человеческого. Они были погружены в повседневные проблемы, жили единственно мнимыми ценностями, причём не от незнания вели такую жизнь, но по определению, не желая что-то менять, не имея возможности, скажем так, излечиться, поскольку были либо слишком тупыми, либо гордыми, причём далеко не очевидно, что же из этого хуже, хуже ли жить среди падших людей с умом или среди невинных от своей тупости. Но и вопрос этот — какой-то косвенный, ведь если бы существовал ответ на него, то ничего бы этот ответ не исправил, особенно если учесть, что жить Ване пришлось в реальном мире, в мире, где тупые и падшие — одинаково встречаются, а ты ощущаешь себя единственной жертвой судьбы, «белой вороной», ошибкой... но ошибкой времени, так как ошибки природы тебя окружают и провоцируют тоску, косвенно разрушая всех, кто от них отличается.

Ненависть волчья

Когда-то давно старый индеец открыл своему внуку одну жизненную истину. — «В каждом человеке идет борьба, очень похожая на борьбу двух волков. Один волк представляет зло — зависть, ревность, сожаление, эгоизм, амбиции, ложь... Другой волк представляет добро — мир, любовь, надежду, истину, доброту, верность...» Маленький индеец, тронутый до глубины души словами деда, на несколько мгновений задумался, а потом спросил: — «А какой волк в конце побеждает?» Старый индеец едва заметно улыбнулся и ответил: — «Всегда побеждает тот волк, которого ты кормишь.»

Имея внутри себя несколько бесов, Ваня уже перестал осознавать, каким является он на самом деле, что именно в его характере является его собственностью, а что — патология. Казалось, Ваня совсем потерял себя среди них; он вынужден был нередко становиться полем битвы между Велиалом, Люцифером, Асмодеем и другими, но если в итоге не подчинялся кому-то, то не от своей силы воли, а потому, что использовал силу другого демона и примкнул к нему; в этом и заключалась борьба с самим собой, но такая борьба по определению была самоуничтожением, поэтому её нужно было прекратить на как можно дольше, отдав приоритет одной стороне своей личности. Но какой? Конечно, этим демоном в очередной раз стал Белиал, демон среди демонов, сильнейший всех и всем родной, содержащий ненависть, похоть, жадность и прочие отрицательные качества, если применяются они против дегенератов,

а Ваня жил среди дегенератов, среди отвратительных людей с грязными душами, которые не принимали его и делали изгоем. А он один шёл против них и изгонял каждого из своего сердца, ибо никто на самом деле не был его достоин; лишь женщины привлекали его своей внешностью, в действительности бывшей искусственностью, как все их стремления, цели, ценности, желания и сама жизнь. Как отвратителен этот мир, когда ты болен! Или когда болен он! Или когда вы оба больны, но даже при размахе собственной болезни ты осознаёшь, насколько превосходишь окружающее тебя, падшее так низко! Горе это, экстаз, ненависть, недоумение или удар — не дано судить со стороны, не дано понять постороннему, который не знаком с влиянием той самой болезни или не умеет чувствовать по вине иной; можно просто обозвать это дегенерацией таланта, но для носителя дегенерация есть нечто большее простого термина, явления, простуды, потому что она захватывает всю жизнь, отнимает многое и вынуждает знать об этом и видеть в навязчивостях разных то, что могло бы сделать тебя счастливым, но быть бы не могло! Таково ежедневное настроение тех, кого судьба не обделила умением увидеть то, чем же она — всё-таки обделила; всю жизнь таких людей терзает обида, ненависть и зависть к тем, кто пребывает в неведении и кому живётся проще по сему; и каждый день такие люди живут словно не своей жизнью, совсем забыв о чём-то личном и желая пламенно обрести то, что тоже для них не предназначено. И повезёт тому человеку, который после длительного печального опыта поймёт, как лучше жить, чтобы хоть временами жить, не имея иллюзорно, но и не отказываясь ради иллюзий от удовольствий, которые вполне вероятны, вполне достижимы. Пожалуй, Ваня понял это, Ваня научился не доверять людям и не идеализировать их ни в коем случае, но знать себе

цену и слушаться своих потребностей, имеющих наиболее влиятельное значение; душой Ваня пал, отношения с другими людьми стали быстро портиться, но люди эти начали получать уже такое отношение, которое заслуживали, а Ване было спокойнее. Только меланхолия посещала его время от времени и заставляла страдать медленно и длительно, но от этой болезни даже время не могло излечить, ибо она — есть плод времени и с его течением имеет тенденцию прогрессировать, забираясь не только в недавнее прошлое, но и туда, где ещё не возрождалась и чего не должна была коснуться...

Обида

Обидно быть человеком и жить с человеческими потребностями, когда те у других утоляются запросто, а у тебя — и после значительных усилий лишь обостряются, чтобы утолиться, но этого не происходит; спокойствие, радость, сексуальное наслаждение — всё это доступно людям нашего века, а зачастую и легкодоступно, но Ваня среди этих людей оказался очень редким исключением. Он ощущал глубокую обиду на этот мир, поскольку при всём своём возвышении над людьми никак не мог заполучить то, что другим достаётся без каких-либо усилий; в основном, это касалось сексуального наслаждения, но и не только его, однако ввиду особенностей влечения и его иерархического положения среди прочих — Ваня единственно на сексуальном наслаждении и был зафиксирован, схожих проблем не замечая или тотчас умаляя их из свойства человеческой психики. Ему было очень обидно, что в наш век упадка, который по большей части проявляется блудом и отупением, он, наш герой, дегенерат и тотальный извращенец, не мог найти самого простого секса, поскольку именно для него каждая женщина оказывалась гордой и недоступной, куда для остальных она оставалась собой, настоящей, то есть «давалкой»; у каждой девушки в наш век имеется так много поклонников, что ко многим из них без ущерба для себя они относятся с большим пренебрежением, они могут проводить отбор, выбирая более обеспеченного и/или, как показывает практика, более, как говорят они, «простого» и «обычного», которые при взгляде со стороны оказываются примитивными отбросами общества, то есть они были бы отбросами в нормальном обществе, в современном обществе, если бы современное общество

являлось нормальным; и именно такие люди получают то, чего не получал лучший среди них, ибо в нём, в Ване, имелась глубокая проблема, которая называется критичностью и которую он никак не мог определить, да едва ли бы что-то смогло измениться, если бы он вдруг осознал очередную правду о себе. Быть может, в этом нет логики, но обидно быть непринятым окружающими, даже если ты их — вообразите — презираешь, даже если для тебя они нелюди, примитивные и падшие существа, безнадёжные люди или как их не назови — даже если их мнение есть ничто для тебя, но это ничто может ничтожить...

Горечь

Какой же мир ты потерял! До же чего прекрасным он был при всех своих недостатках в те годы, когда неведение оберегало тебя от развития и осознания несовершенства того, чем ты окружён! И пусть далеко не всё в той жизни было благополучно, однако это не оставалось в памяти на длительное время и не подкреплялось осознанием того, что за всю жизнь лучше не станет! Это был тот мир, в пределах которого ты ничего не вспоминал и к чему-то стремился, пусть совершал ошибки и должен был бы учиться на этих ошибках, а также не совершать новые, для чего и нужны тебе память и мышление, однако, даже когда ты совершал одну ошибку за другой, это не рождало какого-то особого и длительного дискомфорта, хотя бы близко сопоставимого тому, который будет преследовать тебя потом, когда ты уже ничего не станешь делать, во многом будешь раскаиваться и — главное — осознаешь, в каком неприятном мире живёшь, и жил, и, сверх того, будешь жить; во многой мудрости — много печали, а распространяющий мудрость распространяет скорбь: поэтому именно неведение кажется спасением в мире невежд и невеж, гадких людей и глупых людей, падших людей и обречённых жить среди падших. День ото дня Ваня предавался анализу произошедших за последнее время событий и замечал, какие глупые ошибки допускал из-за максимализма и навязчивых идей, от чего отказывался и чего уже не вернёт; Ваня предполагал, какие же ещё могли свершиться события, если бы в определённые моменты жизни он поступал определённым образом; ему казалось, что всё могло быть гораздо лучше, но эти мысли были тупиковыми, поскольку не возвращали прошлое, не меняли прошлое, ни на что не влияли,

ибо на своих ошибках Ваня учился лишь в теории, да на практике безотчётно возвращался к ним, что осознавал не сразу. Выходит, Ваня замкнулся на своём депрессивном состоянии и даже... придерживался его, то есть при любых обстоятельствах помнил, каково ему было когда-то, и, даже когда ему было не так уж плохо, считал иначе, старался считать иначе (почему люди так делают?), пока вовсе не привык жить именно так, как ему больше всего не хотелось. И это не мешало ему испытывать горечь по поводу того, что он потерял или считал потерянным.

Надежда и надежда на надежду

Когда-нибудь посчастливится Ване, нашему герою, найти такого человека, каким является он сам, найти человека красивого, талантливого, интересного, достойного счастья и в то же время — обречённого на несчастье и несчастного, ибо такова судьба; быть может, к тому времени Ваня ещё не опустится слишком низко, а личность его — ещё не успеет разложиться, расщепиться и кануть в прошлое, но эти двое встретятся на пике своей эмоциональности, в середине своей молодости — и начнут строить жизнь вместе, не так уж правильно, но и не так, как строили её по отдельности, по справедливости, пусть такая справедливость в условиях упадка приносила им лишь мучения; они полюбят друг друга, возможно, и в таком случае оба порядком изменятся, причём не важно уже, в какую сторону, поскольку сулит счастье (или нечто близкое к нему) описанный путь и терять герою нашему больше нечего; и многие невроты его пройдут с утолнением потребностей, и фрустрация из реальности превратится в забытое слово, и гнев патологический пройдёт, когда наличие достойного человека породит любовь, породит настоящую любовь, которая не будет антагонизмом к ненависти и неприязни, потому что своим существом просто — не оставит им места; такая любовь принесёт прощение, принесёт забвение, принесёт и простодушность, однако пойдёт на пользу людям, особенно когда они влюблены друг в друга; и всему человечеству было бы лучше весьма, умея оно так бескорыстно любить.

Какова вероятность этого? Низкая. Особенно если взглянуть на жизнь этого человека, полную добрых стремлений и злых разочарований, полную не столько

злом извне, сколько абсурдом и несоответствиями его уровня развития с уровнем мира, в котором Ваня жил. Далеко не хороша эта жизнь, но ничто не мешало Ване с раннего детства и без конца иметь мечты и надежды, любить если не в жизни, так в фантазиях; фантазии помогают жить или выживать, по крайней мере, поэтому они помогают ждать, а ожидание может окончиться хорошим — надо лишь дожидаться.

А что способно помешать? Только меланхолия, сводящая все фантазии к исправлению ошибок в прошлом, которые в реальном мире невозможно исправить. А ошибался Ваня достаточно. Однако, это были ошибки совсем другого рода, не типичные, не связанные с грехами, допустим, но в большинстве своём заключающиеся в том, что наш Ваня посмел расслабиться и чувствовать в те моменты и в тех местах, когда этого делать не стоило б, чтобы не получать того, что Ваней уже получено. Носитель нестандартного мышления, будучи смышлёным, Ваня долгое время жаловался на слабую память, но с началом обострения своих психических расстройств он неосознанно хотел бы вернуть себе такую память, ибо теперь он помнит слишком многое, причём не только произошедшие события достаточно подробно, но и эмоции, которые испытывал, когда те события имели место; а ещё хуже, если таких эмоций не было, но со временем они возникли, ибо пока что они имели лишь негативное влияние на Ваню, для Вани, хотя по сути своей чисты и позитивны. Это начинается с детства... Другой вопрос, закончится ли это, ибо в любом случае жизнь человека наполняется событиями с течением времени; а порой за отсутствием больших событий — человек даже самые малые раздувает в своём представлении до значимых. А те уже не дают покоя; ощущение, что выхода не существует. Разумеется, если не рассматривать саморазрушение, которым многие

из нас занимаются длительное время, употребляя вредную пищу, спиртные напитки, наркотики, табак, дешёвые стероиды, жиросжигатели в больших количествах, бесполезные (но не безвредные) диеты, тлетворные медицинские препараты, доступный от своей посредственности секс, профессиональный спорт и многое другое: мы много чем занимаемся, легко и небезосновательно придумывая для этого поводы, но пытаюсь скрыть или вовсе не понимая — причину, которая при всём разнообразии дел заставляет нас заниматься по сути одним и тем же — саморазрушением разного масштаба, которое преследует нас до самой смерти и — в зависимости от своей структуры, — соответственно, может преследовать нас десятки лет, а может уничтожить за несколько недель. Это — болезнь неизбежная, которую исправить не получится; и весьма не сложно обосновать это с научной точки зрения, но таким обоснованием человек со стороны не проникнется; а чтобы слова можно было осознать, *необходимо* встать на место того, кто мучается. Но *достаточно* ли...

Часть одиннадцатая.
Не стремись жить

Не стремись жить, покуда это подразумевает одиночество, ведь даже при достижении своей цели ты рискуешь остаться один, один среди людей, у которых ничего не получилось и едва ли вообще получится. Не стремись жить, ибо велика вероятность, что ты выбьешься из колеи и попадёшь в такой мир, где все будут чужими тебе и никто тебя не поймёт; и ты можешь считать их отсталыми, посредственными, смешными, слабыми, несамостоятельными и т. д., но, даже если ты прав, это ничего не изменит, потому что за счёт стадного чувства и неумения сочувствовать эти люди посчитают тебя точно таким же, поскольку решат, что знают тебя, увидев в тебе лишь то, что им под силу увидеть в рамках своих способностей. И не подумай, что есть нечто удивительное и захватывающее в том, чтобы вмиг как будто оказаться единственным в этом мире, поскольку не так уж это захватывающе, а пути назад — не будет; конечно, в теории можно было бы совершить регресс и всё вернуть, однако в жизни умному отупеть будет слишком сложно, да и вряд ли он захочет это сделать, потому что при всех недостатках и даже страданиях жизни в изгнании — эта жизнь, всё же, лучше возвращения обратно в клоак, ведь ты уже будешь знать, куда и к каким людям возвращаться, хотя, честно сказать, они уже не будут казаться тебе людьми. Но наиболее неприятная вещь в одиночестве, от которого я пытаюсь отговорить тебя, — это отсутствие полного смирения со своим положением и стремление возвращаться к людям безотчётно и лишь в каких-то моментах, потому что это чревато непониманием и завышенными ожиданиями, мой друг, которые, сам знаешь, люди не смогут оправдать, ведь и одинок ты не просто так; поэтому ты сильно рискуешь возыметь надежды на людей и нести их бремя попусту, ты рискуешь терпеть негативное ради чего-то светлого в скором будущем, хотя сам поймёшь, если постараться, что ничего

светлого не обещалось. Усмири свои чувства, мой друг, покуда они требуют взаимности от кого-то и без должного участия других людей пойдут тебе во вред; обрати лучше внимание на себя и сделай так, чтобы именно ты был хозяином своего положения и чтобы не появлялись в тебе очаги, которые согреть должны только при участии других людей. Не верь людям и не стремись жить, иначе сам на горьком опыте придёшь к этому выводу, но он уже ничего не исправит, ибо пути назад нет.

Велиал

Эмоции, обычно, через какое-то время уходят.

Но то, что они сделали, — остаётся.

Вильгельм Швобель

Грусть есть начало просветления духа: она освещает душу, она есть начало веры, начало любви;

грусть есть начало выздоровления

Михаил Бакунин

Если рядом с тобой нет людей, которые имеют цель, волю и логику, то лучше будь один, нежели ты будешь тратить свое время на низший класс

И. Ивашкин

Когда-то я умел любить, умел прощать, умел доверять, уступать, принимать людей, не обращать внимания на многие их недостатки, а также совсем не видеть того, как незаслуженно они относились ко мне; и это было моим основным недостатком, потому что такого отношения к себе те люди не заслуживали, а я давал им это отношение, переживал *за нас*, переполнялся надеждой, старался сделать лучше, старался добиться от этих людей хотя бы третьей части того, что сам давал им, но не припомню, чтобы в итоге добивался. Текло время, менялись люди,

менялся и я, причём существенно, однако по основным своим душевным качествам я оставался прежним и от группы людей, которых считал достойными, всегда хотел одного и того же — понимания; конечно, не каждому дано понять мои взгляды и блажи¹, но в глубине души я простой и, на самом деле, я достаточно открытый человек, чтобы эта глубина могла быть достигнута другими без особого труда, однако ~~никакого~~ даже малого труда от этих людей я будто не заслуживал и никогда не получал. И я влюблялся в этих людей за многое хорошее в них, однако нас словно разделяла бездна, поскольку добром своим они делились чуть ли не со всем своим окружением, за исключением меня; и многие из этих людей были весьма близки к идеалу (да, это так), но всегда я видел в них два ужасных качества, которые портили всё между нами вместе, чего бы не случилось точно, если бы из тех двух качеств осталось любое одно. Как правило, одним из тех качеств была недооценка меня, что порождало невнимание ко мне и приводило к ситуации, когда мы снова и снова отдалялись друг от друга по самым мелким поводам, ибо гордыня моих спутниц заставляла их не ценить людей, будучи в поисках людей как можно более хороших в их понимании, хотя ни одна из них в конечном счёте не смогла найти «того самого» человека или не смогла заполучить его внимание, потому что сама, как оказывалось, не была достойна его, ведь гордыня, в отличие от гордости, ослепляет и ломает жизни эффективнее прочего; а второе качество заключалось не столько в их настоящем поведении или мировоззрении, сколько в их прошлом, ибо в современном мире практически каждая женщина имеет грязное прошлое, хотя ввиду упадка

¹ (загоны)

нравственности не осознаёт этого; тем не менее, их грехи остаются их грехами и никуда не исчезают со временем, каким бы чудесным не было настоящее, которое, как уже сказано, не такое и чудесное; говорят, Бог прощает грехи, но я не могу быть Богом. Таким образом, я раз за разом приходил к ситуации, когда человек, можно сказать, беспричинно отвергает меня, но при этом сей же человек сам не такой уж и святой и имеет черты, которые всегда меня отвергают от него; я понимаю, что этот объект хорош и заслуживает как моего внимания, так и шанса на моё прощение, однако своим предвзятым отношением ко мне он сам всё это начинает утрачивать. Подумаешь: зачем же связываться с человеком, которому ты не нужен и который, в таком случае, не так уж нужен тебе? Ответ очевиден, и всегда я сам понимал это, но к тому времени уже успевал влюбляться в того человека и при всех ужасах между нами — стремился всё сохранить, поскольку начинал любить и уже имел основания опасаться за обострение своей болезни в случае потери того, кого люблю. Так, раз за разом я вступал в конфликт между здравым смыслом и глупыми чувствами, который сам по себе не приносил особого дискомфорта, но который бесконечно оттягивал момент расставания, тем самым позволяя самым неприятным чувствам переполнять меня и разъедать, словно кислота; там были злость, недоумение, ненависть, но основное из чувств — это обида, которую нельзя было убрать ни компенсацией, ни вытеснением, ни сублимацией, ничем и никогда. Обида скапливалась во мне и явно что-то делала со мной, ведь под её влиянием я многое натворил...

***

Её звали Катей, и была она последней среди тьмы девушек, с которыми Ваня имел серьёзные дела; должно быть, такая формулировка приводит к мысли, что либо Катя стала последней, кого Ваня полюбил, и той самой, с которой он хотел бы провести всю жизнь и которая хотела бы с ним, — либо такой девушкой, которая тоже разочаровала его, причём так сильно, что Ваня вообще решил больше не связываться с девушками, ибо даже если они сильно различаются внешне, то при любой внешности они одинаковые по привычкам, «законам», предрассудкам, поведению и даже по течению психических отклонений, которые, как правило, выражаются непостоянством, истериками, непониманием собственных эмоций и желаний, выборочной холодностью и так далее. Вроде бы, лишь два варианта возможны, а третьего и не дано, однако жизнь куда сложнее логики, однако оба случая долгое время то чередовались, то проявлялись одновременно; в конце концов, что-то должно было начать преобладать, но долго этого не происходило, да и сам человек зачастую знает гораздо больше, чем хотел бы знать, знает все риски и все ответы, но всеми силами пытается не видеть этого, потому что часто видеть он обречён вещи не приятные и жизнь не приятную, но такова жизнь.

Был ноябрь, последний осенний месяц, однако к моменту происшествия событий человек так сильно захватил своими отходами планету, что ожидания вековой давности насчёт погоды в разные месяцы — уже не оправдывались, поэтому зима могла начаться в ноябре, в декабре наступала вторая осень, в январе происходило нечто, похожее на раннюю весну, а с февраля по март зима была уже настоящей и жестокой. Иными словами, был ноябрь и было очень холодно, один день не отличался от другого, в небе стояли свинцовые тучи, солнца не видно, ветер бил по ушам, жизнь скучная,

а чувство декаданса всё усиливается и усиливается, и каждую неделю Ваня всё глубже ощущал ту атмосферу, которая впивалась в его душу и была связана с чем-то непонятным, со светлыми огнями, с пустыми трассами, с вечером, с деревьями, со стихами, со смертью, а ещё с Юлей; текло время, и приближались те дни, когда он и она познакомились, впервые встретились, поцеловались, пережили новые чувства, зажили иначе; увы, это время давно прошло и всё хорошее того периода осталось в прошлом, но напоминало о себе назло, разъедало; иногда это было больно, иногда этого не было, но Ваня хорошо чувствовал, что скоро что-то будет, если глобально ничего в жизни не изменить. Шло время, стало холодать, шёл снег, снег таял и стекал с деревьев и фонарей, затем наступал опять, смывался дождями и снова падал; это давило, усиливало грусть и возжигало в Ване и без того сильное стремление поделиться своей любовью с другим человеком, позаботиться о другом человеке, сделать что-то важное, изменить чью-то жизнь и, быть может, измениться самому; выхода не было иного, как найди новую девушку и снова попробовать завести хорошие отношения; поиски были длинными, не очень приятными, не обошедшимися без обмана, но к началу декабря претендентка была найдена; это и была Катя. Сперва Катя не воспринималась всерьёз, а общение с ней предполагало временное облегчение, однако — девушкой она оказалась достойной, поэтому Ваня влюбился быстро; лучше бы не влюблялся

***

Был светлый день, число десятое. Ни туч, ни ветра, как казалось, но вокруг валялся снег и холод был дикий, особенно для человека, ещё не привыкшего к холодам. Тогда Ваня и встретился с Катей впервые; он приехал первый, как всегда, и к моменту появления Кати достаточно замерз, чтобы, как обычно, испытать раздражение и ощущение, что к тебе отнеслись неуважительно. Когда же появилась Катя, Ваня необычайно обрадовался и, как следовало ждать, простил ей всё, хотя намеренно гневался; вполне возможно, его просто поразила её улыбка и показная невинность, как будто действительно так получилось, что она опоздала, но ничего плохого она делать не собиралась и ничего ужасного не ждёт; возможно, и ей было страшно сперва, но на вид Ваня не показался таким человеком, которого стоило бы бояться. Так встреча и прошла: они приятно пообщались, Катя иногда вела себя подозрительно, но и Ваня казался ей странным, да белизна снега, речной лёд и безлюдье в одном из самых красивых парков города влияние оказали, поэтому эти двое понравились друг другу и что-то друг о друге узнали. Затем Ваня проводил её до дома, расстались они сухо. Из одной встречи Ваня понял, что с Катей они неожиданно похожи, многое чувствуют одинаково, многое пережили оба, но и различия есть; о Катя же Ваня узнал, что девушкой она была когда-то вполне благовидной, но была, а теперь ей больше двадцати, парень недавно «пошёл по бабам» и ушел в армию, у матери начались проблемы со здоровьем и т. д.; и если когда-то у Кати жизнь была хорошая и плавная, то к моменту встречи с Ваней у ней только начался кризис в жизни, множество проблем явились одновременно, из-за чего Кате пришлось менять взгляды на многое, а так быстро этого не сделаешь, поэтому Катя и пить начала активно. Такие «минусы» не показались Ване значительными, но, напротив, как будто привели жизнь Кати к той дороге,

на которой необходим надёжный спутник, а в конце которой можно стать совершенно другой; возможно, так оно и было. И Ваня увидел шанс, который искал несколько месяцев.

Впрочем, встреча окончилась сухо, а другие девушки всё ещё имелись, ведь и были они до Кати; но глупый Ваня уже выбрал оную и решил избавиться от остальных, если те и спустя время окажутся менее предрасположенными к нему, чем та самая, что обрела приязнь при первой встрече. Так оно и случилось, но потребовалась неделя, чтобы с этим разобраться, промёрзнуть, огорчиться, но неделя была не из плохих, ведь происходила она при ожидании того, что после будет только Катя и Катя будет. Однако, не так просто было добиться этой Кати спустя неделю, учитывая то, что какую-то стрессовую ситуацию она пережила молча и без Вани. Впрочем, была вторая встреча, была и третья.

***

Была и вторая встреча, и третья, причём в тех же местах, но в более позднее время, когда людей там водится ещё меньше и когда темно — лишь яркие фонари местами освещали снег и пустые тротуары аллей. И было уже не так холодно, особенно в их сердцах, поскольку там назревали высокие и для Вани новые чувства, назревали весьма быстро и красиво; однако, настолько всё было хорошо в те дни, что и сказать нечего: они, Ваня с Катей, были близки к счастью и видели это счастье впереди, не видя при этом многих неприятных вещей друг в друге и большой разницы в возрасте, в жизненном опыте, в повседневной жизни, социальном окружении; и если бы был объективный человек, который наблюдал бы за их отношениями, будь он добрым, он бы сразу сказал Ване, что не пара ему эта Катя, пусть хороша, но жизнь у неё совсем другая, и эту жизнь, пусть ненавистную во многом ей самой, Катя не станет менять ради того, кто ей нравится, кого она любит, «если умеет любить», ибо на самом деле такие люди любить не умеют других, но больше любят себя и свои увлечения, отдаваясь последним с экстазом, даже мазохистским экстазом, и не понимая, что так теряют многие шансы, которых через пять и больше лет — уже не удостоятся. Да, было у них всё хорошо сперва: они обнимались часто, шли близко друг к другу, тепло разговаривали, а Ваня нюхал её, ведь это была единственная девушка, от которой в разных местах пахло по-разному и приятно; Катя же постоянно скромничала, ускользала от более близкой связи, но через время они и целоваться стали, и лежать вместе, и было им обоим приятно, но продлилось такое удовольствие весьма недолго. Всё было чудесно, пусть не идеально, но однажды им пришлось разойтись на неделю, а после — всё оказалось разрушенным.

В ту неделю с Катей случилось что-то, что породило (лучше сказать, спровоцировало) в ней массу невзростов,

сопряжённых с бредовыми идеями, самообманом и многими очень интересными для психолога явлениями. И это были проблемы Кати, в которых она замкнулась; а Ваня полюбил её и очень долгое время переживал страдания в связи с тем, что внезапно Катя фактически от него ушла, пусть прямо — давала только пустые обещания вернуться, ничего не говоря о том, через неделю вернутся ли или же через пять лет; это были слова, которым нельзя верить.

Итак, они разошлись на время, Ваня всё чаще стал мечтать об этой недостойной женщине и влюблялся в ней в процессе мечтаний, но не во время общения, ибо общения не было, а с Катей же было полностью наоборот — без большого внимания Вани она, словно шлюха, уже забывала его и начала переключаться на других, а как только период обговорённой разлуки подошёл к концу — Ваня наткнулся на большое разочарование, поскольку Катя уже охладела; посему та разлука уже не закончилось. Далее имели место многие дни страданий по этой Кате, сопряжённые любовью к ней и сильной и пустой надеждой на то, что говорит она правду и, следовательно, однажды к нему вернётся; это были глупые надежды, которые лишь растягивали его агитацию и существование в стрессах; Ваня истомился, изменился, похудел, стал хуже себя чувствовать, осуществил в своей жизни — регресс, сбился со старого пути и заниматься стал ничем. Всё-таки, периодически её величество уделяла несколько минут на неприятные разговоры, в ходе которых Ваня узнавал Катю немного лучше, узнавая о ней плохое; хорошего же Катя не показывала, причём интуиция говорила ему, что хорошего сверх обнаруженного у неё и нет, да и многое из обнаруженного — выдумка и плод идеализации, ведь мы делаем идеальными тех, в кого влюбляемся, но не на деле, а лишь в своей голове — идеальными. Шло время, разъедающее душу этого парня, гадкое время тос-

ки, самобичевания, саморазрушения, надежды и веры, доверия и недоверия, но однажды оно подошло к концу, когда Ваня узнал о Кате достаточно неприятного; конечно, невозможно было моментально покончить с ней, отпустить её, забыть, перестать чувствовать, поэтому ещё несколько дней Ваня жалел о своём решении, принимал усилия, чтобы не пытаться вернуть Катю, а сама Катя об этой внутренней борьбе любившего её человека — ничего не знала, потому что ей он был безразличен, да и общение у них не изменилось, ибо не изменится то, чего во все нет. Впрочем, недолго это длилось, потому что весьма скоро Ваня узнал то, что в сумме с предыдущим привело его к выводу, помогшему охладеть: Катя — девушка хорошая, во многом интересная, но далеко не настолько, как казалась; при этом она имеет массу недостатков, серьёзных недостатков, настолько серьёзных, что Ваня, зная о них в самом начале общения, уже бы не влюбился в Катю и не относился бы к ней как к человеку, достойному такой любви; но и при всей этой массе недостатков они могли бы остаться хорошими друзьями, однако Катя не ценила его дружбу, любила лишь себя и свою гордыню, что было серьёзнее любых физических дефектов. И любовь — прошла. Как так? А как ей не пройти после того, как уже в яме отношений узнаётся то, что узналось? Взгляните сами.

Такова история: жила Катя всю жизнь вполне неплохо, пока на середине двадцать третьего года жизни всё не начало ломаться: отец её мать бросил давно, дед бросил бабушку ещё раньше, наверное, потому что обе сильно действовали своим мужьям на нервы, съедали их, что по наследству передалось и Кате; этим можно объяснить ту ситуацию, когда ни с того ни с сего парень, который ебал её два года и ей воспринимался как любящий и подчинённый объект, вдруг «загулял по бабам», начал пить, не приходил домой (может быть, дом Кати был для него

хуже колонии?...), а потом этот парень ушёл в армию; также у её матери обострились проблемы со здоровьем, которые нельзя было решить хирургическим путём ввиду аллергии на наркоз; а ещё с другими знакомыми обострились разногласия; иными словами, за недели две-три жизнь Кати из чуть ли не идеальной превратилась в Ванину, что Ваня прочувствовал. Тяжело было переживать такие перемены, поэтому слабая Катя пристрастилась к алкоголю, сблизилась с единственной подругой чуть ли не сексуально, вести себя стала отвратительно и сама загоняла себя в такое положение, из которого выбраться всё труднее и труднее, но это её нисколько не настораживало, поскольку уже давно Катя пребывала в бездумном и безответственном состоянии, стремясь лишь получать удовольствие; Катя пила, и «тусила», и радовалась сиюминутным наслаждениям, а в прочем не нуждалась; такова суть женщины: будущего на самом деле для неё не существует, а важность имеют только собственные интересы и только собственный комфорт здесь и сейчас, даже если он вреден, даже если он лишает более крупных радостей в грядущем. А так и было: в свои двадцать два Катя жила почти как подросток, тщетно пытаясь учиться и пытаясь самоутвердиться творчески, но получалось плохо, очень плохо, и это только порождало новые проблемы, затягивая; и Катя отдавалась бездумью, чтобы меньше осознавать своё положение; и сколько Ваня не пытался поставить её на совсем другой путь, Катя ничего не меняла и вместо благодарности вымещала агрессию, ибо видела во всём посягательство на её мнимую независимость, но не подлинное желание оказать помощь. Катя сразу отгородила свою личную жизнь от других, поэтому Ваня не имел никаких шансов сделать её женщиной, сделать её счастливой, поскольку счастье в скором будущем требовало серьёзных перемен сейчас, а на такое женщина не соглашается. Поэтому им приш-

лось оставаться друзьями и только частично удовлетворять взаимные потребности в общении и ласке, но не больше, а Ваня хотел большего. Так прошёл примерно месяц, полный хороших чувств и мелких недопониманий, но всё закончилось. Причина неизвестна, но проблема оставалась именно в Кате, ибо ни с того ни с сего, ещё вчера общаясь близко, уже завтра Катя вдруг замолчала, потом замкнулась, потом исчезала, потом обременилась внезапными делами, а в общем — для каждого дня всё остальное время находила поводы не видеться с Ваней, хотя «у меня дела» тоже можно считать поводом. Пожалуй, это был слишком резкий скачок; и чтобы объяснить его себе, Катя начала гиперболизировать собственные проблемы, на прошлое смотреть иначе, а Ваню вдруг обвинять в том, что когда-то давно, ещё до самых приятных встреч, она, мол, любила его, а он её отвергал, а поэтому она оскорбилась и разлюбила и не пожелала при всех Ваниных признаниях в любви «дарить любовь тому, кто в этом не нуждается». Абсурд, но абсурд интересный.

Так их отношения начались и так закончились. Новой и хорошей жизни, новому шансу Катя предпочла повседневность и беспамятство, а Ваня неописуемо страдал по ней, и это не просто эпитет: страдания были настолько глубоки и противоречивы, что автор не берётся за их описание: Ваня чувствовал гораздо больше, чем эта холодная барышня, но ему — не верили, не верили; всё была ложь. Другое дело — поведение нашей Кати: ей было невозможно логически оправдывать такое отношение к Ване его невниманием к ней, ведь Ваня уделял Кате даже столько внимания, сколько она не заслуживала; и пока она как бы думала, что он к ней не чувствует ничего, Ваня думал о ней всё время, порой говорил об этом, но из уважения к ней как к женщине (в этом и ошибка: Катя не была качественной девушкой, не была девственницей, не была хорошей

матерью, да и матерью не была, поэтому никакого уважения пока не заслуживала) не старался отвлекать, ведь у Кати дела; они оба выражали друг другу симпатию, а это время Катя, мол, разочаровывалась, а Ваня влюблялся всё больше; и нельзя было обвинить его в обратном и вообще обвинить, ибо он был прав, а виновата Катя; посему Катя решила молчать, раз сказать нечего. Ваня надеялся, любил, переживал, ждал встречи, а Катя, оправдываясь тупо занятостью, почти всё время проводила с подругой, часто ходила на концерты, катки, выставки, что и называла важными делами; порой Кате нужна была помощь, которую и Ваня мог оказать, но сама Катя ему не позволяла, а спустя недели уже обвиняла его в том, что он ей не помог, когда надо было (пусть сам догадывается, когда это она нуждалась в его помощи), а другие люди помогли, поэтому с теми людьми она и проводит время часто, а с ним — никогда; конечно, в таком виде сложившаяся ситуация обличает Катю, поэтому сверх этого она любила говорить, что ей так удобнее было, а это уже связано с действительно важными делами: учёбой, работой, учёбой, хотя на самом деле это были лишь поводы забыться и отшить Ваню; и он любил её, а она не понимала его чувств, не верила и сама не любила, зато огромное время проводила с людьми, которые ничего для неё не значили. Но время шло; и плохое поведение хорошим не обернулось: через несколько недель Катя осознала, в какой яме находится: повседневность и стресс сказались помутнениями сознания, будто алкогольным опьянением, трудностями с вниманием и мышлением, неврозами: из-за долгого отсутствия мужской ласки (в чём виновата была только Катя) началась лёгкая истерия, иногда доходившая до бешенства, да и отношения с парнями были испорчены последним парнем, который как бы предал её и нанёс сильный удар по самолюбию; была там и неврастения: Катя так сильно пыталась забыться и придумывать лишние дела, что перестала

иметь отдых из-за учёбы, работы, уборки и прочих реалий неправильной жизни, к которой сегодня многие девушки приходят из-за отсутствия мужчины; и осознание никчёмности собственной жизни иногда доходило до неё, но после постоянно забывалось, поэтому Катя, признавая многие свои ошибки, не переставала их повторять, даже когда действительно можно бы было отдохнуть, чего она так сильно на словах хотела. Позже Катя стала осознать своё положение: ей 22, а она ничего не добилась, а ей ничего не нравится, а будущего она не видит, а ещё — менять это она не хочет и свою роль отрицает, не считает себя способной что-то исправить, покуда сама наломала дров; она могла бы принять помощь Вани или чужую, изменить свою жизнь должным образом, но гордыня не позволяла. Так шло ещё время; и при всех своих недостатках Катя вела себя отвратительно, почему отвергала Ваню всё больше и больше, покуда он не переставал её добиваться; хороший психолог, Ваня время от времени переставал сдерживать себя и пользоваться психологическими приёмами, поскольку толку от этого не было; тогда он говорил неприятные вещи о Кати, а хитрая Катя, не замечая многих слов любви, закидывалась на редких обидях и использовала их как повод для его обвинения и своего оправдания; она сама порождала у Вани такую реакцию, за которую в теории могла вызвать у нашего героя чувство вины и так манипулировать им, но Ваня не считал себя виноватым и таковым не был; «хороший юрист», Катя отказывалась слушать его слова из личной и навязанной неприязни, поэтому их редкие беседы не имели пользы. Лишь несколько раз Катя пыталась быть честной с самой собой, но тут же пугалась и тут же переставала. Почему она не реагировала на его любовь? Не хотела верить и связываться с совсем другим человеком, ведь это значило увидеть мир с другой стороны и разочароваться в себе самой; глупая Катя утвиривала свою обиду и пыталась не верить таким простым и ис-

кренним словам, пыталась не замечать, как долго этот парень добивается её и терпит её, взамен ничего не получая, не имея даже повода, но имея надежду, что ничем нельзя объяснить, помимо любви. Катя навязывала себе мысль, что по-настоящему любящий человек должен превратиться в раба и ничтожество, не должен ставить девушку на место, не должен видеть недостатки и жаловаться, не должен просить встречи, но, надо думать, обязан радоваться уже тому, что барыня сказала ему два слова; так оно и было для Вани в начале их отношений, но идеализация прошла, ибо Катя далека от идеала и своим поведением только подтверждала это; однако, Ваня продолжал любить её. Легко не видеть в человеке недостатков и, отключив разум, подчиняться ему, но хотя бы благодарности достойны уважение и вера в этого человека и том, что видно его насквозь и что этого он не заслуживает; Ваня же не получал приятного отклика. Проблема могла быть в том, что Катя не видела в нём мужчину, ибо инстинктивно стремление добиться её считала слабостью, уважение к ней (сказано, ошибочное) считала слабостью, доверие считала слабостью, зависимость от неё любимой считала слабостью, как и эмоциональную открытость. Когда Ваня понял это, он увидел, что нужного отношения от Кати уже не добьётся, он уже потерял её; он мог бы показать себя с другой стороны и иметь с ней секс за материальные блага (не обязательно наличные деньги), но это уже не то; так их отношения и кончились.

Они нуждались друг в друге и могли принести друг другу удовольствие, но до этого не дошло; они оба поняли, что встречались зря, что несколько месяцев потратили друг на друга впустую, но Катя так и не поняла, что потеряла она: если для Вани подобные страдания привычны и непрерывны, если для него ничего не изменилось, то Катя совершила большую ошибку и предала саму себя. Будущее ждёт её плачевное: сексуально привлекательная

и внешне очень хорошенькая Катя при более близком знакомстве оказывается закомплексованной дрянью с непостоянным поведением и завышенными противоречивыми запросами; она имеет много достоинств, но и много недостатков, некоторые из которых могла бы обратить в достоинства, если бы не ныла постоянно, что она жирная и т. п.; таким образом, она недооценивает себя, зато при этом остаётся недоступной и умудряется иметь завышенное самомнение; при любом общении она подчёркивает свой возраст, несовершенства фигуры, несостоятельность, поэтому любой вскоре обращает на это внимание, и Катя теряет все ценность в чужих глазах, но в своих только приумножает, чем отталкивает; она хороша, но и порочна, однако всё ей можно было бы простить, не будь у ней гордыни: Кате не нравится то, какой она является, но при этом она не видит ничего в себе такого, что не должно нравиться и остальным; Катя создала себе свой мир, в котором она неидеальна только для себя, а другие, кто так считает, её внимания недостойны. Так Катя и замкнулась в себе, так Катя потеряла очередной шанс зажить счастливо, исполняя своё биологическое предназначение. Что её ждёт? Бесконечна драма. Катя почти стала неудачницей, и из этого не выбраться: она будет пахать как лошадь, не получая достойной поддержки и адекватной затраченному времени награды за труд, она будет жить в спешке и стрессах, не зарабатывая и по сути ничего не делая, так быстрее состарится, начнёт терять внимание мужчин и ещё эффективнее будет отталкивать их своей истерией, своей неврастенией, «загонами», подавленной завистью к тем женщинам, которые живут нормально под присмотром мужа и воспитывают его детей; поверьте на слово, Катя не имеет и половины нужных способностей, чтобы реализоваться в выбранных областях, поэтому останется у разбитого корыта: ни любящего мужа (неудовлетворение сексуального инстинкта), ни детей

(неудовлетворение материнского инстинкта, потому что кошки не спасут), ни хорошей работы, и все парни будут воспринимать её только как сексуальный объект, покуда Катя через 5—7 лет не станет действительно невостремленной из-за возраста, жировых отложений, характера; и если в 22 она могла дать шанс Ване и получить совершенно новую жизнь, то через несколько лет такого шанса не будет. А Ваня поищет себе девушку не с таким грязным прошлым, с сомнением пониже, девушку поадекватней и помоложе; и хоть ему больно отпускать такую самку, он ничего поделать не может, а ей самой будет гораздо больше. Просто через время.

***

Две жизни разной длины, разного начала и разного состава, Ваня и Катя когда-то встретили друг друга, сблизились, но через время разошлись; и хоть они стали друг другу чужими, они оставались похожими друг на друга, поэтому однажды по отдельности пришли к одинаково одинокому и горькому существованию. Они оба потеряли смысл жизни, устали жить в привычном темпе, устали ценить жизнь, но также утратили желание что-то менять к лучшему, ибо не видели, в каком направлении лучшее, да и смысла *жить лучше* не видели.

***

Их знакомство было крупной ошибкой, или же это Ваня ошибся в ней, доверился ей, впустил её в свой мир, отчего, потеряв её, как будто потерял часть себя. Бездумная, наглая, холодная, недостойная его внимания Катя едва ли поняла что-нибудь важное, едва ли изменилась к лучшему хоть в чём-нибудь: для неё этот парень был лишь очередным, появившимся просто в особое время; а как время такое прошло, Катя вернулась к былым мерзостям и даже не поняла и не узнала, что Ваню её игра заставила сбиться с пути на немалое время. На целые месяцы Ваня перестал быть собой, внезапно отошёл от жизни, которой думал жить до конца. Печаль и чувство несправедливости сменились гневом, тот — тоской, она — апатией, апатия же оказалась самым вредным врагом таланта: апатия заставляла тратить время впустую, не позволяя даже подготавливать почву для того момента, когда всё вернётся назад; так шли месяцы.

Но внезапно что-то стало меняться. То ли от колебаний погоды, то ли от времени, то ли от развития внутренней новой идеи Ваня медленно становился более взрослым человеком, более мудрым и спокойным; он обрёл то, что всегда ему не хватало: знание, позволившее не только видеть правду, не только жить по правде, но и глубоко верить в ту правду, чтобы можно было жить по ней безмятежно. С тех пор стали появляться новые бабы, иногда совершенно новые, они же и исчезали, почти не оставляя воспоминаний и совсем не оставляя никаких негативных чувств: теперь это просто бабы, несовершенная форма человека, не достойная его. Теперь Ваня понимал, что подавляющая часть его проблем и тревожащих была не только бесполезной, но также имела место единственно из-за баб: вся его жизни показалась бы довольно неплохой, если убрать из неё всех девушек и все последствия их существования, угрызения совести, требуемые самоограничения, тоску, раскаяние и пр.; и он

понимал, что последние лет 7—8 крупно и непростительно ошибался в людях и особенно в бабах — и ошибался он в первую очередь в том, что считал баб тоже людьми, покуда это совсем другие существа со своими инстинктами, по внутреннему миру очень далёкие от него самого, потому что недалёкие; всё это время Ваня активно или пассивно, слабо или усиленно, открыто или подавленно стремился обрести счастье в нахождении своей второй половины, нахождении равного себе человека, покуда всякая женщина отличалась от него так же, как курица отличается от птиц: тоже птица биологически, но летать не умеет, плавать не научена, в свободе не живёт, не может похвастаться волей, ибо постоянно ищет еду под своими ногами, как бабы постоянно ищут выгоду, наиболее лучшие варианты, не думая о том, а заслуживают ли они того, чего просят; и этот процесс дошёл до такого абсурда, что теперь они заранее ставят весьма высокую планку в полной уверенности, что желаемые ими люди встречаются в природе и сами имеют цель поскорее найти такие «сокровища», и в этой глупой иллюзии получить самого лучшего эти бабы тратят лучшие годы своей молодости на наиболее мерзкие элементы общества, о чём жалеют потом, если, конечно, к зрелому возрасту получают мозги. И грустно, наверное, осознавать парню, что все мечты, которые тот лелеял всю жизнь, крайне далеки от реальности, что люди на самом деле на порядок хуже тех, какие нужны ему. И только после осознания этой ошибки можно верно поставить приоритеты в своей жизни; и если при этой постановке относиться к бабам так, как те того заслуживают, то к удивлению окажется, что в жизни останутся только борьба, удовольствие победы и служение Идее, действительно достойные цели, на которые ты сам жертвуешь жизнь со знанием, что именно от твоих усилий и зависит исход. Именно Идея есть такое существо, которое не будет тебя использовать, но стремиться

стать неотъемлемой частью тебя и дать тебе всё для дальнейшего развития; и именно Идея, почерпнутая от заслуженных людей и разработанная тобой — может быть достойна того отношения, какое ты так хочешь вложить в нечто женского пола; и именно на борьбу за распространение своих плодов уместно тратить столько сил, сколько Ваня тратил на баб, фактически работая не на себя, но на них; и только удовольствие в чистом виде может позволить тебе расслабиться и отвлечься от великих дел, но лишь с условием, что отдыхаешь ты в истинном удовольствии, а не в стремлении поймать его — ты не баба, чтобы бороться за такие мелочи.

Правильная позиция правильного разума! Чудесно было знать такие важные вещи, уметь на основе знаний строить выводы, жить по своим воззрениям и радоваться. Однако в том была проблема, что далеко-далеко не всегда было легко подчиняться разуму, поскольку страшная психопатология порой обеспечивала тяжёлый эмоциональный фон, в условиях которого крайне трудно было мыслить в любом направлении и невозможно — наслаждаться обычными вещами. В непредсказуемой жизни любая мелочь могла спровоцировать существенные эмоции и переживания, и никогда те не были хорошими, — ведь даже в счастье имеется горечь его мимолётности. Благородное и заслуживающее уважения стремление стать лучше, отказавшись от многого и вместо зла посвятив свои таланты и наклонности добру и общественному благу, требовало непрерывных волевых вложений, волевых усилий, стойкости и веры в своё дело, ибо Ваня пытался принести обществу, которое его не заслуживает, такую пользу, от которой оно в своём невежестве яро отказывается; словно хирург XVIII-го века, он постоянно изучал ужасную болезнь и пытался избавить людей от неё, но за неимением лучших средств вынужден был вручную резать глубокие ткани и даже ам-

путировать конечности, не только постоянно борясь с сопротивлением больного, но и прекрасно зная, что от своей глупости тот никогда и не поймёт необходимость такого болезненного лечения, не поймёт факта своего спасения и будет хоть вечность обвинять врача в принесённой боли и, возможно, принесённой инвалидности, если иных путей не было; но в дополнение к негативному общественному мнению Ваня ощущал помехи внутри самого себя, ощущал некоторую свою зависимость от внутренних болезней, которые в любой момент способны возникнуть вновь и вывести его из строя на несколько недель или месяцев, стоит только... даже хорошему психологу составило бы трудность объяснить тонкости своей болезни, если бы он болел недугом нашего героя, ведь за началом недуга стоит смесь некоторого разочарования, восхищения, ревности, а также меланхолии, что после переходит в тоску и какие-то туманные желания неясной направленности; порой это доходит до такого абсурда, что объект, вызывающий презрение в реальности, имея уже устаревшую идеализированную форму, способен был порождать у такого гения, как Ваня, как будто томление от того, что не принадлежит ему вместе со своим идеализированным образом, даже когда принадлежит без него. Гений черпает жизнь из своего внутреннего мира, созданного небольшим искажением реальности по тем или иным причинам, но, когда изоморфные объекты тех двух миров разительно расходятся, начинается диссонанс и тоска по тому времени, когда этого расхождения не было. Мы всегда живём прошлым, всегда возвращаемся к своему прошлому и наиболее верно оцениваем события, только когда они сами окажутся в прошлом; таким образом, красота настоящего нам малодоступна, ибо подлинную красоту мы можем наблюдать только в воспоминаниях, а всякое воспоминание есть взгляд назад.

Последняя часть. МАЛОЛЕТКИ
(повесть меланхолика)

Как писал австрийский еврей Зигмунд Фрейд, проблема забывания чего-либо сопровождается тем, что опосля сие возвращается в искажённом виде; и жизнь показывает, что всякие события её воспринимаются человеком сугубо субъективно, то есть искажённо; это правило работает даже на события пятиминутной давности, но значительнее всего отражается на тех днях, которые значили для человека невероятно много. Любые случаи и любые лёгкие воспоминания спустя годы становятся для нас невероятно ценными, идеализируются, хотя идеальным на момент совершения не являлись,

не ценились вовремя, отчего и проходили; а спустя годы человек об этом жалеет, иногда жалеет оченно, иногда до слёз, если умеет чувствовать и плакать. Но сильнее всего человек начинает терзаться по людям, которых больше нет с нами по причине смерти, по причине ссоры или ввиду личностных перемен, кои неизбежно возникают с возрастом и, как правило, портят людей или вообще — убивают; случается, что ты живёшь с человеком весьма долго и, как кажется, любишь его, но любовь сия относится не к настоящему человеку, а только к воспоминаниям о нём, единственно к тем первым месяцам, когда вы были молоды и только открывали друг друга, а через время — оба изменились в сторону; бывает, ты был молод и глуп, совершал ошибки и характером был неприятен, но вскоре изменился в лучшую сторону, всё осознал и понадеялся найти отклик у некогда дорогих сердцу людей, но ты ничего не найдёшь, ибо они воспринимают тебя по прошлому, а в настоящее — и посмотреть не пожелают. В такие моменты ты начнёшь воспринимать человека, которого любил в лучшие свои годы; ты будешь вспоминать тёмные аллеи и пустые лавочки, прохладные закаты и тишь в ночи, ты будешь переигрывать прожитую жизнь в мыслях своих, как будто это что-нибудь изменит к лучшему или вообще изменит что-нибудь; но главным предметом сих мыслей будет человек, которого давно нет с тобой, которого ты не знал никогда, но проецировал на которого свои собственные чувства, хотя лишь ты мог оные испытывать. Все люди живут прошлым и не желают взглядывать в настоящее; если попробовать измениться, то никто этого не заметит или попытается не замечать; получается, что в молодости ты совершаешь ошибки, а потом они тянутся за тобой всю жизнь; и ты всегда, перед сном или в иной момент отдыха, попытаешься вернуться в прошлое и всё исправить, порадуешься, но всё рав-

но вернёшься к реальности. Так протекает меланхолия.

Все герои были или являются живыми людьми и носят свои настоящие имена, хотя среди некоторых имён возможны замены и неточности, потому что не многие люди запечатлеваются в памяти¹, а ещё меньшие достойны того, чтобы оставаться в ней. Да простят они меня за правду.

Вот один из их хвalebных рассказов о себе. Зная обычный образ действий малолеток, я вполне ему верю. К медицинской сестре в колонии прибегают взволнованные испуганные ребяташки, зовут ее к тяжело заболевшему товарищу. Забыв о предосторожности, она быстро отправляется с ними в их большую — человек на сорок — камеру. И тут начинается муравьиная работа! — одни баррикадируют дверь и держат оборону, другие десятком рук срывают с сестры все надежное, валят ее, те садятся ей на руки, те на ноги, и теперь, кто во что горазд, насилюют ее, целуют, кусают. И стрелять в них не положено, и никто ее не отобьет, пока сами не отпустят, поруганную и плачущую.

А. Солженицын «Архипелаг ГУЛАГ»

Намедни прекратились новости о кризисе, отчего показалось всем, что и сам он окончился, прошёл, испарился. То время ещё можно назвать бедным, ибо далеко не каждый гражданин мог позволить себе что-нибудь но-

¹ «Малолеток» можно считать предысторией к «Каталепсии». Будем считать, что сие произведение написано Ваней о себе самом.

вое и современное, но тратил существенную часть зарплаты на питание, налоги, коммунальные услуги, при этом всё же каждое лето уезжая на отдых и покупая в течение года всякие мелочи, приносящие по неизвестным причинам несоразмерную им радость, приносящие удовольствие, быть может, мнимое, ложное, но ещё не настолько искусственное и мерзкое, каким оно станет через несколько лет; в общем, тогда люди жили и тяжелее, но были счастливее, потому что обладали относительной свободой своих мыслей, не обманывали себя, не гнались в большинстве своём за материальными ценностями, деньгами, карьерой, дипломом, ибо тогда было ясно им, что всё из перечисленного либо тщетно, либо недостижимо, либо чуждо человеку и человеческому; многие люди ещё не испортились. В те времена ещё не было смартфонов, но телефоны с джойстиками казались роскошью подрастающему поколению, потому что, как правило, содержали в себе большую мощность, немало памяти, Bluetooth, даже ИК-порт (уже исчезающий), пусть ничем особенным не отличались от просто цветных телефонов, лишь больше подходили для игр, но, впрочем, и цветные телефоны имелись не у всех. Тогда на 50 рублей ещё можно было провести весь день вне дома, несколько раз проехаться на общественном транспорте, поесть неплохо, погулять с девушкой и так далее и тому подобное, а дети, предоставленные самим себе, имея одну купюру в кармане, гуляли целыми сутками, объедались мороженым, колой, cheetos'ом, пока выпускавшимися и дешёвым; помнится, никто ещё не слышал о ВКонтакте, мало кто имел доступ в Интернет дома, а имевшие зачастую и подозревать не могли, каковы его дьявольские возможности и для чего он будет использоваться подростками в скором будущем; тогда у многих были компьютеры, но игры на них ещё не предусматривали мультиплеера, продавались на CD и DVD, то есть стоили денег и были более

персональными и менее отупляющими, отчего же приятными, незабываемыми и единовременно с сим быстро наскучивающими; посему недоделанные подростки чаще гуляли на улице. Время было хорошее, да люди уже разлагались.

Конец весны. Надо думать, полдень. Аркаша Шпота уже собрался в школу, но чего-то рановато он собрался, да так происходит всегда, ведь учится наш герой во вторую смену, имеет слишком много свободного времени утром, должен бы радоваться этому, но, напротив, угнетается своей свободой и стремится истратить её хоть на что-нибудь, на любые мультики, передачи, компьютерные игры, пусть ничто из этого уже не приносит подлинного удовольствия, зато провоцирует головную боль и отвлекает от покоя; конечно, учиться Аркаша не начнёт, имея на то время, потому что многое, связанное со школой, вызывает у него отвращение, неприязнь, тоску и нечто, близкое к безысходности, хотя до суицидальных мыслей наш герой пока что не дорос, но дорасти, как кажется, обещает; в то же время Аркаша не имеет настоящих друзей, он ни кому не интересен, никто не зовёт его погулять, поэтому он сам пытается сблизиться с одноклассниками, приятелями по несчастью, по школе, по тюрьме, отчего же школа и вызывает у многих амбивалентные чувства, порождает неврозы и вообще существует за счёт того, что порабощает человека, начиная свою работу в тот период, когда он в любом случае будет устремляться к радости, веселью, проживанию жизни, которую он запомнит навсегда и неизбежно и вовеки оставит в прошлом; в таких условиях мы прозябали детство.

Солнце уже печёт, в воздухе стоит духота. Аркаша подходит к школе той же дорогой, которой ходил дважды в день в течение пяти лет — и которой будет ходить туда же и столько же; однако, наш герой проходит мимо школы и идёт в то место, где собираются самые инте-

ресные в его понимании парни; Аркаша идёт в местный компьютерный клуб, где планирует за два часа, за 60 рублей поиграть по сети в такие игры, в которые дома поиграть невозможно, ибо и компьютер не достаточно мощен, и игры дороги да как бы запрещены для его возраста, хотя никто на такие ограничения не смотрит; обычно и в среднем, именно в этом клубе он всегда встречает двух-трёх одноклассников, а в их присутствии обретает спокойствие и уверенность, пусть случайная встреча и ограничится стандартными «привет», «как дела?», «я не знал, что ты бываешь в компах».

Он поиграл и вернулся в школу; день был обычным: пять уроков, столовая, беспредел на переменах и страх во время занятий, потому что учителя были строги, а домашки вообще не было, потому Аркаша несколько часов надеялся, что его не спросят — и в этот день его не спросили нигде — везение; несколько странно, что парень не одумается после такого дня, не подготовится к следующему разу достойно, хотя сегодня его не поймали простым чудом, но стало совершенно ясно, что в следующий раз спросят непременно. Аркаше просто лень учиться, он мало что понимает и не находит времени на уроки за имением своих интересов; и хорошо бы, что в столь раннем возрасте наш герой имеет интересы, да только со школой они не связаны, поэтому идут ей в ущерб, однако... самой школе настоящего ущерба не наносится и учителям должно быть как-то всё равно, как учится некто, если не учитывать того, конечно, что их зарплата косвенно зависит (и зависит ли?) от абстрактного уровня школы, кой — в свою очередь — обуславливается успеваемостью учащихся, что Аркаша уже понимает вполне хорошо; впрочем, Аркаша не понимал тогда — и никогда понимать не будет — тех причин, почему бы просто не ставить сносные оценки тем, кто всё равно не сможет их заработать головой, почему обязательно надо кричать,

заставлять, утеснять, если результат даже в случае своего существования никак не оправдывает затраченных усилий; не стоит вдаваться в подробности, но выходит так, что собственные, индивидуальные интересы Аркадия идут во вред ему же, потому что неизбежно приводят к стрессу ввиду отсутствия домашки; в среднем, в день проходит до шести уроков — и хотя бы на двух имеется риск, что домашку потребуют у тебя, поэтому ты волнуешься, большинство учеников волнуется, даже если сделали её, так сделали они её не добросовестно, поэтому сделанного может оказаться недостаточно... как всё сложно.

Но в этот день ему всё же повезло, поэтому домой он бредёт в спокойствии, той же дорогой, коей шёл и утром; вставать не в семь утра, поэтому сегодня домашку можно не делать, да и вообще можно ничего не делать, однако ведь хочется погулять: на улице так тепло, солнечно, много красивых людей, пахнет приятно и во всякое окно стучится ослепляющий Эос, свет, который не даст ни поучиться, ни поиграть, ни заснуть, потому что не это заложено в природу человека. И Аркаша соберётся гулять, позвонит знакомым в волнении, что ему откажут, что с ним гулять не захотят, а те в большинстве своём ответят одно и то же: «Извини, я уже гуляю.» Впрочем, это то же самое.

Поразительно многое может породить единственная мысль, ассоциация, пришедшая в голову на исходе дня, бывшего солнечным и необычайно тёплым, а на сей момент — после заката — превратившегося в мрак с долей прохлады, на которую не повлияют жёлтые фонари, вокруг каких собирается мошкара, дабы погреться, ибо того тепла только ей одной достаточно быть может; в спальном районе очень тихо по ночам — и безопасно до ужаса, хотя ужас, возможно, нагнетается гуденьем тех же жёлтых фонарей, вокруг которых наблюдается безлюдье, призрачность, доля одиночества, но, впрочем, чувства эти — человеческие и без людей не имеют места, поэтому уместно заметить, что у жёлтых фонарей в такие ночи собираются одинокие и ненормальные. Этим людям постоянно грустно, независимо от окружающих условий, но при общем веселье такие люди испытывают нечто вяжущее внутри себя — иль пресное до горечи, посему и стараются отделиться от общества, дабы уединиться со своею сладкой меланхолией; тем не менее, при таком уединении они не радуются вполне, но думают о том, чего нет у них — и быть не должно, так как сие лишь в мечтах кажется приятным, но в реальности отвращает и оказывается чуждым; так люди думают о том, могло бы быть в прошедшем — или не могло бы быть, но во всяком случае имеется частица «бы», условность, гласящая о том, что ныне этого нет точно; пожалуй, такие обстоятельства со стороны покажутся нелепыми, но множество людей существует в них годами, живёт в мечтах, которым сбыться не суждено, по всей очевидности; куда абсурднее, в самом деле, окажется ситуация, когда этот ненормальный сидит в тишине, размышляя

о том, как мог бы в этот же момент присутствовать на городском празднике, где непременно отдыхают люди, ожидают салют, где сияют огни и где с большой вероятностью за всем наблюдает любимая тобою девушка, но наблюдает, вполне возможно, вместе с кем-то или всё же одна, хотя в обоих случаях тебе не быть рядом с ней, потому что ты сидишь у жёлтого фонаря и пропускаешь свою жизнь в тот же миг, размышляя о том, что могло бы быть, но что по твоей же воле не случилось и не случится; и ты не жалеешь о свершающемся, точнее, тебе приятно жалеть, поддерживая тем самым иллюзию, что ты мог бы повлиять на всё, но выбрал бездействие, потому что так как будто тяжелее, достойнее, но это всё же — ложь. Ощущения можно передать словами, можно передать полно или поверхностно, но своей сути и силы оные не изменять и не перестанут манить того, кто испытал их однажды или думает, что испытал; таким был и Аркаша, смотревший на фонари из окна своей комнаты, чего ему было бы достаточно в тот день, в ту ночь, имей он свободу подойти к ним, но подойти он не мог, ибо был пока ещё ребёнком, а время позднее, а правила бездушны.

Новый день. Утро. Аркаша проспал слишком много, потом валялся в постели с ощущением, что вовсе не спал, что бывает со всеми, кто не думает о своём здравии, о своём организме, да и, как показывает практика, ни о чём не думает, ни к чему не стремится, но всегда чем-то занят, хотя находит, тем не менее, время, чтобы не делать ничего; таким был и Аркаша, школьник с психологией школьника, которого несправедливо и без спроса приговорили к известной жизни, к сроку, кой нужно просто отсидеть как-нибудь, без дела, потому что в таком возрасте никто ещё не думает о будущем далёком, если оное будет куда дальше, позднее ближайшей пятницы или конца четверти, как максимум, когда нужно бы начать учиться, хотя к сему ни стимула, ни желания, ни осязаемой необходимости. Аркаша проснулся в пустой квартире, ведь родители давно ушли на работу, потому ближайшие пять часов до школы он был предоставлен сам себе, но эта свобода пошла ему назло, понеже наш герой лишил себя её, включив телевизор; он уже вырос, чтобы смотреть мультики, а сериалы по более подростковым каналам не всегда оказывались стоящими или в новинку ему, а это вызывало нечто, что обязано будет через пару лет перерасти в чувство безысходности; эх, вернуться бы на пару лет назад, когда учился он в первую смену, приходил домой чуть позже полудня, забирался в пустую бабушкину комнату с ковром на стене, с самой дешёвой мебелью из 80-х и с обоями, видимо, тех же лет, которые создавали в помещении, освещаемом солнцем, приятную атмосферу беззаботности и остановившегося времени, причём остановившегося ещё то-

гда, когда Аркаша и в утробе не существовал; и ему было очень приятно присутствовать там и вплоть до прихода бабушки, до вечера смотреть в классический и уже цветной телевизор размером с сейф, смотреть самые разные мультики и сериалы, чередовавшиеся каждый полчаса по разным каналам так, что всегда был выбор и скучно никогда — изо дня в день — не было; единственный минус: через несколько часов болела голова, потому что от телевизора нельзя было оторваться, то есть покушать что-либо, опричь конфет, было некогда; и именно последняя привычка осталось у Аркаши на долгие годы, проявившись в нынешний день тем, что наш герой совсем не кушал в первую половину того, зато раза четыре заваривал «кофе» сомнительного качества из одноразового пакетика, из-за чего перед школой голова кружилась; позднее, пакетики подобного типа, которые в любом минимаркете продаются по пять рублей, станут популярными среди многих школьников, которые в стремлении почувствовать себя взрослыми станут пить эту бурду на переменах, на других переменах ходить за ней в магаз и в течение пяти дней в неделю станут делать вид, что они очень умные очень солидные и очень занятые, типа выросли уже; да, вопреки мнениям общества, не так часто подростки спиваются ради престижа и подавления комплексов, но в подавляющем большинстве случаев из тех причин тоже что-нибудь делают. Так Аркадий следовал моде, которой ещё не было, о чём и не знал ещё; в это утро он наткнулся на интересную передачу по Viasat History о каком-то английском принце, перешедшем на сторону Германии в Первую Мировую, потерявшем посему все титулы, но прожившем всё-таки хорошую жизнь в красивых местах в удивительное время, по крайней мере, так показалось из передачи, а обманываться — даже если — иногда приятно. Неприятно, когда опаз-

дываешь в школу.

А он умудрился опаздывать и сегодня, смог задерживаться, ничего ж не делав, что для школьников характерно. День выдался очень жарким, а небо было безоблачным и голубым, а земля отдавала жаром и проваливалась под ногами, ибо это был песок, если выразиться точнее; а дорога в школу нам известна. Аркаша шёл в спешке, поэтому по приходе в школу, уже в здании, вспотел внезапно и посильнее положенного, но пока внимания не обратил; первые два урока ему не запомнились, посему можно сделать вывод, что это были алгебра, геометрия или, скорее, скучная история с обществознанием, потому что последние предметы ведутся дико пресно и занудно, а на математике Ирина Анатольевна любит покричать, потребовать мелочного, то есть вызывает чувства понеприятнее скуки, а сие уже запомнилось бы; за-сим была физ-ра, а это уже интересно, потому что в такое пекло заниматься положено на улице, на стадионе, где обычно бегают, бегают и девочки с уже аппетитными попами, отчего можно заниматься спортом, наслаждаться видом старого стадиона, местами заросшего травой покалено, и чувствовать своё физическое превосходство над одноклассниками и одноклассницами, хотя Аркаша уже полгода так не делает, потому что остаётся в зале и подтягивается, как нравится ему, но и сие интересно, ибо весьма часто Ирина Владимировна смотрит на него с непониманием и как бы теряет терпение, начиная вновь и вновь один и тот же разговор о том, что развиваться нужно всесторонне, что нельзя — нельзя! — делать только анаэробные упражнения, но следует всё-таки иногда побегать, попрыгать, ещё сделать разминку на все мышцы, что, безусловно, верно и что непременно действовало бы внушительно, если бы Ирина Владимировна не лицемерила и хоть бы каждое четвёртое занятие вводила идентичное разнообразие в нагрузку, заменив бег,

к примеру, приседаниями, но такого не было; впрочем, понять её можно: баскетболистка, она, видимо, ничего не добилась в своём спорте, посему пошла работать учителем физ. культуры в школу и, не понимая свою ограниченность в выбранной области, без злого умысла и не из вредности стала внушать своё мнение как подлинное; но не хотелось бы сказать, что Ирина Владимировна была человеком жалким или вроде этого, потому что так не было, такой она не была, но запомнилась Аркаша вполне доброй женщиной, коя и разрешила же ему оставаться в спортивном зале, дабы развиваться в соответствии со своими представлениями; и не запомнилась бы ничем школьная физ-ра, если бы на ней он не работал на себя и для себя. Урок окончился; Аркаша вспотел вновь, но на этот раз явно завонял, именно завонял, что в такую жару для него обычно, но всё равно не привычно, а неприятно; а неприятно, когда ты ходишь среди людей и представляешь себя на их месте, а они-то твой запах чувствуют, наверное, несколько паче; и всё бы ничего, если бы на литературе — как раз в этот день! — к нему не подсела Настя, которая раньше никогда-никогда не подсаживалась в действительности, зато присутствовала в мыслях и мечтах, так как вельми нравилась нашему герою как девушка и как человек; теперь он убедил себя, что никогда не добьётся её и ничего от неё не добьётся, помимо, разве что, жалости или отвращения; обидно.

Следующим был урок литературы; его вела Гуськова Александра Владимировна, бывшая в то же время завучем средних классов, поэтому бывшая занятой весьма часто, отчего многие долги можно было сдавать ей кратко и по знаниям, но не для ведомости, переписывая все заваленные контрольные, как на математике, а сдавать по знаниям никогда не было плохо и всегда было справедливо, как казалось многим. Александра Владимировна была хорошей женщиной лет 55-ти, в молодости, видимо, симпатичной, ещё была строгой, но снисходительной, была даже мудрой и внушала уважение, имела своё мнение, но иногда пыталась его навязать; тем не менее, будучи завучем, она часто сталкивалась с психически ненормальными родителями или с абсурдными директивами из министерства образования, где чиновники решают за учителей, как, чему и сколько времени следует обучать, но эта история долгая, а свожу я к тому, что, сталкиваясь с реальными проблемами, она жаловалась ученикам на всё, но при решении проблем проявляла слабость — и только; также Александра Владимировна страдала значительным ожирением из-за нарушения обмена веществ и проблемами с сердцем, хотя не ясно, что из чего исходило, да и мать её впадала в маразм, и сын получился какой-то очень пухлый и болезненный; именно из-за проблем с сердцем она иногда и совершенно внезапно отменяла уроки, что становилось сюрпризом и подарком, потому по причине строгости многие боялись её в независимости от того, выполнили они домашнее задание или нет, хотя чаще его не выполняли должным образом, потому что это были литература и русский язык; между про-

чим, не только Аркашей было подмечено, что если выполнять все домашние задания так, как следует, то свободного времени не будет оставаться вовсе, поэтому никто ничего не делал, а в случае с литературой все попытки наконец-то хотя бы единожды ответить хорошо — заранее обрекались, потому что для хороших ответов, как минимум, нужно было знать произведения, а дабы знать произведения, следовало читать всё лето непрерывно, что есть невозможное в прошедшем; но кое-как выкручивались. На этом уроке литературы проходили поэтов-дегенератов начала XX-го века, но, конечно, их не называли своими именами, а даже восхваляли, окружали тайной, чего бы и автор этих строк добиться бы не смог; так, похотливый и бездарный Блок, умерший от соответствующей болезни, становился как бы жертвой обстоятельств, ибо будто бы любил одну женщину, которую боготворил и физически не употреблял, что, впрочем, не мешало употреблять других и писать о высоких чувствах; что-то схоже окazyвалось у двуполого Есенина, который всю жизнь таскался за еврейкой постарше себя (матерный комплекс), а потом самоубился (саморазрушение); там же была Цветаева, как человек перенёсшая многое, хотя эта информация не делала её убогие стихи при прочтении более приятными, что ли; больше всего внимания уделялось Маяковскому, который, подобно Алексею Толстому и Горькому, был большевистской проституткой и наживался своим творчеством, благодаря привилегиям ущемляя остальных поэтов и писателей, совсем не являясь поэтом, но будучи каким-то уголовником, кой жил с любовницей и её мужем, то есть неизбежно отсылав у этого мужа на её глазах, ибо у геев так происходит всегда, а у нормальных вообще не происходит. Но таких подробностей Аркаша пока не знал, поэтому на уроке тихо сидел и слушал, не выделялся, чтобы

не стать спрошенным.

По пути домой какие-то неизвестные чувства к Насте, может быть, и желание помечтать на её счёт побудили Аркашу сделать небольшой крюк через новую площадку; определённо, через несколько дней он позабудет текущие мысли, зато какая-то площадка останется в его памяти на долгие годы и сыграет большую роль в его подростковой жизни, но это случится чуть позже; площадка эта совмещала в себе футбольное и баскетбольное поля вместе с гимнастическим городком нового типа; её поставила местная Единая Россия, но на деньги народа, конечно; и эта площадка ещё несколько лет была самой лучше во всём округе, а через пять лет вообще исчезла, потому что футбольные ворота погнулись, два слоя резинового покрытия стёрлись во многих местах, а гимнастический городок стал притоном для хачей и алкашей, поэтому его сначала разрисовали матами и бредом всяким, затем и очень скоро все грузы на тренажёрах спилили и сдали в металлолом, потом произошло затишье, но в конечном итоге площадку разьебали полностью, у пустых тренажёров начали отрывать ручки, что не отрывалось — погнули, скамью из ДСП сначала местами покрошили и стали пихать в неё пачки от сигарет, использовали в качестве мусорки, а потом разломали; настоящую же мусорку, находившуюся в двух метрах от площадки, сожгли термитом, наверное, ибо она была металлическая и прочная, а исчезла за ночь. Гадкие люди водятся везде. Я имею в виду дегенератов.

А были дни, когда наша молодость не знала беспокойства, не знала настоящего мира, потому что не соприкасалась с ним, а жила беззаботно и в неведении насчёт окружающего, жила в своих прелестях и среди радости, не чувствуя ответственности, безразличия и лжи, что обитают среди взрослых и у них внутри. Именно этот период у Аркаши подходит к концу, чего последний не осознаёт должным образом, ибо всё своё детство он не воспринимал так, как следовало бы, но, желая поскорее стать взрослым, придумывал себе проблемы и слушался взрослых, у которых это вошло в привычку; на сей момент он думает, что занят чем-то важным, что его угнетают в школе, что учиться ему некогда и незачем, а через год другой это окажется жестокой правдой, понеже таково наше общество, однако осознание этой правды будет боле горьким, нежели усладительным, а ещё через несколько месяцев окажется ещё горше, когда Аркаша поймёт, что с получением обычного осознания он потерял детство, что быть могло счастливее гораздо, но не было. Он уже не бегает по гаражам, не проводит в одном дворе весь день, не пьёт дешёвую колу, заедая мороженым, потому что ему нужно многое успеть совершить, потому что результаты, которых ещё нет, и негативные последствия, что могут лишь произойти позднее, уже стоят перед глазами и влияют на настоящее, ввергают в беспокойство и зависимость от себя, уничтожая сегодня, а завтра, и послезавтра, и никогда не заканчиваясь полностью, обеспечивая ежедневную спешку длиною в несчастную жизнь; и Аркаша не купит фломастеров, как прежде, чтобы почувствовать себя хулиганом, рисуя на гаражах, пусть фломастеры почти не остав-

ляют следов на металле; и Аркаша не будет, как в детстве, играть со стёклышками, будто в стратегию, на поле из мазута, почему-то покрытого разбитыми бутылками; а через годы он найдёт свои гаражи проржавевшими и погнутыми, а поля вовсе не найдёт, потому что какой-нибудь еврей догадается над подземным гаражом построить ещё один этаж парковки, тем самым уничтожит поле, на котором ночами бухали взрослые, а днём и ввечеру резвились дети. Как бы то ни было, наш герой ещё имеет несколько лет относительной свободы, поэтому изредка сможет выходить на иные поля, чтобы общаться с сверстниками, но через время сие будет вспоминаться со стыдом и болью, потому что время можно было израсходовать на нечто лучшее, но время потерянно, посему и того, что было, вернуть нельзя. Сегодня он гуляет в один из последних раз.

Сегодня он в очередной раз попытается поговорить с Полиной, с этой пацанкой, порой гуляющей там, где привык гулять Аркаша; она представляла из себя блондинку малого роста, но с большими веснушками и с весёлым характером; она ругалась, играла в футбол и притягивала нашего героя в какой-то мере, но с ней было невозможно разговаривать, потому что Аркашу она не ценила за собеседника, но предпочитала общаться с парнями на несколько лет младше; кстати, она сама была младше Аркаши на года два или три, поэтому и он сам не знал, на что рассчитывал. День был солнечный, но гуляли вечером; солнце начинало садиться за горизонт, однако было тепло и вполне светло, поэтому много людей гуляло возле новой школы на одной из немногих площадок, ещё не разрушенных, а не разрушенных по той причине, что находились они на территории школы и были установлены совсем недавно: точно такие же площадки, но за забором, через год были уничтожены окончательно; людей было много; все играли; Аркаша же

не умел играть с мячом, что скрывал, просто и словно для веселья выбивая его со всей силы в произвольную сторону; и сперва сие действительно было весело каждый раз, но через четверть часа, как правило, допекало остальным играющим, поэтому дольше пятнадцати минут Аркаша и не играл уже, но больше смотрел и формально присутствовал, участвовал, но лишь формально. Тот день не стал необычным, но это был последний день, когда Аркаша видел Полину вживую; во время игры он совсем забыл про чувства к ней и решил не делать новых бесплодных попыток. И он не жалел. Да это всё мелочи.

Элла. Она была на год младше. Красавица с бронзовой кожей, веснушками, глазами кошки и волосами пещерной женщины, она при первой же встрече запомнилась Аркаше как приятная девушка, хотя многие девушки запоминались ему в качестве приятных, ибо с девушками он пока не был знаком. Так сложилась судьба, что именно Элла превратилась в друга и часто гуляла там, где гулял он, да и жила в соседнем доме, однако это не сыграло роли, потому что в общении она отдала предпочтение Саше, его другу, не такому сильному, но несколько более красивому на тот момент (и податливому); и именно посему Элла часто общалась с ним, с Сашей, один на один — и никогда один на один с Аркашей; а Аркаша общался с Эллой лишь при прогулках компанией; но это его не смущало. Он не увидел в Элле что-то прям особенное, но просто захотел её как девушку, случайно попавшую в его жизнь; позднее оказалось, что Элла в положительном смысле немного отличалась от обычных девушек, была более чувственной, открытой и адекватной, но к тому времени она оказывалась прошлым лишь, уже переехал куда-то — и весьма давно, о чём он и не знал долго, не интересуясь ею более.

Почему же он не интересовался? Целая история. Впервые, Элла никогда не расценивала его как парня, но даже считала тупым, потому что многие на площадке считали его тупым: так же, как и выбиванием мяча он скрывал своё неумение играть, Аркаша пытался сойти за тупого, дабы загладить большие отличия его личности от личностей остальных; а отличия по большей мере заключались в самом воспитании, в интровертивности, в неведении с самого детства привычных для парней того

времени вещей: паркура, футбола, озабоченностью компьютерными играми; а не знал он них потому, что долгое время просто не имел компьютера, чтоб играть, а затем получил слишком старый компьютер, чтобы можно было играть в GTA: San Andreas, Need for speed: Underground 2, Call of Duty 4 и т. д.; в том числе, Аркаша никогда не имел доступа в Интернет, поэтому и новостей не знал, и в социальных сетях не регистрировался, а оные фактически оказывались допуском в нормальное детство, в общение со сверстниками на равных, чего наш герой не получил; когда же он возымел всё необходимое, он уже «отстал» от других на несколько лет, поэтому ничего не изменилось; и всегда выходило, что сверстники имеют связи между собой, имеют свои секреты, «фишки», а Аркаша оказывался негласным изгоем и жертвой, поэтому притворялся тупым, чтобы хоть как-нибудь привлечь внимание и стать ближе к тем, к кому... на самом деле не надо было приближаться, но подобные выводы совершаются гораздо позже необходимого срока; и Аркаша из-за школы так привык быть среди чуждых, что уже каждого человека считал чуждым по определению, посему и тупым начинал казаться автоматически, тем самым часто и очень часто отталкивая даже подобных себе одинок, в числе коих и Элла была; тупых обычно не любят. Во-вторых, Элла была лишь небольшим периодом в его жизни, не ценилась ни как человек, ни как девушка, а просто была, появилась как само собой разумеющееся, как временное и недостойное внимания чрезмерного; он был к ней — в то же время — почти равнодушен, поэтому её равнодушие не воспринимал ни близко, ни далеко: никак не воспринимал. В-третьих же, окончательно повлиял такой случай.

Вчера вечером он встретился с Эллой в последний раз; последним этот раз оказался уже позже, поэтому на момент действия о подобном никто не думал; она сно-

ва была с ним холодная и параллельно слегка побаивалась этого «дебила», который обыкновенно ведёт себя смешно и странно, но это обыкновение не убеждало в том, что может случиться с ним нечто страшное и непредсказуемое; это и случилось, но только для него. Элла, как обычно, под принуждением сидела у Аркаши на коленях, а этот чёртик, не получавший от неё ничего хорошего, попытался наслаждаться имеющимся по максимуму, поэтому он концентрировал своё внимание именно на мягкости и упругости её формирующейся попы, находящейся под штанами, но всё равно осязаемой значительно, ощущавшейся значительно; он мог бы представлять, как попа выглядит без одежд, как она красива при эллином цвете кожи, но Аркаша ничего не делал, а бессознательное само по себе возбуждало его тело неизвестным образом; так он возбуждался долго, сидя на холодных ступенях её подъезда; затем пошёл домой. Дома возбуждение сказалось в виде болей в животе, очень сильных болей именно в том месте, где располагается аппендикс, но случились они очень поздно, когда Аркаша был в кровати, поэтому стерпелись и прошли через час-полтора. На следующий день Аркаша встретился с Эллой утром, перед походом в магазин; ситуация со ступеньками повторилась, поэтому повторилась и боль, но была она уже куда сильнее и настигла его на улице, недалеко от дома, к счастью, может быть; боль не утихала и налицо был известный приступ, поэтому через полчаса он отправился в поликлинику, где простоял в очереди ещё полчаса; вернее, от нестерпимых болей он ходил из угла в угол. Не верится, но боль прошла сама по себе именно тогда, когда его очередь подошла; он решился войти и рассказать; осмотр ничего не дал, никаких отклонений и патологий; на всякий случай решили госпитализировать. Следующие сутки он провёл в местной больнице; он не ел и страдал от голода, потому что

в таких случаях планировалась операция на живот; кажется, он быстро достиг истощения, что ощущалось более явно, когда будили ночью по нескольку раз, дабы взять анализ крови; боли ни разу не вернулись, поэтому врачи дали ему какой-то сложный и никому непонятный диагноз, но отпустили домой с диетой. На самом деле причина была в воспалении простаты, в том, что он слишком долго возбуждался, но не получал оргазм; просто подобное заболевание никто не ожидал найти у подростка.

Вот так женщины губят мужчин своей холодностью, а потом, как правило, обижаются на измены или хотя бы на хоть какой-то флирт с другими девушками, а мужчина оказывается виноватым в том, что неописуемым болям, проблемам с эндокринной системой и большой угрозе рака предпочёл согрешить ради собственного здоровья. По правилам романа я должен бы сказать, что этот случай исправил Аркашу, пристыдил, научил чему-то, но Аркаша не исправился. Общение с Эллой он скоро прекратил вовсе; это было единственное преимущество на тот момент, хотя так он потерял Эллу, а человеком она была хорошим. Но подросткам нужна лишь плоть.

Неслись дни. Он каждый день учился, посещал школу, делал домашки, выслушивал мнения учителей, голодал первые несколько уроков, терпел и многое другое; он жил как робот и, кажется, ничего не чувствовал — только существовал; что-то да и случалось, но слишком редко оставалось в памяти хотя бы на неделю, а на месяц и более — никогда не сохранялось. Право, не легко так жить, не зная наслаждения вовсе, но расходуя время; а время это могло быть самым светлым, было самым свободным из всякого в последующей жизни, но сравнивать его пока ещё было не с чем; посему его значимость осознается лишь тогда, когда его уже не будет. И единственной радостью для Аркаши была музыка; не собственная музыка, нет, но лучшие произведения последних десятков лет; несмотря на круг своего общения, Аркаша не сделался копрофилом (им можно только родиться), как Дима из его класса, Артём, Егор и другие, что любили слушать грустный гар про тёлок и братву, порождения вакханалии и эпилепсии (dubstep) или что-то очень депрессивное, популярное среди самоубийц и анимешников; не слушал он, слава Богу, и непонятные жанры, не слушал и «классику» рок-музыки, как многие, как многие её слушают не потому, что она действительно хороша, а для того чтобы всё-таки выделяться как представитель «old school» — ла; в плане музыки Аркаша был той редкостью, имел кто настоящий вкус в ней.

Подростковая жизнь и распространение Интернета предоставили ему огромный выбор того, что можно слушать; сперва приходилось ограничиваться телеканалами типа MTV или BridgeTV, где далеко не всякая композиция была достойна потраченного времени, где многое

выигрывалось благодаря клипам с полуголыми тёлочками на пляже, в пустынях, у бассейна, на гуляньях в трущобах и т. д. и т. п. всё, что подростков-то ещё как привлекало; сама же музыка оказывалась никакой и не оставалась в памяти ни на час. Потом — в какой-то период его жизни — обрели популярность всякие сериалы о повседневности молодых поп-звёзд, Ханне-Монтане, братьях Джонас и ещё что-то, на что подсаживались примерно все сверстницы, по кому они буквально текли, отчего периодически смотрел на это, чтобы «быть в теме», но в говно с главой не погружался, не смотрел с жадностью, с вожделением, с ожиданием, словно извращенец какой-то, хотя через коротко время после этого наплыва, после окончания моды на вечно детское и недоразвитое Аркаша жалел, что был таким тупым недавно. Но, тем не менее, он ещё долго не удалял со своего телефона записи понравившихся песен, сделанные с таким трудом на диктофон, пока не было шумно вокруг, пока никто не мог пожаловаться на высокую громкость в комнате, но мог, наверное, зайти в любой момент и этим всё испортить; эти записи были дороги ему, и именно с ними он коротал минуты во время поездок, во время каких-нибудь наваждений, с утра перед уже издаелека притесняющей школой, чтобы внести хоть йоту позитивного в серый день, в обычное существование, в безрадостную жизнь, полную сонмом мечт и фантазий, которым не суждено сбыться; однако, наушники Аркаша часто забывал,, часто они донельзя изнашивались, поэтому удовольствие слушать музыку становилось доступным куда реже желанного, отчего постепенно теряло свою цену. Примерно в те же времена Аркаша пережил 2007-й, когда вокруг шатались эмари, готы и другие неформалы, которые могут и мечтают совершить суицид, отчего и других убивать уже не страшно, надо думать; Аркаша стал и одним из тех,

кто вождедел солистку Tokyo Hotel вплоть до того дня, пока кто-то не сказал, что это парень; тогда же он везде и всюду начал сталкиваться со всеми этим подавленными геями, лесбиянками, би-сексуалами, асексуалами и прочими дегенератами, увидел мир с другой грани, задался некоторыми вопросами, но к современной культуре испытал естественное отвращение и от популярной музыки отвык; единственно, с того времени сохранилась приязнь к Nelly Furtado, Avril Lavigne, Rihanna некоторым другим, хотя через года четыре он разочаровался во всех, во всех новых альбомах, уже не содержащих его воспоминаний о беготне по комнате, о том обычном лагере у моря, где купаться не давали, где все старшие относились ко младшим с презрением, где делать было совершенно нечего, но где каждый вечер устраивалась дискотека, а перед сном кто-нибудь рассказывал страшные истории и гоблинах и т. п.; не содержала, не вызывала та музыка и чувств, которые он испытывал при первых прогулках, не вызывала воспоминаний о том, как МузТВ менял оформление каждый месяц; это была не та музыка. Позднее к его вкусам добавились классики металла, основоположники некоторых экстремальных направлений в музыке, всякие сатанисты и некрофилы, но в то же время этот Аркаша мог послушать Барбариков, христианских исполнителей или другое что-нибудь детское и несерьёзно, идущее в заметный контраст с тяжёлым и страшным. В какой-то период Аркаша вспомнил об Alizee, которая оставила лёгкий след на его детстве, а не так давно стала выпускать новые альбомы; помнится, она была такой красивой, милой, желанной, загадочной и даже космической, недостижимой, вечной, бесконечной и вездесущей даже, какой ни одна женщина не стала, помимо её, для нашего героя, потому что именно она совершенно случайно запомнилась ему как целая жизнь в позабытом детстве;

уже имея возможности, Аркаша стал узнавать о ней всё, просмотрел многие видео десятилетней давности, вмешивался и в личную жизнь; а сама Alizee после пика своей популярности вышла замуж по сомнительным правилам, родила дочку, потом развелась, потом перестала петь чувственное, утонула в славе, испортилась, стала спать с толпами красавчиков и выкладывать в сеть всякие... в ней пришлось разочароваться, как и в многих других. И спустя несколько лет Аркаша уже не мог часами лежать на кровати, слушая одни и те же песни вновь и вновь, представляя, как будто это он их написал, как будто это он их поёт непонятно кому, имея славу и признание, которых в жизни не будет.

Проходил восьмой класс, девятый, десятый, наверное, а совершенно ничего не менялось. Самые тупые уходили уже после девятого, но и среди оставшихся тупых было немало; может быть, не зря я сделаю, что расскажу про людей его возраста, учившихся там же, вместе с ним, учившихся и плохо, и средне, и очень плохо, и несколько лучше большинства, что, впрочем, никому не мешало не быть ни хорошими людьми, ни верными друзьями, ни интересными собеседниками; возможно, уже повзрослевший Аркаша сам бы смог рассказать следующие, но, боюсь, волшебное звучание музыки в совокупности с детской наивностью всё ещё присутствуют в нём, но уже в немного другом и извращённом виде, что не имеет значения. Классов его потока сперва было четыре: А, Б, В, Г; и этот поток был чуть ли не предпоследним в его школе, где не использовались буквы Е, Ж, З или даже К. Класс Г изначально, за исключением человек четырёх, фактически в досталь составляли дети пьяниц и наркоманов, сами выросшие пьяницами, наркоманами, хулиганами, а некоторые и не выросли в прямом смысле, потому что обладали явными отклонениями в работе эндокринных желёз, получились мелкими, но всё выёбистыми ещё как; в классе Г практически у каждого были физические дефекты в виде множества родинок, шепелявости, картавости, заикания, ожирения, других деформаций тела; абсолютно все из них по всем предметам учились плохо и считались за дебилов, а очень удивительно, что дебилы смогли в одной из самых лучших школ страны составить целый класс; в других школах, говорят, такие почти все; и из школы Аркаши почти весь Г-класс ушёл после девятого; один-два потом про-

славились среди неформалов, самые тщеславные вообще исчезли, некоторые девушки уже через год ходили беременными. Класс А, как его руководитель, тоже почти весь не отличался по своему составу от тщеславных ублюдков: все они считали себя самыми красивыми, самыми умелыми, самыми модными и даже умными, хотя первые качества состояли у них из посредственности, а последнее уже легко опровергалось практикой; А-класс — это надменные мажоры, половина которых сразу же приобретала новый iPhone, когда они начали выходить; это — самые неприятные люди, тонувшие в своём высокомерии и в своей наглости; в течение всей школы они из-за таких сложных качеств казались чуть взрослее остальных, но экзамены завалили и хотя бы в своей половине отправились на экономические факультеты, то есть на факультеты для тех, кто хотел бы работать в банке, играть на бирже, ездить на Bentley, но кто и математику знает не очень, и гуманитарные предметы отвергает. Про класс Б даже не знаю, что сказать; он был неким средним между А и Г, но ближе к Г, ибо преобладала в ней патологическая агрессия у парней и патологическое тщеславие у девушек, если таких шалав уместно называть девушками; в классе Б любили пошутить, а потом поржать, а поржать от души обязательно, чтобы всё лицо покраснелось, рожа искривилась от ничтожного повода, от самого ничтожного повода, что легко наблюдать у людей невысокого ума, которых рассмешит и слово «пися»; с девушками ситуация уже интереснее: они учились чуть лучше, все были... экстравертами, то есть пизделками, такими людьми, которые ищут общения ради того, чтобы не оставаться наедине со своим ничтожеством, то есть с собой, имеется в виду; они постоянно общались, находили новых «друзей», общением переполнялись, перепаршивали, отчего уже в средней школе стали циниками, лгунями, лицемерками и т. д., почему достигли самого

высокого уровня блядства, кое отвращает поболее самого низкого; помнится, из всех девушек (там и модель была) выделялась единственно Аня, пышная и умная Аня с милым русским личиком; однако, у неё был парень на года четыре старше, а из этого всегда (при мне исключений не было) получается одно и то же: девушка становится надменной, всех других парней считает недалёкими, ей кажется, что этим другим ещё стоит проблем найти себе настоящую пару, а вот она уже нашла свою, единственную, необыкновенную, да и на всю жизнь; странно, но, найдя себе парня постарше, она тут же считает его умнее своих сверстников, а затем и себя саму по совершенно неизвестным причинам тоже считает умнее сверстников, тем самым отдаляется от бывших друзей и подруг, изолирует себя, а потом страдает, потому что парень такой неизбежно бросит её ради девушки... с мозгами, ведь у неё не хватило мозгов, дабы понять, что парень лет двадцати не выберет себе в спутницы жизни тупую школьницу, а если начинает общаться с ней, так это только потому, что его сверстницы в нём не нуждаются, но ладно; разумеется, я окажусь правым не во всех случаях, ибо понастоящему умная девушка бывает и шестнадцатилетней, но видел же Аркаша, что не были такие девушки понастоящему умны; редко бывают. В такую же историю вляпалась Лера, но сперва нужно закончить перечисление классом В; он от Б почти не отличался, но был даже лучше, обязан сказать, потому что содержал в себе все основные категории дефективных подростков, но по один-три из каждой, так что они объединялись в группки, но не в банды; сказать больше немислимо.

Уходили некоторые, но, бывает, поступали новенькие, хотя редко это было, ведь в такую «хорошую» школу тяжело было пробраться в старшие и средние классы, но случалось. Однажды именно к Аркаше в класс пришла девушка с бронзовой кожей и идеальным телом; её звали

Лерой; впервые он увидел её в самом конце августа, на традиционной встрече класса; он не влюбился с первого взгляда, должно полагать, но был удивлён значительно и обрадован тем, что наконец-то именно в его класс пришла красивая девушка, с виду не высокомерная, которая совсем не знает его, не знает его с семи лет, не имеет неприятного представления о нём, поэтому может узнать его таким, каким он был на момент встречи, а не придумывать его на основе прошедших событий, ибо те ей неизвестны; Аркаша ожидал любви, поверил в неё; на основе этого стал строить планы. Через два дня он увидел её вновь (среди класса, конечно), затем судьба так сложилась, что на совместный просмотр кино они сели вместе, но их обоих прогнали, потому что весь класс решил рассаживаться не по купленным местам, но занять целый ряд, где кто-то посторонний места всё же купил тоже... Так они сели рядом с классным руководителем, что испортило знакомство ему, хотя ей-вот было всё равно на это знакомство, как оказалось позже, а ведь Аркаша проявил такие настойчивость и уверенность, каких никогда в себе отыскать не мог. Что было дальше? После похода в кино их пути буквально разошлись; потом оказалось, что она просто жила совсем рядом, поэтому планируемая совместная прогулка домой была обречена заранее; следующие дней десять они общались довольно близко, как казалось только ему, а Аркаша даже ухаживал за ней по-школьному, что почти всегда выражалось в раннем приходе в столовую ради составления готового комплекта блюд в одном месте именно для неё; всегда проблема была с вилками, потому что никто не ходил за ними, но все расхватывали уже имевшиеся, почему не доставалось двум третям; Лера же это не ценила. Потом он увидел необычно простое кольцо на её пальце и спросил о нём; так оказалось, что Лера уже помолвлена полгода (!) и ожидает свадьбы через год; для дур это даже

естественно, но поразило Аркашу то, что Лера почти две недели принимала его ухаживания, садилась с ним за одну парту, садилась близко, говорила откровенно, хотя уже была помолвлена. Шок прошёл; Аркаша продолжал вожделеть её, но сперва старался игнорировать, не общаться, а потом стал делать это без внутренней цели, потому что Лера оказалась тупой как в жизни, так и по школьным предметам (был случай, когда она не смогла решить линейное уравнение); весь следующий год она буквально вешалась на шею нескольким парням из класса, но при этом искала дружбы в их объятиях, поэтому ничего не получала, разумеется; все отвергли её за ненормальное поведение, класс настроился против Леры, а она и этого не заметила, наверное. В том же учебном году она покинула школу из-за неуспеваемости. Она картавила ещё.

Бывали и такие, которые переводились из одного класса в другой, потому что в другом знакомых были больше або в текущих классах не устраивали некоторые учителя или даже сам классный руководитель; Аркаша с пятого класса учился под буквой «В», а надзирала над ними уже известная Ирина Анатольевна, очень нервная и строгая женщина, чья мать совершила самоубийство потом, болея раком, чья сестра имела ненависть к этой матери, чей отец или умер уже, или ушёл семьи когда-то — и так далее; сама Ирина Анатольевна никогда не имела детей, не была замужем и вела, как показалось бы, жизнь монахини, если бы и вела себя как монахиня, то есть не кричала по любому поводу, не приходила в гнев так часто и т. п.; дело в том, что она страдала всякими неврозами, не могла высказываться у себя дома, поэтому отыгрывалась на детях; да ещё так получилось, что класс Аркаши выпал ей как раз в период начинавшегося климакса, хотя у неё он начался на лет восемь раньше положенного, поэтому породил помешательство; и именно от такого помешательства многие не любили её; именно по вине такого неприятного характера после пятого класса около десяти человек перевелись в другие; среди них были и те, кто ушёл в другую школу; были там и Ваня Кабашный, и Артём Найдёнов.

С Ваней Аркаша подружился уже после пятого класса, в школьном лагере; уже не помнит голова, как именно это происходило, но привела такая дружба к тому, что последнюю неделю лагеря и несколько недель после него Аркаша почти ежедневно приходил к Ване домой, где они играли в компьютерные игры; особенность этого была в том, что Ваня не был просвещённым в играх,

хотя имел мощный компьютер, поэтому Аркаша начал учить его играть в собственные и, признаться, уже устаревшие игры, но Ване они нравились; Ваня тоже смог что-то показать, поэтому тот период детства запомнился одной серой комнатой с видом на гаражи и местный храм, но дело было летом и в детстве, поэтому впечатления создались весьма хорошие.

Почти то же самое было у Аркаши с Артёмом, но уже чуть позже, кажется, и во время учёбы; они тоже играли в игры, но другого стиля, но не это важно, но это не поймёт тот, кого не было там; что бы там и не произошло, осталась память об этом, окрашенная светло; Артём жил в старом доме, в двухкомнатной квартире с бабушкой и дедушкой, ибо один или два его родителя умерли, помню точно.

Через год или два Ваня связался с плохой компанией из А-класса, стал несколько диссоциальным и покинул школу не позже девятого класса; Артём же пошёл в класс Б и тоже опротивел вскоре, но не так скоро, как Ваня; Артём доучился до 11-го класса, но ничего насчёт былой дружбы не высказывал, потому что сам изменился и всё забыл. Теперь дом Артёма стоит где-то на Думенко, ветшает и не вызывает более особых воспоминаний, какие вызывают всякие прочие места; и дом тот больше ныне ассоциируется с тем местом, где году в 2013-м жил толстый слабоумный пацанчик лет четырнадцати, который сильно заикался и тупил, но при этом всегда имел на себе внимание девушек, о котором наш герой и мечтать не мог; да это — целая история...

Раз речь зашла о близких Аркаше по школе, стоило бы сказать и о главном герое повести, быть может. Почти всю школу он был типичным умным мальчиком, худым, застенчивым, с холодными конечностями, роста не маленького и всё в этом же духе; внешне совершенно обычный ученик; однако, сама жизнь вводила его в такие необычные ситуации, которые со средними школьниками, наверное, и не случаются; если их перечислять, то книга увеличится в десяток раз, но всё-таки один из самых интересных моментов жизни нашего героя дождётся своего часа уже через абзац другой; возможно, что это сам Аркаша, оказывается, был ребёнком необычным, поэтому и вполне нормальные явления воспринимал очень близко к сердцу, запоминал как дикий приключения, как что-то нереальное, как что-то воистину поразительное; я же, знающий его и жизнь его из первых уст, сперва не хотел обнародовать собственное мнение на этот счёт, но признаюсь сейчас же, что целостного мнения не имею сам: Аркаша был загадочным. Учился он на почти твёрдое хорошо, хотя где-то преуспевал прям, а что-то вовсе не мог осилить, но в школе — даже видно было — ему училось легче, нежели остальным, поэтому и детство его могло стать куда красочнее, чем всё же стало. Тем не менее, были и в его жизни приключения, обычно со школой и связанные, но ничего не поделаешь с этим, ведь именно для таких, кто умеет учиться, школа занимает всё свободное время, пусть учёба сама даётся легче и дома вовсе не осуществляется, как правило; но такова реальность, ведь отличники в душе на самом деле боятся многого, а хорошие оценки как-то усыпляют их ак-

тивность, страх, но интерес в то же время, поэтому и все успехи их ограничиваются школой; глупая школа. А вот совершенно обыкновенное событие, произошедшее с ним классе в седьмом-восьмом — или где между ними, ведь наступало лето.

Конец мая. На дворе переводные экзамены, хотя там только один экзамен был. В класс внезапно влетает Ирина Владимировна, с которой все уже знакомы; она влетает и говорит, что через неделю, приблизительно, в одном из больших посёлков у моря пройдут краевые соревнования по лёгкой атлетике, где будут собраны команды по одной из каждого крупного города края; а дело всё в том, что команду от Краснодара (их города, если раньше не сказал об этом) должна представлять именно та школа, в которой Аркаша учился; в итоге нужно было в максимально сжатые сроки собрать хорошую команду из его потока, оформить справки на каждого, да ещё и провести репетиции показательного номера; на всё про всё три дня. Аркаше нашему пришлось участвовать там, потому что и как спортсмен четвёрку он заслуживал вполне. На следующий день планировался экзамен, но нескольким людям, включая и его, пришлось провести вместо более тяжёлый день: сперва Аркаша вместе с многими сходил в свою поликлинику, чтобы оформить санитарные справки для лагерной поездки загород, но у каждого парня был свой участковый терапевт и каждому этот терапевт без каких-либо вопросов и анализов сделал готовую справку, ведь «неожиданные городские соревнования, срочно, на анализы нет времени»; но не было так у Аркаши, ибо его врач оказался «честным», посему потребовал к следующему утру анализов кала, соскобов, крови, мочи и т. п., что страшно и неприятно сдавать самостоятельно в двенадцать лет, что Аркаша всё же сделал; к сожалению, результаты сделанных анализов приходили на следующий день к часу, а врач тот

уходил после одиннадцать, то есть в нужный день справка оформлена быть не могла, то есть Аркаша никуда не едет, но пересдаёт ненаписанный экзамен; но нет, его сдерживали, его заставляли в течение всего утра бегать от школы до поликлиники и обратно (два километра) около пяти раз, положительно безрезультатно, пока в поликлинику не пришла школьная медсестра, чтобы разобратся; к трём часа дня справка стала готовой, но, как оказалось, только с этого всё и начиналось; затем пошла репетиция, массовая репетиция по программе, которая менялась каждые полчаса подружками Ирины Владимировны, а в конечном варианте максимально приблизилось к начальному; этот день был самым тяжким; потом программа выступления менялась два-три раза, скажу по секрету. А на следующий день, около семи утра, был назначен выезд. Следующие дни он провёл в каком-то отеле вместе со всеми; поселили его с одноклассниками, но рядом жили девушки из Кропоткина, а на этаж ниже — девушки из Сочи, что, впрочем, не отразилось на его приключениях, потому что лично он даже в глаза этим девушкам не посмотрел; там проходили репетиции, соревнования, недалеко от того места питались; дни отличались неопикуемой жарой, но вечера были прекрасны и прохладны, хотя в своё время насладиться ими он не успел, потому что «сравнивать было не с чем»; за день до отъезда произошла дискотека со всеми участвовавшими, комаров было мало, не было и луны, не было и строгого надзора со стороны ответственных, чего ожидали все; тот вечер мог бы выдаться на удивление прекрасным, но Аркаша только пришёл и ушёл; упустил, потерял, ибо не решался, боялся, не представлял. Так кончались все приключения.

Начало лета. Уже последние три года Аркаша на каждой каникулах отправляется к бабушке в станицу, связанную у него со многими воспоминаниями; сперва его отправляли насильно, но классе в седьмом ему там значительно понравилось, потому что это было весной, а ранней весной в станице делать практически нечего; в итоге Аркаша целыми днями блуждал по квадрату из брёвен, что были некогда под сеном, и фантазировал о своих мнимых подвигах во вселенной компьютерных игр, к которым он играл у себя дома либо хотел поиграть; он действительно мог делать это по три часа подряд до четырёх раз в день, потому что фантазия была развита, энергии было много, а делать в станице ранней весной детям ещё нечего. Позднее сено закончилось, а нового не покупали, потому что и коров решили не держать больше, ибо раньше держали только ради торговли молочным, но потом Агрокомплекс и другие гиганты захватили все рынки края, устроив свою олигополию, хотя формально она выразилась в ужесточении волокиты со всякими санитарными справками, а в таком случае держать своё хозяйство было затратно и бесприбыльно; через несколько месяцев Аркаша тех брёвен уже не обнаружил.

Те же каникулы. Вечера он проводил перед старым телевизором. Сами вечера он предпочитал смотреть фильмы с кассет (был единственным в доме, кто умел включать видеопроигрыватель), но не все кассеты того стоили, а стоявшие пересматривались по десятому разу; ближе к ночи по таким каналам, как ТВЗ и ДТВ (антенна), обычно шло что-нибудь дешёвое, но интересное, очень интересное, хотя в таком возрасте перед сном за-

помнится что-угодно; иногда по музыкальным каналам показывались передачи о новых играх, в которые он на своём компьютере не поиграет ввиду системных требований; было интересно. А однажды дедушка с бабушкой ушли поздно вечером, и случилось так, что Аркаша посмотрел несколько передач, затем фильм, затем немного подождал, а уже в половину двенадцатого по ДТВ начиналась эротическая передача, хотя в его возрасте она приносила адреналин, который ничто потом не принесёт; по злому стечению обстоятельств калитка рядом с домом закрипела около 23:40, то есть насмотреться Аркаша не успел, но по непонятным причинам решил притвориться спящим; из-за проблем со сном заснуть он не мог ещё до полутора часов; и так именно узнал, что час назад прабабушка умерла в беспамятстве, за два дня до дня рождения своей дочки, его бабушки. Через год некоторые каналы закрыли, некоторые изменили коренным образом; испортился и сигнал; волшебные каникулы продлились в сумме не больше месяца.

Но Аркаша приезжал всё равно, почти каждый раз замечая новые перемены: то газовую трубу проведут, то в хатах сделают перестановку, то между огородом и «городом» из старого забора сделают два новых, чтобы «кури» не поклевали овощи и не копались в говне у кроликов; потом уже ему самому приходилось участвовать в постройке нового сарая, в заливке бетоном уже износившегося, в рытье колодца и прочем, что облегчало жизнь старикам, которым суждено умереть вскоре. Одним из таких дел стало рытьё канализации, необходимой для того, чтобы вода из ванны не сливалась в огород соседей, как сливалась уже лет тридцать (!); и дело тут не в самом рытье, а параллельно проходившем с ним подготовке дров к зиме; колол их сосед Женя, который потом женился и развёлся, который не отличался умственными способностями, но прирождён был прожить

в деревне, в станице, что сейчас не имеет значения; если кто не знает: сперва распиленные деревья привозятся грузовиком, затем их уже нужно расчленить на небольшие пеньки, а потом уже колоть на несколько частей; обычно каждую из трёх работ выполняют разные люди, поэтому и между их выполнением может проходить до полугода, отчего почти всегда в начале лета рядом с домом бабушки собиралась куча из пеньков, по которой Аркаша бегал сутками, прокладывая себе наиболее удобные тропы, иногда спотыкаясь и травмируя что-то, но никогда его это не останавливало; так он бегал и в пекло, и под дождём, и по ветру, пока кучу не раскалывали; помнится, после последней кучи газ и провели, так что заказывали её совершенно зря; там до сих пор стоит в два слоя стена из дров, что внизу подгнила немного, а сверху покрылась паутиной и дохлыми мухами; а на одном из концов стены можно найти ещё советского времени дрова.

Не находясь в известных местах, Аркаша бы не смог вспомнить ещё чего-нибудь, что не было сказано выше; безусловно, в этой станице он провёл четверть жизни, если школьные часы вообще за жизнь не считать, поэтому запомнить смог многое, но и забыл немало. Для контраста я расскажу историю, которая случилась относительно недавно с непонятной подругой его бабушки: подругу звали Любой, и жила она на углу в очень простом и ветхом домике, не имея никакого серьёзного хозяйства, помимо кур и уток, которые кормились тем, что бывает в траве; эта Люба работала на сборе картошки по утрам, а в качестве зарплаты получала и немного денег, и несколько килограмм картошки каждый день, а потом почти всю вторую половину дня ходила пьяная, спивалась, но при этом бабушка называла её своей подругой, что и было странно; эта Люба в молодости залезла от солдата из местного полка, а потом полк ушёл;

позже она за кого-то вышла замуж, но вскоре муж умер; в итоге начала пить; детей у неё двое или трое, но каждый её не любил, не помогал, избегал; однажды Любу укусили пчелы, отчего началась аллергия, а в итоге она чуть не умерла от удушья и обосрала хорошим поносом новые чехлы в машине совершенно случайного водителя; а через год другой она умела; с тех пор никто в её доме не жил, поэтому всё вокруг начало зарастать деревьями и бурьяном; а когда-то вечером на том углу было необыкновенно красиво.

Если создалось впечатление, что Аркаша являлся обычным ребёнком, то придётся сказать, что это совсем не так, ибо в наши дни ни один ребёнок не похож на другого в точности, ни один ребёнок не является обычным, ведь вокруг мы наблюдаем времена падения, когда здоровым людям размножаться опасно и выходит дорого, а больным — размножаться не запрещено, поэтому их не останавливает ничего; именно поэтому последние несколько поколений наблюдается рост числа дегенеративных детей, которые появляются на свет сросшимися, слабыми, косоглазыми, недоношенными, безмозглыми, хрупкими, слабоумными и т. д.; больные значительно обычно требуют большого ухода, поэтому в обычные школы не ходят, да и по улицам ходят редко, что, впрочем, совсем не значит, что их мало, совсем не значит; если же они ходят в школы, то абсолютно всегда имеют психические отклонения; и Аркаша был одним из них.

Напрасно многие думают, что дети — это цветы жизни, счастье или ещё что-нибудь светлое: такие люди просто-напросто не знают о своих детях ничего, не знают многих страшных тайн и тайн позорных, а иначе бы — мир стал совершенно другим. И вот что я докажу на примере Аркаши: он рос умненьким молчаливым мальчиком, не гулял почти, настоящих друзей тоже не имел, был замкнутым, но родители видели в этом хорошее, потому что, естественно, с плохой компанией он связаться не мог, раз вообще не гулял и не общался ни с кем, хотя в эпоху доступного Интернета общаться в живую — было не обязательно, к слову скажу; очень часто Аркаша показывал в школе способности к чему-то, но ничем не интересовался, по приходе домой в течение оставшегося дня

фактически не делал ничего, помимо слушания музыки, просмотра всяких видео, приёмов пищи и других естественных вещей; зато не шлялся по улицам, не связывался с гопниками и эмарями, суицидниками и хулиганами; недостаток был в том, что не интересовался он и молодёжной «культурой» того времени, хотя недостатком это было — лишь в глазах посредственных рабов; тем не менее, однажды он посмотрел первые две части «Сумерек», подсел на чемпионат мира по футболу в 2012-м, заигрался в Counter-Strike, а особенно долгое время увлекался турничками, всякими трюками на них, понтами; хорошо, что не закукарекал. Понятия не имею, каким образом эти внешние увлечения связаны с тем, что стало происходить дальше, но практика показывает явную связь между задротами, анимешниками, турникменами и футболистами; а связывает их одна болезнь, чьё имя — гомосексуальность; наверное, именно поэтому уже с десяти лет Аркаша стал замечать, что местные футболисты любят обниматься, турникмены — показывать свои выпирающие кости и полуголы туши, а анимешники от этих турникменов отличаются только тем, единственно, что спортом не занимаются, но сразу предпочитают быть слабыми и пассивными, как девушки; только девушки не раздеваются перед зеркалом и не дробчат на собственные задницы, если дробчить-то там не на что. Но ладно.

А как Аркаша начал дробчить? Оказывается, многие девушки не знают ещё того факта, что ВСЕ ПАРНИ ДРОЧАТ, а многие ещё верят, что вот их парней это не касается, что их парни — чище и умнее, взрослее и непорочнее, хотя на деле — они просто не сознаются, лгут то есть, а этого Аркаша никогда не любил; не любил лгать и скрывать, поэтому и рассказал о себе все подробности. Дробчить он начал около 17 лет, и в первые месяцы это было тесно связано с атмосферой бабушкиного дома,

описанной ранее; нет, он не был каким-то извращенцем-фетишистом и не испытывал удовольствие от того, что дрочил именно в доме бабушки, но просто она долгое время ранним утром уезжала с дедом в город в связи с торговлей, но беспокоилась за внука, поэтому при отъезде (около пяти утра) будила его единственно для того, чтобы тот закрыл входную дверь изнутри; дверь находилась далеко от кровати, а обычно такие дни приключались ближе к зиме, то есть было и холодно; я свожу к тому, что Аркаша неизбежно просыпался тогда, поэтому уже редко мог просто лечь и заснуть вновь; поэтому он включал кассеты из тумбочки и смотрел их в пустом доме около трёх часов; однажды он решил пошалить, поэтому включил одну из самых известных пошлых комедий; и был там такой момент, когда девушка с красивым телом разделась почти полностью; а Аркаша дрочил в этот момент и постоянно перематывал а него, пока не... кончил; и тут он узнал, что такое оргазм и как он проявляется, что оргазм является кульминацией и что после такой кульминации пропадает всякое желание к известно чему; он мало смотрел порно ранее, потому что обычно оно только передавалась из телефона в телефон, а цветной телефон у него появился достаточно поздно, хотя было опасно хранить на нём порно, да и места хватало только на одно-два видео; короче, Аркаша мало что знал о сексе, поэтому не ожидал эякуляции, потому не подготовился, потому кончил на себя, что тоже вызвало неудобства; кончил он, как показалось, только секретом простаты, то есть только прозрачным, ибо впервые; но после того дня желание стало возникать у него раз в некоторое время. Так он начал дрочить; так он продолжал делать ещё несколько лет, пока это носило некий ореол опасности быть обнаруженным — и пока стоило больших сил найти время и отыскать сами видео, на которые можно... ведь Интернет не был ему доступен; он смотрел порнуху

со старых дисков, со старых проигрывателей, а это было так приятно, что за день можно было кончить трижды; а в двадцать лет это уже немыслимо, многие согласятся. Особенно Аркашу привлекали видео с какими-либо извращениями типа лесбиянства, минета, анала, групповухи и так далее; и так именно он начал понимать, что же есть извращение. Позднее желание дрончить возникало так часто, что делать это в полной мере было невозможно, ибо условия не позволяли; так начались фантазии и частые походы в туалет; и в этом туалете он переебал всех своих одноклассниц и многих учительниц (мысленно, конечно) по многу раз, в разных позах и составах; а потом же переключился на некоторых одноклассников, сперва придумывая чисто их совокупления, а после — и участвуя; потом это начало вызывать отвращение, поэтому одноклассников заменили малознакомые девушки с пенисами; потом он стал думать о гомосексуальных оргиях без мастурбации, но часто отбрасывал эти мысли, отбрасывал свои желания, как будто этим сразу кончал с отклонениями, их вызвавшими; и много было всего, что противно стало бы многим, но в сравнении с будущим оказалось обычной шалостью. Позже он потерпел много неудач с девушками, часто стал испытывать тоску, разочарование, желание свершить суицид, дабы напомнить всем о своей значимости, которой не замечал он сам; так он пришёл к дешёвым фильмам ужасов, к готике и сатанизму, к тяжёлой музыке и тяжёлым видео; так он однажды заинтересовался некрофилией, а потом строил на этом воззрения; он стал думать, что мёртвая девушка уже не откажет, что даже холодная любовь для него окажется лучше никакой, что это пугает окружающих, но в то же время привлекательно чем-то; всего и не вспомнишь; но жажда секса с мёртвыми через какое-то время переросла в зоофилию и копрофилию; так он стал искать уже такое порно, которое с одной стороны

запрещено, с другой — никому не нравится; и он находил; и дробил; а в особенности дробил при виде женского испражнения; но и это прошло. Закончилось же всё тем, что Аркаша полюбил порно с трансами и всюду теперь представляет себя в совокуплении с ними; во всех позах и ролях.

Прежде чем приступить к грязным событиям его прошлого, я расскажу ещё про два странных периода жизни нашего героя, откуда последующее уже исходит как закономерность. Эти периоды близко связаны, и их можно объединить в один. Тогда Аркаше было ещё лет тринадцать; он ещё почитывал мамину книгу любовь, секс и потенцию, но прятал оную обратно в шкаф при всяком шорохе за дверью, как маленький, хотя он и был маленьким; впрочем, уже в компании мнимых друзей он становился совершенно другим человеком, получал уважение за счёт своей силы, важного для подростков качества, хотя с течением времени взгляды подростков меняются — и сила перестаёт цениться по достоинству; так друзья и уходят, но в те дни они ещё были. Как-то случайно он познакомился сразу с тройкой друзей, имена которым — Егор, Никита и Денис; пацаны они были хорошие и весёлые, однако дефективные, поэтому дружба с ними вскоре перестала быть красочной и показала своё настоящее лицо; так они наскучили и исчезли из жизни Аркаши; Никита имел на лице признаки слабоумия, Денис был очень умным, но с дистрофией и патологиями скелета, а Егор был достаточно плотным и сильным человеком, но смердел как в прямом смысле, так и словами; девушек всегда касалось нечто подобное, что в лагере лишь подтвердилось.

Теперь же про лагерь. Туда он поехал по бесплатной путёвке и без прохождения всяких анализов, потому что знакомый врач написал всё нужное за несколько минут; ехали долго, но в хороших условиях; когда приехали, то оказалось, что в плане физического развития все «товарищи» по отряду превосходили Аркашу, хотя заключа-

лось это в том, что были они выше и казались старше, потому что курили и бухали; то же самое касалось половины девочек; и поэтому десяток человек из отряда каждый день курили в уличных душах, которыми никто не пользовался по назначению, и раз в несколько дней покупали дешёвую выпивку за пределами лагеря; напивались, дебоширили, мусорили, но взрослые при этом делали вид, что не замечают этого; там были и красивые девушки, но часто их красота сочеталась со властностью и садизмом; и все курили; была там и Катя, вторая или третья любовь нашего героя, но к нему она относилась холодно и, как оказалось, была единственной в отряде не из его города, потому что была дочкой заведующей лагеря (или около того). А запомнил он из лагеря в основном то, как каждое утро очень рано вожатые включали громкую музыку для детей, затем ходили по комнатам, стреляя во всех из водяных пистолетов; затем всех сгоняли на массовую зарядку, что не имела смысла; потом проверяющих ходил и оценивал чистоту комнат, а комнату свою никто из соседей Аркаши убирать не хотел; потом выходили на море, что-то делали ещё, пугали «депортацией», когда наш герой с несколькими товарищами перескакивали через один из заборов, чтобы не оставаться на дискотеке; а на дискотеку-то фактически сгоняли всех, потому что каждый день прямо до неё все обязаны были присутствовать на линейке, потом — показывать свои сценки (каждый день новые и тематические), а потом как бы отпускали, но все заборы уже были заперты, то есть и выйти было невозможно. Что запомнилось больше всего — так это обидные клички и волчий голод; кормили там донельзя вкусно, но слишком маленькими порциями, поэтому все смыслы дня заключались в поиске пропитания на вечер; обычно перед сном давали кефир, но с наступлением ночи почти никто не собирался спать, поэтому мешал собиравшимся; приходилось пи-

таться хлебом из столовой и лавашами.

Уверен, что начало главы оказалось куда лучше основной части; оно побудило ожидать чего-то серьёзного, необычного, интересного, настоящего, но в итоге всё свелось к самым примитивным воспоминаниям никчёмного детства какого-то Аркаши; вот то же самое происходит в жизни, когда ты встречаешь нового человека и сразу ожидаешь от него то, что сам бы предоставил на его месте; но сей человек отличается от тебя и не похож на тебя, как оказывается после; он на самом деле будет куда глупее, жёстче и коварнее, чем мог бы ты ожидать. В таких случаях приходится обжигаться, но но потом всё становится на свои места; и всё проявляется тогда, когда, увы, уже поздно. Так произойдёт и в следующих главах.

Аркаша любил заниматься спортом: спорт был каким-то спасением от жалкой жизни, от угнетающей повседневности, от гадких людей, которых ценят девушки ни за что, и от отвратительных девушек, которые не ценили его, такого умного, симпатичного, сильного и смышлёного, не ценили за единственно то, что Аркаша был совсем другим человеком, как бы не от мира сего, отчего и вызывал подозрения, казался странным типом, ведь не случайно же ещё ни одна девушка не выбрала его (поэтому и другие не выбирают), не случайно же он общается с какими-то странными и молчаливыми парнями, но не курит, не пьёт, не играет шута, не строит из себя крутого, не матерится и не пиздаболит¹ при всякой встрече, как это делают «нормальные» парни, кои и привлекают девушек; на самом же деле оказывалось, что его близкие приятели — это не по годам умные люди, пусть и ненормальные в чём-то, а знакомые девушки, красавицы и не очень, поголовно становились лицемерными шлюхами или открытыми лесбиянками, но чтобы узнать такое, требовались годы; а в те дни Аркаша мало знал. Поэтому он занимался спортом, держал себя в форме ради той единственной, которая из головы у него не выходит и в реальной жизни не появится, является недостижимой целью и единственной защитой от того, чтобы не меняться коренным образом, не опускаться ниже того уровня, на котором находишься; вот почему он занимался спортом.

¹ несёт хуйню, чтобы находится в центре внимания и не заглядывать внутрь себя

Аркаша любил больше силовые упражнения, но понимал, что хоть изредка следовало бы бегать; поначалу он всего-навсего совершал длительные прогулки, но оные не приносили ощущения развития и оказывались до того длительными, долгим, что лишали значительного свободного времени перед сном, которое обычно расходовалось на дешёвые фильмы, музыку, листание ленты новостей, то есть отдыха от отдыха, но не развития даже в умственном отношении; тем не менее, Аркаша увлекался сим, поэтому имел потребность сократить время тренировок; и лишь так он стал бегать. А бегал в одном чудесном месте, которое обнаружил во время прогулки с другом; оказывается, в этом бурлящем городе, где непрестанно машины несутся под фонарями, горящими круглые сутки и каждый, если на то остаются деньги в бюджете, — оказывается, что на его собственном микрорайоне, в пятнадцати минутах ходьбы от дома, за недавно построенным жилым комплексом — обитает пустое поле сорняков, с двух сторон окружённое лесополосой, с одной — ржавящим забором старого предприятия, с последней — поворачивающей дорогой в местный сельхозинститут, причём за одной из лесополос сразу же протекает река, а через другую, как говорят, можно дойти до Славянского микрорайона, хотя на самом деле получасовой путь приводит уже за город; в центре поля располагается искусственная возвышенность из земли, давным-давно наваленная КАМАЗами, уже заросшая, отвердевшая и протоптанная; половину поля занимает редкий, но крупный строительным мусор, скрывшийся уже в сорняках; другая половина поля составляет огород института, а на огороде сём, как кажется, растёт одно и то же растение, достигающее высоты по грудь среднего человека; но имя того остаётся в секрете. И дело всё в том, что мало кто знает об этом месте, никто не гуля-

ет там с наступлением темноты, и даже фонари на качественной дороге к институту близ этого места никогда не включаются, хотя имеются; и если бежать от известных общежитий по одной из дорог, что проходит непосредственно рядом со стадионом, то можно прибежать к тому самому полю, причём сперва фонари начнут редеть, затем людей на той дороге не окажется, а после пропадёт и электрический свет, уступая лишь сиянию дальних домов. И та самая граница, где располагается последний горящий фонарь, по мере приближения к ней начинает обретать мистический ореол, провоцирует чувство одиночества, но в то же время — умиротворения, а ещё внушает чувство, что если обернёшься, то не увидишь никакой дороги, по которой бежал только что или увидишь бесконечную дорогу совсем в другое место, давно заброшенное людьми; это место можно назвать прошлым, но в первую очередь на ум приходят воспоминания о «Тёмной стране».

«Тёмная страна» — это никому не известный фильм, кой Аркаше довелось посмотреть вместе с другими фильмами из какого-то пиратского сборника; это случилось в Агрии, одном из посёлков рядом с Чёрным морем, где Аркаша отдыхал каждый год в течение трёх или четырёх лет, отдыхал вместе со своей семьёй и семьёй друга; там он впервые действительно почувствовал море, там он и побывал на море последний раз во втором десятке жизни. Агрия была старым посёлком, располагалась на возвышенности, поэтому к морю приходилось десять минут идти по лесу, а затем спускаться по ущелью, чтобы купаться в воде, как правило, грязной, полной водорослей и мусора, ибо часто в тех местах проходили штормы, из-за которых к берегам приплывали пластиковые бутылки, крышки, деревянные щепки — шутили — прямо из Турции; вдобавок было много крупных камней, из-за чего детей пускали купаться

с боязнью, а небольшие булыжники чуть ли не ежедневно резали кожу ног, а потом порезы щипало от солёной воды. Но то были лишь необычные походы купаться, а основная часть времени проводилась на даче, в которой жили; рядом с дачей стоял кем-то переделанный детский сад, но прилегающая к нему площадка оставалась нетронутой человеком, поэтому лишь проржавела местами, но ей пользовались все местные дети, то есть почти всегда — только Аркаша с другом; там были заборы, где приятно валяться, там был и таинственный спуск куда-то вниз, но никто не спускался туда по причине комаров и гор мусора повсюду; на той площадке можно было гулять и общаться, но это наскучивало быстро; иногда вечером уезжали отдохнуть в Ольгинку (где Аркаша и был в лагере потом), где действительно было красиво, но это никак не влияло на то, что скучно приходилось в середине дня; искали выход игрой в карты, но это мелочи. В последний год взяли ноутбук с собой; тогда и вечером начались прохождения весьма приятных STALKER, The Saboteur и другие; право, после СТАЛКЕРа было страшно выходить в туалет под вой местных волков, а ещё просыпаться ночью было страшно, хотя просыпались часто, ибо часам к четырём утра почти как правило начинались буйные ветра от моря. На том же самом ноутбуке в последние дни поездки был просмотрен впервые упомянутый фильм; фильм имел особенный сюжет: в районе шестидесятых годов мужчина женится на проститутке в Вегасе, а затем они отправляются в брачное путешествие через ближайшую пустыню; наступает неописуемо очаровательный закат, а затем они едут по пустой трассе в ночи; звёзды горят ярко, поэтому мужчина выключает фары и продолжает ехать в почти полной темноте; как только фары включают, машина врывается в кого-то на дороге; сбитый не убит, его затаскивают в машину и везут до ближай-

шей больницы; по дороге он показывает, что знает об их спутников, затем нападает на водителя; сбитого убивают и закапывают поблизости; далее они отправляются в зону отдыха, паркуются, женщина остаётся, а мужчина возвращается к могиле непонятно зачем; слышатся выстрелы — он едет назад; по достижении зоны жена не находится, а главный герой узнаёт, что все машины в зоне покрыты толстым слоем пыли (это в пустыне на открытой местности), то есть выходит, что зоной не пользовались уже десяток лет или более; потом происходят разные столкновения с полицией, главный герой попадает в аварию, зажигаются фары, его сбивает машина; он просыпается в собственной машине в роли сбитого, а спереди видит себя и жену, какими он сам был с ней в начале фильма, то есть цикл повторился; и это всё сопровождалось красивыми видами в не самом лучшем качестве изображения; и этот фильм остался в памяти Аркаши на всю жизнь — и не разгадан по сей день; именно эту тёмную страну он вспоминал, когда бежал от сельхоза к искусственной возвышенности по той пустой дороге, в конце которой кончается свет. Он бежал в тёмную страну своего воображения, он бежал к своему прошлому; потому и бежал.

###

Когда-нибудь забудется вся взрослая жизнь, покинут память обыденные проблемы, старые и новые воззрения, новые люди, развлечения, вопросы и принципы, но самое далёкое прошлое начнёт всплывать непредсказуемо — и станет бить по тебе, словно молот, словно теория функции, словно безысходность, которой не видно конца; и как бы верно ты не мыслил потом, в какой-то миг сие не возымеет значения, забудется, уйдёт на второй план, потому что бессознательное не зависит от тебя и окажется сильнее тебя, появится, проявится ввиду каких-нибудь внешних причин, что нет смысла предугадывать и предотвращать. Как бы не сложилась жизнь, однажды меланхолия затмит всё; однажды доведётся вспомнить то, о чём хотелось бы позабыть; однажды придётся пожалеть о том, что ты вырос, что ты многое узнал и видишь ныне мир не таким волшебным, каким он был некогда ввиду неизвестности, когда он и был лучше.

Одиннадцатый класс. У старшего поколения он ассоциировался с выпускным вечером, с началом взрослой жизни, с романтикой и так далее, но у сегодняшних учеников и студентов, бывших учеников, при упоминании одиннадцатого класса перед глазами встаёт ЕГЭ, этот ненужный экзамен, полный ошибок и не показывающий ничего из знаний, но требующий на себя, требующий для себя посвятить целый учебный год, одновременно и последний год школы, и последний год пред тяжёлой жизнью и большими переменами; и дети, и родители ведутся на общий ажиотаж, верят угрозам (иначе не назовёшь) учителей, верят, что от баллов будет зависеть будущее, что от хороших баллов проблемы исчезнут, испарятся; уже несколько лет одно за другим поколение одиннадцатиклассников впустую тратит последние счастливые мгновения на этот мусор, подростки отказываются вкушать свободу, а затем в любом случае становятся на своё место: спешат выбрать себе ВУЗ за два-три месяца, пытаются за такой короткий срок решить вопрос о всём своём будущем, о том, что у них больше всего получается, что им больше нравится, что полезнее и более оплачиваемо, но на оценку времени мало, поэтому икигай никому не достаётся, зато все испытывают стресс от спешки, не находя при выборе специальности точной информации насчёт неё, поэтому в конечном счёте выбирают более престижное, но заваливают экзамены и остаются в родном городе или уезжают в другой, но во втором случае чаще вскоре отчисляются, садятся на иглу, уходят в криминал или в низшие слои общества, потому что не могут учиться, но хотят уже работать и зарабатывать, но без образования не получают достойной работы,

а недостойную с образованием совмещать невозможно; но чаще это — обычные лентяи, тунеядцы, тусовщики; и даже хорошисты, закончив ВУЗ, но ничего не добиваясь в итоге, из всей школы буду вспоминать именно последний класс, которого они себя лишили. Так происходит из года в год.

Знаете, однажды кто-нибудь из них тёплым весенним вечером непременно посетит прилегающую территорию бывшей школы, удивится небольшим изменениям, может быть, в окраске тротуаров или гимнастических городков — либо нисколько не изумится тому, что во многом всё остаётся по-прежнему, разве что окружающее покажется каким-то уменьшенным, беговая дорожка вокруг футбольного поля — укороченной, а лесенка с турниками, сделанные, по-видимому, после строительства школы из оставшихся труб, покажется ниже на одну или две половины метра; а ведь именно на той лесенке, классе в пятом, происходили соревнования между отрядами летнего лагеря, где сами сии соревнования оказались альтернативой мальчишеской «стрелке», да и сам лагерь на многие годы останется в памяти в качестве символа безмятежности, радости, творчества, дружбы и умеренных развлечений, ибо именно тогда ты впервые поехал в кино в большой компании, тогда же начал общаться со сверстниками, приходил к ним в гости, учить чему-нибудь тех, кого совсем скоро забудешь напрочь и кого через несколько лет потеряешь из виду навсегда; впрочем, едва ли счастливое детство обуславливалось школой и её лагерем — просто сам ты таков, что невольно всё запомнил и воспринял так именно, что даже умышленно опосля не забудешь. А затем ты пройдёшь считанные метры и наткнёшься на плиты для бордюров, чему всё же удивишься потому, что несколько лет назад ты из окна актового зала видел те же самые плиты и в том же положении в то же время суток и при

погоде схожей с тою, какая имела место при последней запомнившейся репетиции выпускного, когда ты, фактически не имея роли, пришёл сюда после какого-то ЕГЭ, уставший, но довольный и преисполненный ожидания важных перемен в скором будущем, отчего и настоящее воспринималось по-другому, иначе, искажённо, ведь даже малоумные одноклассники с чрезмерным самомнением и отвратительными вкусами — в тот день не вызывали, кажется, заслуженного отвращения, но ощущались как часть тебя самого, но не родное всё же, потому что с ними вскоре придётся расстаться, а расставание не принесёт тебе разительного горя. Впрочем, не ты один и не раз начнёшь вспоминать, ибо человек обречён заглядывать в невозвратное прошлое, воспринимая оное куда ярче настоящего и вовсе не обращать внимание на то, что выпускного уже не повторишь, а грядки возле столовой, где ты, может быть, сапал¹ ещё в десятом классе, зарастут ещё не раз и не раз ещё будут очищаться кем-то другим, хотя смысла это действие не возымеет и через тысячи повторений, не перестанет быть бесполезным и показным, как и донельзя многие вещи из школы, которые всё-таки воспримутся с теплом, а не такими, какими являлись наяву давным-давно. Ты пройдёшь дальше и на каком-то углу увидишь снаружи кабинеты ОБЖ (крайний справа), труда (с огромными железными станками внутри), английского (с разноцветными жалюзи) и встретишь, и вспомнишь ещё десятки мест и событий, произошедших с тобою куда ранее и посему, наверное, хранящихся в памяти куда глубже, а пролетят они так стремительно, что и не скажешь при первом ощущении, будто их

¹ работал сапкой, мотыгой

нельзя было бы записать на одной странице, хотя на самом деле они составляют твою жизнь и сами по себе могли бы уложиться в несколько романов. Но не стоит углубляться в прошлое. Так ли? Разве именно ты волен влиять на это? Ведь совершенно безотчётно ты будешь выходить со школьного двора через участок территории, на котором твой класс беспрестанно убирал иголки и шишки — и даже когда класс распался и канул в Лету, иголки и шишки продолжают лежать на своём месте, на своей территории, словно они-то не подверглись влиянию времени — и не изменились, но изменился только ты; и домой ты пойдёшь по дороге прошлого, не оставляемый привязанностью к нему — и заплутаешь на аллее, разделённой на три участка, каждый из коих памятен по имманентным себе причинам, а сворачивая прочь, ты неизбежно встретишь столбы и перекладины, на которых когда-то пытался научить приходящих друзей своему «мастерству», на самом деле утоляя своё тщеславие, да только самих перекладин на площадке той уже не обнаружишь. Но далеко не все события прошлого вызовут меланхолию, что станет вполне понятным, когда встретишь Волчка, выёбистого пацанчика, который беспричинно обижал тебя в детстве и которого ты, подросши, имел желание обидеть, но не обидел и не предпринял никакой попытки к этому, потому что кто-то сказал, что Волчок уже изменился; но почему-то не вызовет удивления его разговор с местными полуалкашами о каких-то там проданных дозах, ведь хулиганы не изменятся, и люди не изменятся, и родные места со всем не изменятся, но ты лишь будешь воспринимать всё иначе, так как чуть ли не единственный будешь изменяться, расти или стареть, продолжать жизнь или приближаться к смерти. Впрочем, это то же самое.

Так заканчивалась подростковая жизнь Аркадия Шпоты, хотя совершенно ясно, что через него я расска-

зывал о себе и о своём прошлом, рассказывал такие вещи, которые вспоминаются наиболее часто и не к месту порой описываются в моих разговорах; если честно, так я запечатлел своё прошлое, имея подозрения, что память в скором времени начнёт подводить и окутает туманом тот период 10—17 лет, как она уже затуманила более ранние года, или годы. А настоящий Аркадий Шпота был моим одноклассником и классным (от существительного *класс*) шутом, что только способствовало его популярности; он имел много знакомств и при мне непрестанно бывал душой компании; однако, с пятого класса стало ясно, что он тупой и шутками своими нагло и продуктивно умаляет серьёзность сего; класса с седьмого было уж очевидным, что к тупым относились и все члены его круга, за исключением одной-двух девушек, а ещё через год я увидел, что в каждом классе нашей школы, одной из лучших в крае, тупыми выродками являлись все, кроме двух-шести человек, поэтому я и выделялся среди них, чему — поверьте — обязан не своему гению, а отсутствию разума у окружающих; Аркаша насилу закончил 9-й класс и вместе с многими крайними дебилами ушёл какой-то колледж; я не интересовался его судьбой, но с тех пор случайно встречался с ним трижды и с каждым разом обнаруживал всё пушую деградацию с уклоном в слабоумие, а особенно это касалось медленной речи, тупых вопросов, старых тем и поверхностных суждений; пока что Аркаша живёт и поведением напоминает прикольного дедка лет пятидесяти пяти, да только сейчас ему, наверное, 19.

***

Однако, я бываю неправ, порой ошибаюсь, о чём узнаю с большим удивлением, особенно потому, что обычно моя неправота касается таких случаев, кои я считал настолько запущенными, что и не разбирал их детально. Это случилось в случае с Аркашей: спустя три

года после выпускного я случайно встретил его, но обнаружил уже взрослого человека с довольно сносным умом, большой коммуникабельностью и отсутствием негатива, хорошего парня, поэтому даже немного разозлился на себя за то, что ранее относился к нему незаслуженно; сын вора-рецидивиста, Аркаша обречён был иметь ограниченные возможности — возможности во многих смыслах, но это совсем не помешало ему вырасти максимально хорошим человеком и полноправным членом общества, чего зачастую не могут достичь и люди, у которых мало что потеряно. Я им возгордился и получил даже надежду на то, что к самому себе был слишком критичен и не потерял на самом деле многое из того, что посчитал потерянным.

Эпилог: ПОМЕШАННЫЙ ИЗ МОЕГО ПРОШЛОГО

*Кто сам понимает своё безумие, тот разумнее
большинства людей*
Лион Фейхтвангер

Лишь сорок слов...

Лишь сорок слов:
Огонь, воззрение, меч,
Да время, что должно утечь,
Да ум, который не оценят
Тьмы неучёных спущенных голов,
Что только тлеющее ценят.

Горит огонь в сердцах немногих,
Готовы меч поднять из них — по пальцам можно
счесть,
Ано и тех — удержит рабство нелюдей убогих,
Числа которым вовсе несть.

Так туп на мир! Как мало мыслят в нём!
Как большинство умом похоже друг на друга!
А иногда растут и мудрецы,
Но в день не сыщешь их с огнём,
Ибо живётся им во мире этом — туго!
Ибо вокруг одни слепцы!

И идеальных нет, что явь и норма,
А люди — ищут недостатки,
Дабы поверить в то, во что они желают,
А мудрецов иных — те орки унижают,
Осмеивая их физические формы
Или какие-то задатки.

И вот вся суть —
Не жаждут люди жить,
Но держатся своих оков,
Порок имеют — ими дорожить,
Себе прокладывая путь,
Что в голове хорош, а в жизни — не таков.

И как приходит к ним мудрец,
Зовущий благо сделать повсеместно,
Избавить алча от тлетворного всего, —
Так те не слушают его,
Ведь им дороже рабство, если гласить честно,
Пусть обрекает на конец.

Нет-с, позвольте. На свете везде второй человек. Я — второй человек. Есть первый человек, и есть второй человек. Первый человек сделает, а второй человек возьмёт. Значит, второй человек выходит первый человек, а первый человек — второй человек. Так или не так?

Ф. Достоевский «Подросток»

Знал я...

Эготизм — склонность говорить о себе, ставить себя на первый план и всё рассматривать только с точки зрения своих чувств.

Знал я одного человека, кой был силен, вынослив, умён немало и красив в той мере, в какой красивым может быть мужчина, оставаясь женщиной; этот человек ничего не скрывал, говорил правду в лицо и всегда отзывался на любые вопросы от сторонних, но всё равно оставался загадкой для окружающих, потому что выглядел особенно или вёл себя загадочно, однако точной причины никто выразить не смог; этот человек ни с кем не дружил, ибо никто не разделял его интересы, но он был хорошим приятелем, помогал по мелочам, а помочь-то он мог лучше всего советом, рассказом, пояснением или решением, потому что действительно имел аналитический ум, пусть в ущерб таким функциям мышления, как память. Впрочем, раз в год-два этот человек встречался с кем-то интересным, чаще с умной женщиной — и открывался ей, потому что влюблялся вельми легко и просто, но любовь его всегда оставалась безответной, так как человеком он был далеко не обычным, посему вызывал у выбранных женщин букет самых сильных чувств, но чувств противоречивых и страшных ввиду своей противоречивости, ибо приязнь при нём смешивалась с неприязнью, уважение — со страхом, симпатия — с ненавистью, спокойствие — с трепетом, хотя я сужу по рассказам людей и не представляю, как такое могло происходить в жизни. Как оказалось, он сам был во многом противоречив и странным, имел вполне обыкновенное детство, но восприни-

мал оное донельзя чувственно, поэтому себе самому со-
здал обманывающее впечатление, что к двадцати годам
уже прожил целую жизнь, а потому часто вспоминал
прошлое и чувствовал себя стареньким; тем менее, он
жил и в настоящем — и настоящее также воспринимал
чрезмерно чувственно, свои проблемы ощущал глобаль-
ными, своё мнение считал истинным и самым актуаль-
ным, отчего вёл себя как помешанный, а после и явно
стал помешанным. Он проникся тематикой господ и ра-
бов, свободы и неволи, здоровья и болезни, культуры
и упадка культуру, посему в весьма скором времени
(но должно заметить, вполне справедливо) он почув-
ствовал мерзость к окружающему миру, то есть к людям
в общем, потому что все люди в глазах его были либо
дегенератами, имбецилами, извращенцами либо просто
рабами, которые не видят многого, но легко превраща-
ются в стадо; но сей человек был лишь маленькой пче-
лой в нашем безмерном улье, поэтому в самом деле
не мог ничего изменить, но всего-навсего решил уйти
в себя и стал обманываться надеждой, что всё-таки
он — может. Быть может, он бы и совершил НЕЧТО, ес-
ли бы не боялся и не упускал попадавшиея шансы,
оправдываясь как-нибудь; он добился бы желанной вла-
сти, если бы шёл к ней, а не мудрствовал о том, как
плоха власть текущая и в какую именно её следовало бы
преобразить; он определённо и непременно возымел бы
сторонников, если бы сам жил по своим учениям,
а не протестовал бы против повседневности, будучи
в зависимости от неё, и если бы, к примеру, не старался
хорошо учиться, вопия о том, что современная система
образования сгнила и не имеет смысла больше; возмож-
но, он был бы счастлив, если бы усмирил себя и не был
эгоистом, если бы любил от чистого сердца, но не из це-
ли, ибо его любовь легко превращалась в ненависть
и всегда отталкивала женщин от него — и его от самого

себя — и от женщин. Всё-таки, сей человек прожил интересную жизнь, но однажды исчез с моих глаз, отчего вновь обрёл в них загадочность; он остался в прошлом, но прошлое всё ещё существует в моей памяти и требует огласки. Я расскажу, что знаю.

Он был весьма и весьма странным человеком, противоречил себе и казался многоликим: имел таланты в нескольких разных направлениях человеческого знания и деятельности, но иногда не пользовался своим талантом, а даже если пользовался, делал это бездушно, чисто технически, без какого-либо увлечения и заинтересованности, но при сём был в таких делах лучше многих; и долгое время никому не было известно, что интересуется он на самом деле, ведь он молчал, а что-то же должно было интересовать такую личность — или скопление личностей, порой выдавшее себя достаточно явно, ибо сей помешанный иногда был весел и казался дураком, чаще становился агрессивным и похотливым, злым и жестоким, иногда же превращался в самого святого человека из всех, но обыкновенно, уставший, молчал или рассуждал так ясно, что в глазах постороннего сливался со своими словами и человеком не казался вовсе, понеже внушал уверенность, уважение, трепет и, казалось, не боялся ничего, не знал привычных нам слабостей и превосходил всякого; впрочем, так виделось снаружи, зато внутри он был чистым и положительно чувственным героем, тоже имел страхи и слабость, терзаясь ими поболее нашего. Его легко было растрогать и обидеть, разгневать и влюбить в себя, но в то же время он — при имени внутренних причин — бывал чрезмерно бессердечным или любвеобильным до невозможности и сохранял такое настроение в течение многих часов, теряя объективность и рациональность в общем, что понимал, наверное, но противостоять чему не мог ни в коей степени.

Его мировоззрение росло не по обыденным законам, росло быстро и обещало очень многое, обещало что-то светлое, восхитительное, новое и очень значимое, но не нашло поддержки в нашем мире, поэтому начало развиваться в полном одиночестве; и так оно испортилось. Этот помешанный блистал своей интуицией, удивлял логикой и скоростью мышления, но ум его светился так ярко, что упускал почти всё, привычное нам, но касался более высших вещей, большинству людей и во всю жизнь недоступных; и поэтому для других он казался очень странным, ибо не смотрел футбол, не ел сладкое, не «задрачивался в дотан», не слушал посредственное и смешное и не общался с теми, кто всё-таки слушал; но не общался он не из отвращения, но от понимания, что и мне самому кажется странным; а в жизни этот помешанный показывал беспомощность, часто «тормозил» и не понимал с полуслова; что тоже сыграло на его оценке окружающими. Во многом он и самого себя недолюбливал: презирал геев, хотя сам был одним из них в глубинах психики, что понимал иногда, когда смотрел порнуху на смартфоне; ненавидел он и лесбиянок в жизни, чувствовал боли при мысли о них, но то же время обожал любоваться женскими поцелуями, если находил такое в Интернете; он не терпел медлительности в других, но сам, когда был медлительным, искал оправдания к своему случаю; это касалось и других качеств; кажется, так начинается эгоцентризм.

Конечно, он был умён, однако порой ему приходилось казаться умным, чтобы производить впечатление или не падать в своих глазах; иногда его сознание померкало, посему не властен он был противостоять мории, пошлостям, бездумью и всему остальному, что исходило от бессознательного, что составляло такую его суть, какую люди обыкновенно скрывают ложью окружающим и самим себе, ибо им было бы стыдно призна-

ваться другими и осознавать самим, каковы они на самом деле, потому что больными их не примут другие больные, что кажутся здоровыми. Иногда мой знакомый казался глупым, но не сказал бы я, что в такие моменты глупым был именно он, но не я сам; он был уверен в своих словах и воззрениях, везде и всюду обнаруживал закономерности, другим недоступные, другими осмеиваемые: да, очень многие считали его мнение бредом, смеялись над ним, обзывали «посредственностью» и «неполноценным», — дабы не нарушать красоты слога, — а он, знакомый мой, и не знал, как реагировать на оскорбления рабов и слабоумных, никак не обосновывающих свои слова и смеющихся каким-то больным истеричным смешком; он не знал, как реагировать на восклицания об «абсурдности и бесполезности» его работы, когда говорящие сами были жалкими созданиями и ничего не добивались в жизни, но пытались скрыть от себя громкими словами собственную ничтожность, оправдаться в собственных глазах, не достигая правды, но обретая постыдное спокойствие. И прав он был, мой знакомый, прав во многом, если не во всём, он верно осуждал людей и, право, совсем не утрировал их греховность, однако не предусмотрел одной единственной вещи: людской тупости...

Он сталкивался с нею, безусловно, да всё-таки верил в людей и рассчитывал найти поддержку хоть в небольшой группе образованных или добрых сердцем, но не подумал, что предрассудки и глубокая ложь для подавляющего большинства всегда важнее личной жизни, личных качеств и навязанных воззрений, отчего и добрые люди лгут самим себе и становятся злы при столкновении с правдой, а умные и образованные внезапно теряют свои ум и отдаются чувствам, нежели некто посягнёт на их жизнь, мечты и представления, на их спокойствие, преобладающее над прочим; как оказывается, красивые

внешне не всегда красивы изнутри, добрые для других в то же время неискренни в первую очередь для себя, а умные — слабы и порочны, а сильные не всегда добры; и единственным человеческим качеством, кое всякого грешника превратит в святого, кое затмит собою все плохие и все хорошие, все достоинства и все недостатки, кое обратит свинец в золото, а отсутствие коего и целомудрие обернёт в грязь, — это чистосердечность; это — правда внутри, которой не хватает многим.

Он был прекрасно сложен и по-своему красив; он с лёгкостью влюблялся в женщин, если те относились определённого типажу и имели некоторый ум; но в отношениях с ними мой знакомый всегда и непрестанно терпел неудачи, потому что время для него растягивалось и другим казалось, что в чём-то он всегда спешит; иногда он становился другом глупой женщины, которой казалось, что бывает между полами дружба, но чрезмерно быстро он хотел перескочить на следующую ступень отношений, поэтому вообще терял любые отношения; он обвинял в этом женскую сущность, однако, быть может, сам был виноват не менее любой, поскольку, обжёгшись много раз на шкурах, сделался настороженным и сам долгое время никому не открывал свою душу полностью, а женщины, требуя ожидания касательно себя, сами ждать и терпеть не умели; при разговоре с ним могло показаться, что мой знакомый был токмо влюблён, но не любил, что любил он не женщину столько, сколько самого себя, но на самом деле всю было чуточку сложнее, а у избранных им женщин умных до этого ум никогда не доходил: мой знакомый легко открывал многие области своей души даже незнакомым людям, но он патологически боялся влезать в души близких ему женщин, потому что первые грехи стоят за женщиной, потому что женщина, даже если любить её, — это корень зла, а в её прошлом и настоящем с большой веро-

ятностью имеет место грязь, флирт, разврат, содомия и ещё несколько грехов, которые и были всеми грехами, что вообще могли вызвать у моего знакомого горе, недоумение, разочарование и боль. Он боялся слушать других женщин, ибо не хотел в них разочаровываться и разочаровываться в женщинах как таковых ещё больше, не хотел терять дорогих сердцу, поэтому избегал любой неприятной информации, которой с возрастанием женского ума становилось всё больше и больше. В итоге, он дарил своё сердце многим женщинам, но те, напротив, не могли увидеть этого и считали его эгоистом; женщины бросали его, полные ненависти, но его сердце навсегда оставалась с ними же, отчего мой знакомый со всяким годом страдал всё больше и больше, а бросившие его — ему никогда не верили. И разве это лучше, чем разочарование? Сказал бы я, что лучше, да, но ведь мой умный знакомый определённо имел причины, чтобы считать иначе; полагаю, он нуждался в женщинах, в общении с женщинами, а вечная тоска по некоторым из них хоть как-нибудь заменяло ему их присутствие; посему мой знакомый часто углублялся в воспоминания, проходя мимо мест, где однажды имел что-то с кем-то, вспоминая то, что чудесным образом когда-то с ним было и никогда уже не повторится; иногда он плакал при таких воспоминаниях. Всеми виной были женщины, которые сперва давали надежду, засим подогревали её, но потом за счёт неё начинали эксплуатировать и терзать, после чего мой герой обычно уходил, а они, ничего и не чувствуя, кричали о разбитых сердцах своих, о разрушенных мечтах и планах, как бы теряя раба, но навязывая при этом ему глубокое чувство вины. А он был внушаемым.

Мой знакомый со всей искренностью собирался преобразовать мир к лучшему, но невозможно было сделать это без достижения власти, однако к власти как к тако-

вой, словно психопат, он не стремился, о чём не врал себе, но чему не верили остальные; он действительно собирался перевернуть мир и тихо уйти со сцены, доставив счастье одним людям и успокоив свою ненависть, расправившись с другими; но он не получил поддержки от людей; они не оправдали его любовь, предали его, разрушив лучший мир, тот заменив надеждами на лучшее, слепыми надеждами: ибо когнитивный диссонанс вместе со страхом перемен вынудили их продлить путь к раю на земле, дабы жить так, как жили предки; и пусть потомки понесут ответственность и когда-нибудь представнут перед выбором, но это случится не сегодня, не завтра, понеже сгнили люди и не хотят спастись. И прав был Достоевский, сказав, что приди Христос в наш мир сейчас, его бы сгрызли за богохульство и прекословье церковным догмам, потому что вера всецело исказилась людьми, а в Христа они верят лишь на словах, ибо сами придумали себе иного Христа, который обещал чудеса, но не покажет их вовеки, а того людям и нужно, ведь они боятся чудес, но вожделеют их, отчего вечное стремление им по нраву; то же самое касается счастья. И не суть, что мир развивался рывками, но не постепенно, что малое стремление в границах вечности равносильно бездействию: люди обречены быть убеждёнными в обратном. Мой знакомый сказал, что именно поэтому они не достигнут ничего, но падут и разложатся; именно поэтому они не заслужили ни свободы, ни счастья; тогда он и исчез, оставив о себе одни воспоминания и так и не сказав мне своих помыслов; быть может, он не прав был в тот день; он, может быть, когда-нибудь вернётся. Как Избавитель. Возможно, это и был Избавитель.

*..знаю дела твои, и труд твой, и терпение твое,
и то, что ты не можешь сносить развратных,
и испытал тех, которые называют себя апосто-*

лами, а они не таковы, и нашел, что они лже-
цы...

Откровение Иоанна Богослова. Глава 2

*...и тот самый народ, который сегодня целовал
твои ноги, завтра же по одному моему манове-
нию бросится подгребать к твоему костру угли...*

Фёдор Достоевский «Братья Карамазовы»

Неизвестно, когда «Наблюдатель» завершился и за-
вершился ли; написав больше двух третей от содержи-
мого книги, автор осознал её дегенеративность, упадоч-
ность и идеологическую бесполезность, особенно
в сравнении с остальными четырьмя книгами; умные
люди в таких случаях сжигали свои произведения,
но книгу в электронном виде, уже выложенную в Ин-
тернет, сжечь невозможно; тем паче, весь рынок уже за-
полнен книгами похуже, отбросами, помоями, испраж-
нениями, поэтому:

«Так вот пред такими-то все-таки сердцу легче:
несмотря на всю их аккуратность и добросовестность
все-таки даю им самый законный предлог бросить рас-
сказ на первом эпизоде романа. Ну вот и все предисло-
вие. Я совершенно согласен, что оно лишнее, но так как
оно уже написано, то пусть и останется.»¹

¹ Фёдор Достоевский

Оглавление

Обращение к читателю	5
Часть первая. Культ Икара	15
I	18
II	21
III	23
IV	25
V	28
VI	36
VII	39
VIII	46
IX	50
X	61
Часть вторая. Культ воли	65
XI	68
XII	80
XIII	84
XIV	87
Часть третья. Психологическая защита	89
XV	92
XVI	95
XVII. Друг	100
XVIII	105
Часть четвёртая. Ведьмы	111
Глава 1. Мадина, она же Оля. Введение	116
Глава 2. Силки Вики. Закономерности	123
Глава 3. Расставание с Викой. Наташа. Расставание с Наташей	131

Глава 4. Тупая Ксюша, или женская сущность.	
Воспоминания о ведьмах в его жизни	143
Глава 5. Очень странная Юля. Болото	151
Глава 6. Арина. Свет, напоминающий о мраке	163
Глава 7. Правда всегда неправдоподобна. А Дьявол не может любить	168
Часть пятая. ВЕЛИАЛ (культ силы)	179
Культ силы ...изнутри	184
и снаружи... ..	198
Часть шестая. Грешник святой или грешный святой?	209
Часть седьмая. АСМОДЕЙ	223
Часть восьмая. Хандра и новый персонаж	251
Глава 1. Аркаша	256
Глава 2. Предел последовательности	260
Глава 3. Навязчивые воспоминания	266
Глава 4. Некто, который бредит	275
Глава 5. Оправдано ль желать того, чего не будет?	280
Глава 6. Смерть и жизнь, ведущая к смерти	283
Глава 7. Полилоги-монологи	290
Глава 8. Без названия	298
Глава 9. Умственная деградация	302
Часть девятая. Её звали Джанетой. В нём жил упырь.	
В нём упырь умер?	307
Снилось	312
Джания	318
Мысли и действия	325
Она вернулась и ушла	334
Здоровый человек	338
Часть десятая. Человек среди упадка	341
Бессилие	348
Тоска	351
Ненависть волчья	353

Обида	356
Горечь	358
Надежда и надежда на надежду	360
Часть одиннадцатая. Не стремись жить	363
Последняя часть. МАЛОЛЕТКИ (повесть	
меланхолика)	399
###	406
###	409
###	411
###	415
###	418
###	421
###	425
###	429
###	434
###	436
###	439
###	443
###	448
###	451
###	456
###	457
Эпilog: ПОМЕШАННЫЙ ИЗ МОЕГО	
ПРОШЛОГО	465
Лишь сорок слов... ..	468
Знал я... ..	470

Деметрий Паскаль

Каталепсия

Роман о культе тела, и телесных культах, и зле ко злу, и зле
от зла, и падении человеческом

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero